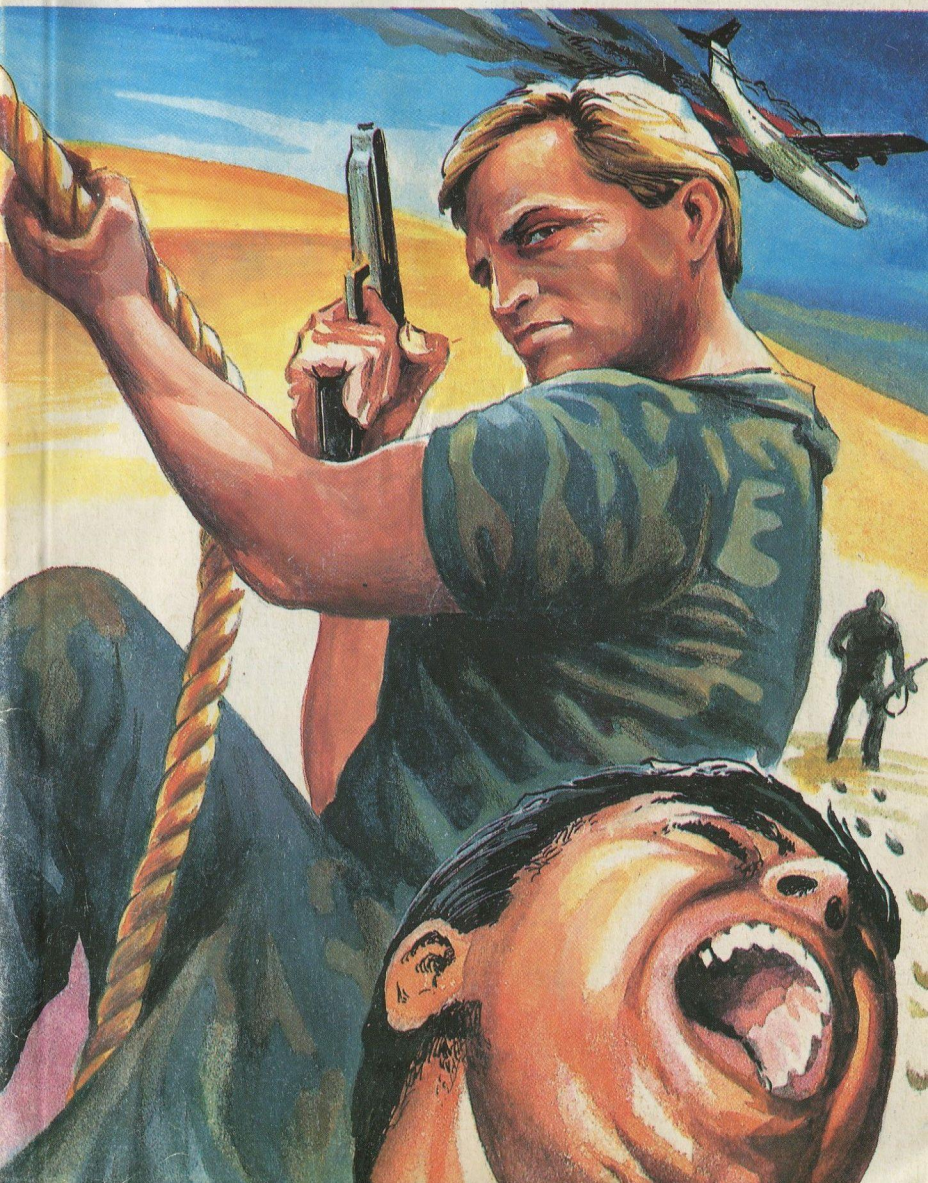

БИБЛИОТЕЧКА
ЖУРНАЛА «МИЛИЦИЯ»

ЩИТ И МЕЧ

**СОВРЕМЕННЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

ЩИТ И МЕЧ

БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА "МИЛИЦИЯ"

4/1997

СОВРЕМЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ

Владимир ПЕРШАНИН

**СПРОСИ
ПУСТЫНЮ...**

с. 3

Владимир ХРИСТОФОРОВ

**ГРИБНОЕ ЛЕТО
В ВЯЗЬМЕ**

с. 119

МОСКВА, 1997

Главный редактор
А. Г. Горлов

Редактор выпуска
Н. Т. Радченко
Художник
А. С. Кривенко
Выпускающий редактор
Т. П. Мошалкова
Корректор
В. А. Масленикова
Компьютерная верстка
И. В. Мишакиной

Повесть “Спроси пустыню...” посвящена будням спецназа. Действие происходит в знойной пустыне Южной Республики, где отряды непримиримой оппозиции режиму сбили военно-транспортный самолет России и в качестве заложников удерживают летный экипаж. Освободить авиаторов - такая задача поставлена перед командиром подразделения спецназа майором Амелиным и группой его бойцов. Задача не из простых, поскольку заложники находятся в руках боевиков, для которых законы не писаны...

В лесу под Вязьмой, что на Смоленщине, обнаружен труп болгарского гражданина Рачева. В расследование убийства включается сыщик районного масштаба майор Фидинеев, не подозревая, что окажется в самом центре международного детективного треугольника, который составляют криминальные структуры России, Болгарии и Латвии. Об этом и рассказывает в повести “Грибное лето в Вязьме”.

Владимир ПЕРШАНИН

СПРОСИ ПУСТЫНЮ...

Повесть

Тепловая головка “Стингера” догнала военно-транспортный самолет на высоте полутора тысяч метров. Взрыв распорол правый двигатель. Дюралевое крыло, разваливаясь на куски, отделилось от корпуса. Самолет затрясло, вкручивая его в крутой штопор.

Катапульты выстрелили три раза. Парашюты, раскачиваясь, несли над барханами три темные человеческие фигуры. Транспортник, опережая их, под острым углом падал вниз. Вспышка и раскатистый гулкий взрыв подняли на сотню метров черный столб дыма. Волна сжатого воздуха встряхнула людей и парашюты.

Командир самолета Михаил Решетков с трудом расстегнул ремешок шлема и сбросил его с головы. Осколок, пробивший шлем, застрял в затылочной кости, причиняя острую боль. С непокрытой головой стало легче. Решетков посмотрел вниз. Десяток всадников, рассыпавшись на три кучки, скакали вслед за приближающимися к земле летчиками. Через несколько минут они встретятся, и шансов уйти на этот раз не останется.

Солнце уже наполовину скрылось за горизонтом. Верхушки барханов отсвечивали красным, а темные пятна ложбин сплетались в причудливую вязь. Решетков чувствовал, как намокает от крови майка. Рана на затылке кровоточила, теплая струйка стекала за шиворот по спине. К горлу подступала тошнота. На несколько секунд Решетков потерял сознание, потом опять пришел в себя, вцепившись намертво в парашютные стропы.

Второй пилот, Лагутин, опускался неподалеку, серое полотно его парашюта колыхалось уже у самой земли. Штурмана Николая Гайдука отнесло ветром дальше всех. Двое всадников преследовали его, насмешливо показывая знаками, чтобы

он поторапливался. Они не ждали сопротивления, слишком жалким казался болтающийся под куполом одинокий человек со сбитого ими с такой легкостью военного самолета.

Это было их ошибкой. Штурман уже побывал в плену у воинов ислама. На его глазах оскопили, а потом повесили двух молодых таджиков, и сам он, просидев месяц в подвале, каждый день ожидал подобной участи. Бессилие и страх, пережитые им, заставили Гайдука поклясться самому себе никогда больше не попадаться в плен.

Хладнокровно взвешивая шансы вырваться из ловушки, штурман понимал, что их немного. До темноты оставалось минут тридцать - сорок, и продержаться это время среди голого песка будет непросто.

Толчок о пологий склон бархана опрокинул штурмана набок. Небольшого роста, верткий, как ящерица, он мгновенно освободился от строп. Парашют тащило по песку, и следом за ним устремились оба всадника.

Гайдук не был трусом, но мысль о том, что сопротивление почти наверняка означает для него смерть, невольно заставила его вздрогнуть. Штурману недавно исполнилось двадцать шесть, но, как многие люди, в подобные моменты он меньше всего думал о собственной судьбе, мучительно жалея мать, жену и недавно родившегося сына...

Гайдук уже хорошо разглядел переднего всадника. Грузный, широкоплечий, в полосатом халате, он держал автомат Калашникова за рукоятку стволом вверх. Широкоплечий пока не видел Гайдука, наблюдая за ползущим по бархану парашютом. Короткая очередь опрокинула его на спину. Чалма упала на песок, открывая выбритую смуглую макушку. Он с усилием выпрямился в седле и тут же, теряя равновесие, пополз вдоль стремени вниз.

Гайдук уже стрелял во второго всадника, пытающегося вытащить из-за спины карабин. Укороченный ствол десантного автомата подбрасывало вверх, сбивая прицел. Одна из пуль ударила всадника в бок. Он свалился под ноги лошади, но спустя минуту стал подниматься, цепляясь за уздечку и стремя. Лошадь косила глазом на хозяина, терпеливо ожидая, пока он встанет.

Маленький штурман, пригибаясь, быстро шагал в сторону розовой полосы заката. На ходу выщелкнул из автомата пустой магазин и вставил запасной. Он видел того второго всадника, который все же сумел подняться и с трудом пристраи-

вал карабин “Марколь” - знаменитый “бур”, с которым воевали в Афганистане моджахеды.

Одиночный выстрел ударил отчетливо и сухо. Гайдука подбросило и швырнуло лицом в бархан. Он попытался подняться. Из рта хлынула кровь, пальцы судорожно гребли песок, не в силах сдвинуть с места ставшее тяжелым, как свинец, тело.

Рыжебородый воин в кожаной куртке окинул Решеткова внимательным взглядом. Полистал офицерское удостоверение.

- Подполковник? - после паузы спросил он.
- Подполковник...
- Куда летели?
- Домой.
- До дома ты не долетел, - пряча документы в карман, сказал рыжебородый.

ГЛАВА 1

Таможенная пошлина при пересечении границы составила двадцать долларов. Еще тридцать Сергей отдал лейтенанту, проверявшему их документы. Лейтенант, затянутый в новый мундир с блестящей желтой портупеей и тяжелым кольцом в открытой кобуре, важно отдал честь, пропуская “Ниву”. Сержант, с автоматом через плечо, в противоположность офицеру был одет в балахонистый грязный комбинезон. Опустив шлагбаум, он плюнул вслед “Ниве”. Возможно, он таким образом выразил презрение к неверным иностранцам, а может, был просто обозлен на лейтенанта, перехватившего взятку. Как известно, старшие по должности редко делятся с нижестоящими.

“Нива” проехала мимо старого бронетранспортера с облупившейся на бортах краской. Двое солдат в расстегнутых куртках сидели на корточках возле костра и что-то варили в медном казане.

- Армия не получает жалованья три месяца, - сказал Петренко, кивая в сторону солдат. - Едят собачатину...

- Мы их тоже скоро догоним, - отозвался Амелин.

Иван Викторович Петренко ничего не ответил. Наверное, ведомство, в котором он работал, получало деньги исправно.

В хорошо сшитом сером костюме, высокий, коротко стри-

женный, Петренко напоминал киноактера, а по документам числился директором фирмы “Элис”, торгующей цветными металлами. Майор Сергей Амелин, его временный помощник, сидел за рулем. По документам он тоже числился сотрудником фирмы “Элис” в должности дилера.

Октябрь близился к середине, но в здешних краях было по-летнему тепло. Тополя, окружавшие пруд у обочины дороги, лишь слегка пожелтели и не торопились сбрасывать листву. Осень придет позже. Холодный ветер с Джиргальского хребта в считанные дни сорвет листву с деревьев, принесет редкие дожди и ледяную крупу. Быстро наступающая зима, почти бесснежная и ветреная, покроет песчаные барханы мерзлой коркой.

За прудом разбросался небольшой кишлак. Огромные тутовые деревья затеняли глинистые дувалы и плоские крыши домов. Грязно-серый, со сваланным мехом верблюдов пасся у пруда. “Ниву” он проводил ленивым поворотом головы, размеренно пережевывая жвачку.

Два старика в стеганых халатах брели по тропинке вдоль дороги, опираясь на длинные посохи. Кожаные, с загнутыми носами сапоги не спеша загребали желтую глинистую пыль. Амелин разглядел их смуглые, покрытые сеткой глубоких морщин лица и редкие седые бороды.

За домами виднелся островерхий шпиль мечети с полумесяцем на верхушке. Несколько телевизионных антенн торчали над крышами, диссонирова с патриархальной тишиной кишлака, которому наверняка исполнилась не одна сотня лет.

- Вечная земля, - сказал Амелин. - Никто никуда не торопится.

- Это точно, - согласился с ним Петренко и достал сигарету из красно-белой пачки “Мальборо”. - Не то что мы с тобой.

Прикурив от автомобильной зажигалки, Петренко поднял голову и с удивлением посмотрел на большой рекламный щит на обочине дороги. Загорелый мужественный профиль ковбоя-американца красовался на фоне пачки “Мальборо”.

- И сюда, на край света, добрались. Настоящая Америка, - со вкусом перекатывая английское “р”, произнес Петренко. - Не приходилось бывать, Сергей?

- Нет. Я все больше по просторам Союза. А ты туда, наверное, не раз заезжал?

- Я тоже не был. Все больше по Азии да Африке, - в тон ему отозвался Петренко. - Впрочем, один раз проплывал мимо.

С палубы небоскребы видел.

- Ну и как они?

- Как в учебнике по географии за восьмой класс, даже красивее. Длиннющие и на солнце блестят.

- Ты еще школьные учебники помнишь?

- Помню, Серега. А что мне еще вспоминать? Семейной жизни с моими командировками не получилось. Могу еще вспомнить, как Подгорный в Кремле орден вручал. Честь и слава работникам невидимого фронта! Фотографировали... но не для печати. Каждому цветные фотографии потом по месту работы прислали. Банкет был.

- Банкет, наверное, богатый?

- Да уж на уровне! Отъелся немного после Африки. Кстати, ты есть хочешь?

- Хочу.

- И я тоже. Давай на ходу, если не возражаешь?

Амелин не возражал, и Петренко протянул ему бутерброд с колбасой.

О своем спутнике за четыре дня знакомства Сергей узнал не слишком много. Иван Викторович Петренко имел звание полковника и работал в каком-то секретном ведомстве при ФСБ или Министерстве обороны. В каком именно, Амелин уточнять не стал, да и Петренко не проявлял излишнего любопытства к биографии Сергея.

Разговоры в пути велись почти светские: о случаях на охоте, о кино, о местных достопримечательностях. Петренко был старшим в их маленькой группе. Сергею он нравился тем, что не напускал на себя идиотской многозначительности и не молотил без конца о предстоящем задании, которое выглядело довольно-таки расплывчатым.

Переговоры об освобождении пленных - штука долгая и муторная, даже если вести переговоры по официальным каналам. А в их случае дело обстояло куда сложнее.

* * *

В этой части республики было почти спокойно. Война между непримиримой оппозицией и правительством шла в основном в приграничных с Афганистаном провинциях. Отряды вооруженной оппозиции под общим духовным и военным руководством неукротимого лидера Тан-Булака контролиро-

вали дороги и горные перевалы, делали набег на поселки, периодически устанавливая там свою власть. Потом приходили войска и, отогнав повстанцев, вешали пленных и желто-зеленые государственные флаги. Оппозиция отвечала засадами на дорогах и убийствами правительственных чиновников.

Вряд ли кто был прав в этой необъявленной войне. Коррупцированное сверх всякой меры правительство не желало идти на уступки (то есть чем-то делиться со своими противниками), а многие вожди оппозиции шли за Тан-Булаком и стремились к власти, чтобы занять хлебные места нынешних чиновников.

Петренко и Амелин направлялись в Чемкар, главный город провинции Кайракты. Где-то здесь уже четвертую неделю держали в плену командира эскадрильи Решеткова и второго пилота Лагутина.

Эскадрилья входила в состав полка, который передислоцировался от афганской границы в Россию. С правительством Южной Республики, над которой они летели, имелась договоренность о воздушном коридоре, но оппозиция эту договоренность не признавала. В какой-то сотне километров от границы самолет из-за перегрева двигателей был вынужден опуститься до высоты полутора тысяч метров, и здесь его достала ракета.

Правительство республики, поддерживающее с Москвой дружеские отношения, уже делало попытки освободить пленных. Но в этой отдаленной от столицы провинции официальная власть существовала лишь в Чемкаре и нескольких крупных поселках.

Реальными хозяевами провинции были полевые командиры отрядов оппозиции. Спектр их политических пристрастий был довольно пестрым. Наиболее непримиримые, такие, как Вахид Абазов, смыкаясь со своим верховным вождем Тан-Булаком, были готовы по примеру южных провинций начать немедленную войну за единое исламское государство и выкинуть из страны немногих оставшихся в ней русских. Самолет был сбит боевиками одного из отрядов Вахида Абазова, которые держали летчиков у себя. Абазов от переговоров отказывался и, судя по всему, чего-то ожидал.

Другие командиры придерживались более осторожных взглядов, считая, что война ничего хорошего не принесет. Они предпочитали открыто не ссориться с правительством, хотя и не подчинялись официальным властям. Но средства на про-

питание и левые и правые добывали примерно одинаковыми путями: выращиванием и продажей наркотиков, контрабандой, не брезгуя и открытыми грабежами.

Наибольший авторитет среди полевых командиров и старейшин провинции Кайракты имел бывший командир полка Советской Армии и бывший полковник Амир Довлатов. Через него приезжавшие из столицы Южной Республики чиновники пытались надавить на непримиримых, но Довлатов, игнорируя личную просьбу президента, также отказывался от встреч с ними.

Несколько дней назад он изменил свои позиции и сообщил, что готов начать неофициальные переговоры. Но только с представителями России, минуя правительственных посредников.

Последние полтора года Амелин возглавлял отряд спецназа. Полученное задание сопровождать на переговоры полковника Петренко отличалось от той работы, которую обычно выполнял Амелин. Но не исключалась и боевая операция с участием спецназа, если переговоры зайдут в тупик. Сергей Амелин уже имел опыт операций по освобождению заложников, и поэтому он, а не кто-то другой, сидел за рулем неприметной серой “Нивы” рядом с элегантным директором мифической фирмы “Элис”. Полковник, как и положено командиру, был настроен уверенно и, по мнению Амелина, напоминал мужественного ковбоя с рекламного плаката “Мальборо”, только с более пронизательным взглядом. Об этом он и сообщил Петренко. Тот принял комплимент благосклонным кивком.

Чемкар мало чем отличался от десятков старинных провинциальных городов, разбросанных на южных окраинах Союза. Одноэтажные дома с плоскими крышами, высокие, как крепостные стены, дувалы. Кое-где яркими пятнами выделялись новые особняки, сложенные из красного кирпича с мозаичными панно и блестящими на солнце витражами.

Центр города был застроен пятиэтажными “хрущевками”. Тянулись вверх несколько высотных, более современных домов, а главную площадь окружали массивные административные здания в сталинском стиле “ампир”. Над мраморной трибуной, где когда-то секретари обкома приветствовали демонстрантов, висел огромный портрет президента Южной Республики.

Упитанное розовое лицо отца нации слегка щурилось, по-

отечески улыбаясь согражданам. Остатки темной шевелюры, тщательно, по волоску, выписанные придворным художником, окружали обширную лысину вождя.

Когда ему не перечили, президент был добродушен и улыбочив. В свое время он был на короткой ноге с Брежневым. По примеру покойного генсека любил охоту, хорошие автомобили и был равнодушен к женщинам. Президент считал, что маленькие слабости приближают его к народу. Как демократ он любил побеседовать с простыми людьми и ежедневно получал кучу писем от благодарных граждан. До перевыборов оставалось меньше года, но сам президент не сомневался, что опять останется у руля. Других достойных кандидатов не видели пресса, помощники и благодарные граждане.

В тот год по республиканскому телевидению крутили многосерийные турецкие мелодрамы, чередуя их с церемониями приема иностранных послов и национальными праздниками. Шумели богатые восточные базары, и президент, улыбаясь в объектив, повторял, что не свернет с пути преобразований.

Однако дела в Южной Республике становились все хуже и хуже. Большинство предприятий, проданных за бесценок или акционированных, простаивали, а оборудование растаскивалось. Добыча нефти упала втрое. Ее промышленная переработка была почти полностью прекращена из-за отсутствия специалистов. Бензин грубой очистки гнали, как самогон, на частных мини-заводах. Посевы хлопчатника тоже сокращались с каждым годом, а из-за низкого качества сырца на него находилось все меньше покупателей.

Один из западноевропейских экономических центров провел осторожное расследование на предмет деловых контактов с республикой. Опубликованные в газете промышленные показатели удручали. Особое недовольство президента вызвала приведенная цифра "17 долларов" - средний ежемесячный доход работающего жителя. Южная Республика уверенно скатывалась на последние места в Азии по уровню жизни.

Война с оппозицией расшатала и без того скудный бюджет страны. Лидер оппозиции Тан-Булак обещал выставить свою кандидатуру на предстоящих выборах и победить. Третьей силой в республике становился Офицерский союз. Большинство армейских офицеров были недовольны существующим режимом и также находились в молчаливой оппозиции к правительству и президенту. Тан-Булак популярностью в армии не пользовался, зато все более популярным среди офицеров

становился Амир Довлатов. Быстро растущий авторитет этого человека позволял надеяться, что переговоры наконец сдвинутся с мертвой точки.

Двухкомнатный номер в отеле “Звезда Востока” с телевизором, кондиционером и ванной стоил четыреста тысяч дирхемов в сутки. Администратор, лысый и круглолицый, похожий выражением лица на президента, с ласковой улыбкой согласился взять рублями или валютой... по официальному курсу.

Официальный курс составлял: три дирхема - один рубль. Но на любом углу можно было обменять желто-зеленые бумажки с изображением львов, коршунов и прочих хищников на российские рубли по курсу один к пяти, что и сделали оба приезжих коммерсанта полчаса назад.

Администратор кисло пересчитал ворох пятидесятитысячных бумажек - Петренко и Амелин платили за неделю вперед. Если бы директор “Элис” и его помощник не успели обменять рубли на улице и доверились ему, администратор имел бы в кармане триста семьдесят тысяч наvara. Теперь эти деньги уплывали мимо. Он закончил подсчет и отодвинул лишнюю купюру в сторону.

- Это вам, - сказал Петренко, - за беспокойство.

Лицо администратора несколько смягчилось, и он пробормотал что-то вроде “спасибо”.

- Вы не подскажете, где лучше всего можно поужинать? Не уходя далеко от вашего отеля.

Темно-синий костюм администратора был затерт и знавал лучшие времена. Старомодный широкий галстук, серебряная заколка в виде кинжала и крошечная искусственная гвоздика в лацкане пиджака слегка оживляли потрепанный вид администратора.

Когда-то владелец костюма выглядел гораздо элегантнее и веселее. В этом далеком “когда-то” в переполненный отель (лучший в Чемкаре) селили только по звонкам сверху. В холле толпились кучки туристов, приехавших посмотреть на знаменитый ханский дворец и древние усыпальницы. Чаевые щедро сыпались со всех сторон, и администратор имел вес не меньше районного прокурора.

Теперь все ушло в прошлое. Туристов отпугивала война, командировочных приезжало очень мало, да и те предпочитали селиться у знакомых или на частных квартирах, где цены были значительно ниже.

Администратор сообщил, что уважаемые господа могут хорошо поужинать в баре при гостинице.

- Отличная кухня, хороший выбор напитков. Варьете, а с двенадцати ночи два сеанса стриптиза.

- Ну что ж, Восток не стоит на месте, - значительно произнес Петренко. - Приятно слышать. Раньше даже лица закрывали, а теперь, пожалуйста, все, что угодно, для обозрения. Раздеваются-то хоть местные? А то нам свои надоели.

- Местные, местные, - заверил администратор. - Такие цыпочки, не пожалееете!

Умиляясь цыпочками, администратор пустил слюну. Может, от зависти. Судя по его виду, красивые женщины были ему не по карману.

Президент с обязательного в любом учреждении портрета ласково щурился в сторону гостей. Добро пожаловать в свободную Южную Республику!

Остаток дня Петренко и Амелин провели плодотворно. Тщательно прощупав и простукав гостиничный номер, они убедились, что подслушивающих и записывающих устройств в нем нет. Затем помыли и заправили машину и выдали из телефона-автомата звонок по условленному номеру. Вопреки ожиданиям, собеседник на другом конце провода сразу заговорил по делу, опустив стадию долгих подозрительных расспросов и вежливых просьб позвонить еще раз через день или два. Им назвали место, куда следовало приехать завтра к двум часам дня и, пожелав приятно провести вечер, повесили трубку.

Телефонного собеседника звали Джемаль-Ходжи. Было известно, что он владелец местного издательства, двух городских газет, не раз публиковал критические статьи в адрес правительства и президента, и в то же время выступает против вооруженных методов оппозиции. Является доверенным человеком Амира Довлатова.

Оставив Амелина в номере, Петренко отправился в одиночку прогуляться по городу. Он был уверен, что через парутройку дней за ними обязательно установят наблюдение. Полковник хотел именно сегодня, пока обстановка более-менее спокойная, связаться еще с двумя нужными людьми.

Одного из них, чиновника из канцелярии губернатора, Петренко нашел быстро. Особой радости от общения тот не высказал, но полковника узнал и подтвердил готовность встретиться.

- А куда ты, на хрен, денешься! - пробормотал Петренко, вешая трубку телефона-автомата.

Даже по очень снисходительным юридическим меркам Южной Республики на чиновнике висело столько грехов, что на суде его не спасли бы никакие взятки. Информация хранилась в ведомстве, где работал Петренко, и поэтому чиновник болтался на крепком крючке. Кроме того, он ежемесячно получал вполне приличную сумму в долларах, и это несколько успокаивало чиновничьи нервы.

Труднее было найти второго нужного человека. Пришлось долго плутать в темноте в частном секторе, тем более что спрашивать дорогу Петренко ни у кого не собирался. Он нашел наконец дом, который искал. Ему обрадовались, потому что человек, живший здесь, был многим обязан полковнику. Отказавшись от предложения поужинать, Петренко договорился с ним о способе связи и, поймав такси, вернулся в центр города.

Воспользовавшись советом администратора, Петренко и Амелин отправились ужинать в бар. Там уже собралось десятка три посетителей. Небрежно одетые, но, судя по всему, далеко не бедные, молодые люди со своими дамами, несколько мужчин постарше. Компания офицеров. За соседним столиком сидели две женщины лет тридцати пяти. Перед ними стояла бутылка шампанского и ваза с яблоками. Обе курили, о чем-то оживленно переговариваясь. На Петренко и Амелина они едва взглянули, продолжая свой быстрый разговор. Обе чувствовали себя здесь непринужденно и, видимо, были завсегдатаями бара.

Официант, в темном костюме и бабочке, появился ровно через пять минут. Наверное, именно столько времени отводилось на изучение меню.

- Добрый вечер! Вы уже сделали выбор?

- Здесь столько названий. Надеемся на ваш совет.

- Как насчет национальной кухни? Блюда, правда, довольно острые, но приготовленны качественно, по старым рецептам.

- Пожалуй, надо попробовать...

Петренко в своем сверхэлегантном костюме был просто великолепен. Сорокадолларовый галстук, прошитый золотой нитью, рифленое платиновое кольцо и фирменные швейцарские часы убедительно свидетельствовали, что их владелец достоин всяческого уважения.

- Рекомендую люля-кебаб на вертеле и паровую форель. Возьмите этли-наи, это такие крошечные пирожки, очень вкусные. Из закусок имеется красная икра, копченый лосось, грибной салат.

- Лосось в здешних краях ловят? - полюбопытствовал Амелин.

- Нет, - тонко улыбнулся шутке дорогого гостя официант. - Его поставляют наши друзья из Китая.

- Приятно, когда люди дружат.

- Конечно. Из вин советую выбрать "Золотую долину". Отличное белое вино. Выбор других напитков у нас тоже большой.

- Бутылку армянского коньяка, - коротко проговорил Петренко. - Люля, рыбу, пирожки и грибы. Вино попозже.

- Икры на закуску не надо?

- Нет.

Официант с достоинством удалился и снова появился через пять минут, но уже с полным подносом.

- Красиво жить не запретишь, - сказал Петренко, выбирая янтарный ломтик хорошо прокопченной лосося. - Пошлая поговорка, а прямо в точку! Кстати, я тебя не спросил, может быть, надо было взять икры?

- Обойдемся.

- Ну и правильно. Если будем слишком шиковать, наши бухгалтеры могут возмутиться.

Небольшой полутемный зал понемногу заполнялся. Музыкальный автомат негромко прокручивал кассету модного в тот сезон шведского ансамбля "Яки-да". Два старших лейтенанта пошли приглашать соседок Амелина. Оба офицера были лет на пять моложе, и, как заметил Сергей, женщины несколько секунд колебались, прежде чем принять приглашение.

Офицеры из той же компании разобрали и девушек, сидевших за стойкой бара. Официант принес вино и спросил, не желают ли господа что-нибудь еще. Петренко как старший за столом сказал, что они подумают, и налил в фужеры вина.

- Давай выпьем за успех завтрашней встречи. От нее многое зависит.

- За удачу!

Старшие лейтенанты проводили дам, с которыми танцевали, на место и, переговариваясь, пошли к своему столику. На ходу один из них оглядел Амелина и, вздернув верхнюю губу,

резко отвернулся. У него было плоское смуглое лицо и приплюснутый широкий нос. Он не любил русских и дал это понять светловолосому чужаку.

Впрочем, общая атмосфера в зале не казалась напряженной. Кроме Петренко и Сергея, здесь сидели с десятков европейцев, некоторые в одной компании с местными жителями. Женщины за соседним столиком заказали еще одну бутылку шампанского. Сергей украдкой рассматривал их.

Одна была похожа на узбечку, скуластая, с черными, собранными на затылке волосами, вторая - русская. Невысокого роста, худощавая, с красиво очерченными губами, слегка подведенными малиновой помадой. Блестящее вечернее платье обтягивало стройное тело. В России таким женщинам предпочтительнее появляться в обществе мужчины, если она, конечно, сама не ищет приключений. Женщина перехватила взгляд Амелина и тоже в течение нескольких секунд смотрела на него. У нее были светлые волосы, падавшие на плечи, и незагорелое лицо. Оба почти одновременно отвернулись. Сергей на секунду позже. Петренко снова налил вина.

- Интересная женщина. Прибалтийский тип лица... И вино тоже вполне приличное. Девяносто пять тысяч бутылка, - меланхолично отметил Петренко, постукивая пальцем по бокалу. - Цены, как в Париже, но... положение обязывает! Не может ведь глава такой солидной фирмы глотать "Русскую" и закусывать котлетами!

На небольшой эстраде началось выступление. Три очень хорошенькие девушки, сменяя друг друга, исполняли восточные танцы. У всех троих были закутаны в газовые шарфы лица, зато открыты для обозрения животы и бедра, обтянутые прозрачными шароварами.

Конферансье, отпустив несколько комплиментов раскланивающимся девушкам, объявил перерыв до двенадцати ночи.

- Ровно в полночь начнется эротическое шоу! Зрелище, достойное присутствующих. Приглашаю всех оставаться, дамы и господа!

В баре царила атмосфера хорошо подгулявшей компании. Снова играла негромкая музыка, которую заглушал нестройный гомон многих голосов. Пары уже танцевали по всему залу, а молодежь сидела друг у друга на коленях. Но в отличие от любого русского ресторана здесь никто не переступал какую-то негласно очерченную грань. Споры не переходили в драку, никто не выпячивал свою крутизну. Посуду тоже не били.

Старшие лейтенанты настойчиво обхаживали соседок. Получив отказ на очередной танец, оба придвинули кресла к столу, где сидели женщины, и подозвали официанта. Черноволосая, похожая на узбечку, закурила и отрывисто произнесла, не глядя в сторону офицеров:

- Вас кто-нибудь сюда приглашал?

Один из лейтенантов, улыбаясь, заговорил на местном языке, но женщина не слушала его.

- Вы думаете, я буду терпеть ваше общество?

Подошел официант и, наклонившись, что-то тихо сказал офицерам. Плосколицый старший лейтенант раздраженно отмахнулся, но его приятель поднялся и, откланявшись, вернулся к своей компании. Плосколицый с сожалением развел руками и тоже убрался восвояси.

Когда заиграла медленная мелодия, Сергей заметил, как обе женщины настороженно посмотрели в сторону офицерской компании. Неожиданно для себя Амелин поднялся и подошел к их столику.

- Вы позволите?

Светловолосая женщина торопливо поднялась, на пепельнице дымился оставленный окурочок. К ее подруге уже подходил Петренко.

Несколько минут они танцевали молча. С чего-то надо было начинать разговор. Не с погоды же...

- Извините, вы местная?

- Нет. Живу здесь около двух лет.

- Как вас зовут?

- Инга.

- Прибалтийское имя.

- А я и приехала оттуда. Но мы опустим разговор о Прибалтике, хорошо?

- Хорошо. Тогда поговорим об этом городе. Он довольно красивый.

- Ничего особенного. Интересна только старая часть. Ханский дворец, мечети.

- Мы там еще не были.

Инга не ответила. Желания продолжать разговор у нее, видимо, не было. Мелодия, как назло, оказалась долгой.

- Если хотите, я вас могу проводить.

- Но вы же наверняка захотите остаться на стриптиз?

- Нет, мы пойдем в номер и будем слушать по радио последние известия. О глубоких преобразованиях, идущих в рес-

публике. Или будут читать письма президенту от благодарных граждан... И все это на местном языке. Так что у нас нет выбора, стриптиз интереснее. Тем более проводить себя вы не разрешаете.

Инга подняла на Амелина свои зеленоватые глаза, в которых промелькнула короткая усмешка.

- Приехали в Чемкар по делам?

- Да.

- Надолго?

Этот вопрос уже можно было истолковать как некоторый интерес к Сергею.

- Неделю-другую пробудем. Может, дольше.

- Как сейчас дела в России?

- В двух словах не ответишь. В общем-то хреновато. При случае расскажу. А вы где работаете, если не секрет?

- Журналистка...

Танец закончился. Инга негромко попросила:

- Мы сейчас уходим. Если не трудно, проводите меня с подругой до стоянки. Там нас будет ждать машина.

Петренко поднялся следом за Сергеем, предупредив официанта, что через десять минут они вернуться.

Они вместе дошли до стоянки, где женщин ждал светло-голубой "Мерседес". Машина развернулась, увозя в ночь журналистку и ее подругу, а Петренко с Амелиным вернулись в бар.

Официант за время их отсутствия успел убрать грязную посуду и поставить новую бутылку "Золотой долины".

- Через десять минут начнется представление. Оставайтесь, не пожалеете. Иветта и Роза покажут вам свои прелести.

Он подмигнул им как старым знакомым и направился к другому столику.

- Ты на стриптизе хоть раз бывал? - спросил Петренко, наклоняясь к Амелину.

- Нет.

- Тогда остаемся.

Иветта и Роза свои деньги отработывали добросовестно. Иветта, которую наверняка звали по-другому (Зульфия или Гуля), довольно живописно изобразила сценку приготовления султанской наложницы к ночи любви.

Стройная, с длинными смуглыми ногами, она разбрасывала вокруг себя снятые полупрозрачные накидки. Когда оче-

редь дошла до ажурного белого белья, в зале дружно захлопали. Наконец, последний предмет туалета был благополучно снят. Иветта не спеша покружилась на помосте, продемонстрировав напряженные, играющие мышцами бедра и подбритый треугольник внизу живота.

Роза, красивая несколько тяжелой красотой быстро увядающей южанки, тоже сорвала свою долю аплодисментов. Показав ослепительно широкие ягодицы, она исчезла за бархатной портьерой, а к Петренко и Амелину опять по-свойски наклонился официант.

- Роза сегодня свободна. Если хотите, я могу поговорить. Семьдесят долларов за ночь... Есть и другие девушки, те подешевле на десять долларов.

- Ты как? - жмурясь, спросил Петренко Амелина, и было непонятно, шутит он или говорит всерьез.

- Пойдем в номер, на сегодня навеселились, - ответил Сергей.

- Так тому и быть. Ты нам с собой пару баночек пива заверни, лучше голландского. И минералки пару.

Выключая свет, Петренко почесал крепкую, заросшую темными волосами грудь.

- Роза-береза... Хе! Сдобная женщина!

ГЛАВА 2

С утра они посетили фирму, специализирующуюся на торговле цветными металлами, и переговорили с директором.

Директор оказался весьма недоверчивым молодым человеком. На предложение о поставке медного кабеля и цинковых листов обещал обсудить вопрос со своими компаньонами. Приезжих коммерсантов раздумья директора устраивали, это оправдывало их пребывание в Чемкаре. Набивая цену фирме "Элис", Петренко посоветовал молодому директору ускорить обсуждение, так как могут появиться и другие покупатели.

Чтобы сгладить впечатление от своей недоверчивости, директор угостил их хорошим кофе с печеньем, после чего Петренко и Амелин отправились осматривать город. Покружив по улицам, они оставили машину в одном из дворов и пешком добрались до дома, где им назначил встречу доверенный человек Амира Довлатова.

Смуглое, с европейскими чертами лицо известного в республике издателя и коммерсанта Джемаль-Ходжи обрамляла ухоженная борода. Высокого роста, грузный, он смотрелся в отлично сшитом костюме не менее элегантно, чем Петренко. На отвороте пиджака поблескивал крошечный искусственный цветок, с небольшим бриллиантом в центре. Правда, перстней на пальцах Джемалья-Ходжи было побольше, чем у директора фирмы “Элис”, и тянуло это сверкающее великолепие на целое состояние.

Рукопожатие издателя было крепким и энергичным.

- Присаживайтесь, - Джемаль-Ходжи показал на два кресла вокруг низкого овального столика.

На серебряном подносе стояли разнокалиберные бутылки и ваза с фруктами.

- Что будете пить? Есть хорошее белое вино. Из здешних виноградников.

Издатель приподнял за горлышко длинную бутылку.

- “Золотая долина”? Вино чудесное. Мы вчера пробовали.

- Догадываюсь, где. В баре при отеле хороший выбор вин.

Значит, повторим дегустацию.

Джемаль-Ходжи разлил вино и поднял фужер, приглашая к нему присоединиться.

- Ваше здоровье, уважаемые господа!

- Спасибо.

- Угощайтесь. Груши очень сочные, только сегодня сняты с дерева. Виноград из моего собственного виноградника. Пробуйте!

Снова наполнив фужеры, Джемаль-Ходжи перешел к делу.

- Вы, судя по всему, военные люди, и я буду говорить с вами откровенно. Человек, которого я представляю, один из самых влиятельных в провинции Кайракты и, не побоюсь преувеличения, пользуется большим авторитетом по всей республике. Он не желает войны: за четыре последних года крови пролилось достаточно. Но, к сожалению, у нас есть и другие лидеры. Тан-Булак собирается воевать до полной победы, его идеи оказывают немалое влияние и в нашей тихой провинции. Например, на таких командиров, как Вахид Абазов.

Джемаль-Ходжи снова поднял бокал, приглашая гостей выпить. На безымянном пальце правой руки переливался массивный золотой перстень в виде змеи, сжимающей в зубах рубин.

- Ваши летчики находятся у Вахида Абазова, и, хотя фор-

мально он подчиняется Амиру Довлатову, дело обстоит гораздо сложнее. Это добыча Абазова, и он имеет право ею распоряжаться. Кто-то упорно советует ему пока не вступать в переговоры. Амир Довлатов все же убедил Абазова, и вот мы здесь собрались, чтобы обсудить детали. Предварительные условия вам сообщили, не так ли?

Петренко и Амелин молча кивнули. Джемаль-Ходжи достал листок бумаги с машинописным текстом и положил на столик. Несколько минут Петренко внимательно изучал его. Откинувшись в кресле, выпил глоток вина.

- Начнем по порядку. Патроны калибра 7,62-и 5,45-мм вы получите в том количестве, каком просите. Запасные части к двигателям танков Т-72 также готовятся к отправке. О самонаводящихся ракетах типа "Стрела" не может быть и речи. Вам их не дадут в обмен и на сто заложников. Вы понимаете, каких дел может натворить этими штуками человек вроде Вахида Абазова?

- Понимаю. Кстати, именно он настаивал на получении ракет. Ладно, оставим ракеты в стороне. Абазова мы убедим. Как насчет автоматов АК-74?

- Пятьсот автоматов слишком много. Люди, которые уполномочили меня вести переговоры, могут найти от силы сто автоматов.

- Этого мало. Господин Амир мог бы согласиться и на сто автоматов, но не все зависит от него.

- Сто автоматов вы получите без всяких проблем, а вопрос о пятистах придется выносить на правительственный уровень, а там могут вообще все изменить. Скажем, официально обратиться с очередной нотой протеста к вашему президенту...

- Которая ничего не даст. Президента не слишком уважают в нашей провинции.

- Поэтому нам надо самим довести дело до логического конца.

- Вахид Абазов ярый сторонник чисто исламского государства, - задумчиво проговорил издатель. - Он ненавидит русских и терпеть не может президента. Из-за четырехсот автоматов он может встать на дыбы.

- Давайте заменим их чем-нибудь другим? Скажем, медикаментами.

- Ну что ж, господин Амир на это пойдет. Прошу обратить внимание, что он снова готов идти на уступки.

- Конечно, мы будем помнить, - церемонно наклонил голову Петренко.

- Господин Амир желал бы всегда иметь дружественные отношения со своим северным соседом. И вы в этом убедитесь, когда он займет официальный пост.

- Мы в этом убеждаемся уже сейчас.

- Тут остались кое-какие мелочи, - открывая вторую бутылку, небрежно ткнул своими великолепными перстнями в сторону списка Джемаль-Ходжи. - Патроны калибра 14,5 мм к тяжелым пулеметам и небольшое количество гранатометов. Спорить из-за этого не будем, правда?

- Не будем, - согласился Петренко. - Вы их получите.

Он понимал, что и Довлатов, и Джемаль-Ходжи хотят реально помочь в освобождении заложников. Дальнейший торг мог завести переговоры в тупик.

- Вот и отлично, - подвел итоги издатель. - Теперь обговорим место и время передачи груза. Обмен будет происходить на территории республики. Безопасность при пересечении границ господин Амир полностью гарантирует.

Спустя полчаса Джемаль-Ходжи проводил Петренко и Амелина до машины. Позвонив по нескольким номерам, он тоже спустился и сел в светло-желтый "Мерседес", за рулем которого сидел коренастый, спортивного вида мужчина - личный телохранитель и шофер издателя.

Был теплый осенний день, с медленно плывущими в вышине облаками. С тополей слетала золотистая паутина. Мощная машина шла мягко и бесшумно, лишь слегка шуршали протекторы. Воздух был свеж и приятно охлаждал лицо. Это была последняя поездка. Джемаль-Ходжи и его телохранитель об этом не догадывались. В такие хорошие дни не думаешь о смерти и хочется жить бесконечно долго...

Неделю назад Джемаль-Ходжи пышно отпраздновал свое сорокалетие. Дела его фирмы шли в гору. Кроме двух газет и издательства в Чемкаре, Джемаль-Ходжи владел пакетом акций столичного книгоиздательства, являлся членом совета директоров национальной телекомпании и был вхож в высокие круги не только в Чемкаре, но и в столице.

На его юбилее присутствовал министр печати, губернатор провинции, крупные бизнесмены и самые известные писатели республики. Но наиболее уважаемым гостем был Амир Довлатов, которого на Западе уже прочили серьезным конкурентом президента на будущих выборах. Он подарил своему другу Джемалю белого жеребца элитной кагарской породы и, поднимая тост, сказал, что пьет за одного из достойнейших людей республики.

По совету Амира Джемаль-Ходжи выставил свою кандидатуру на парламентские выборы, которые должны были состояться в январе, и уже набрал пятьдесят тысяч подписей, необходимых для включения в список кандидатов.

Его политическая карьера да и бизнес тоже двигались бы еще успешней, если бы Джемаль-Ходжи был более гибким в отношениях с президентом.

Глава республики несколько раз присутствовал на совете директоров национальной телекомпании. Короткая деловая часть обычно заканчивалась банкетом в узком кругу директоров и наиболее доверенных телезвезд. На таких банкетах президент был весел и великодушен, раздавая налево и направо должности, льготные кредиты, делал дамам богатые подарки.

Будучи ценителем поэзии, президент лично поздравил Джемаль-Ходжи с выходом второй книги стихов и пригласил в гости на свою загородную виллу. Джемаль провел тогда на вилле президента два дня, но это не сблизило его с главой республики.

Он сторонился президента, болезненно переживая за то, что четыре года назад не сумел разглядеть его истинного лица. Лица человека, подверженного тем же слабостям и порокам, что и простые смертные, и не сумевшего преодолеть их ради своей страны и миллионов людей, поверивших ему. Благие намерения превратить республику без коммунистов и без русских во второй Кувейт остались пустыми фантазиями.

Джемаль-Ходжи брезгливо наблюдал, как президента все теснее окружают откровенные проходимцы. Из всех программ успешно шла лишь приватизация, а точнее скупка за бесценок предприятий и нефтяных промыслов. По слухам, за границей высшие чиновники республики имели миллионные валютные счета, но говорить об этом было небезопасно. Уже имелись случаи, когда бесследно исчезали журналисты, а один из критически настроенных сенаторов внезапно умер при загадочных обстоятельствах.

Джемаль-Ходжи не был героем и отчаянным человеком. Он любил свою семью, сыновей, любил женщин, хорошее вино и все остальное, что составляло его благополучную и интересную жизнь. Но он любил и свою страну, мучительно переживая ее обнищание и скатывание вниз.

Было время, когда он восхищался неукротимостью и прямотой Тан-Булака. Джемаль не сомневался в честности лидера оппозиции, но неукротимость Тан-Булака перешла в жес-

токость. Ради высоких целей он объявил войну правительству, число погибших с обеих сторон уже перевалило за несколько тысяч, и конца этой войне не было видно.

Тан-Булак упивался жертвенностью справедливой борьбы, а в захваченных мятежных кишлаках солдаты правительственных войск, обозленные выстрелами в спину и смертью своих товарищей, не щадили никого, вырезая целые семьи.

Два года назад Джемаль-Ходжи познакомился с Амиром Довлатовым, опальным полковником, только что уволенным из национальной армии. Они сдружились, находя друг в друге то, чего не доставало каждому из них.

Волевой и аскетичный Довлатов, с корявым дубленным лицом и пальцами, пожелтевшими от ввевшегося масла, воевал в Афганистане, Карабахе и спустя годы - опять на афганской границе против сепаратистов, предшественников Тан-Булака. Ему удавалось силой нескольких срочно подчиненных и отдельных батальонов удерживать пограничный юг республики на грани зыбкого непрочного мира.

За время передышки президент торопливо укреплял свою власть, а потом походя и небрежно вытолкнул Довлатова из армии, поблагодарив за верную службу в коротком личном послании. Талантливые и честные люди редко удерживаются возле слабых президентов. Полковник Довлатов не стал исключением.

Рафинированный, богатый меценат Джемаль-Хаджи казался полной противоположностью угрюмому жесткому полковнику. Но общее стремление служить своей стране объединило и сблизило их.

Восхищаясь Довлатовым и став постепенно одним из его ближайших соратников, Джемаль-Ходжи не догадывался, как какой опасной черте он приблизился.

На улицах Чемкара было немного машин. Но ни Джемаль-Ходжи, ни его телохранитель не обратили внимания на серый "жигуленок" старой модели, упорно следовавший за ними.

Двое мужчин в "Жигулях" держались в ста метрах от "Мерседеса". Один из них, в кожаной куртке, сидевший рядом с водителем, достал из сумки и поставил на колени металлическую коробку. Проверил панель, кнопки и, дождавшись, когда "Мерседес" свернул на нужную им улицу, поднес коробку к лобовому стеклу.

- Я включаю, - негромко предупредил он своего спутника и осторожно положил палец на рычажок тумблера.

Тот молча кивнул. Рычажок звонко щелкнул, и человек в куртке невольно откинулся на спинку сидения, зная, что произойдет через секунду. Однако "Мерседес" продолжал двигаться - взрывное устройство не сработало. Человек в кожаной куртке щелкнул еще дважды.

- Ну что там? - обеспокоенно спросил водитель.

Он был старше своего спутника лет на пятнадцать и отвечал за операцию.

- Сейчас...

Взрывник осторожно подкрутил тумблер, осмотрел передатчик и снова щелкнул рычажком.

- Надо подъехать ближе, - сказал он, смахивая со лба пот. - Батареи слабоваты.

- На сколько?

- Ну еще метров на сорок.

Старший обеспокоенно подумал, что шестьдесят метров - расстояние опасное, осколки могут поразить их самих. Но он знал и другое: неудавшееся покушение обойдется им слишком дорого. Обе машины, сближаясь, двигались через площадь, где возле лотков толпились люди. Взрывник, имевший семью и детей, не хотел лишних жертв. Старшего, чужака в этих местах, возможные жертвы волновали мало.

- Давай! - торопил он.

"Мерседес" приблизился к трехэтажному зданию издательства. Бомба, заложенная под днище, сработала в тот момент, когда автомобиль остановился у подъезда.

Взрыв пятисотграммовой тротиловой шашки разворотил жестяное нутро машины, разбросал в разные стороны куски металла, обрывки роскошной велюровой обшивки и ошметки человеческих тел. С треском разлетелись стекла в здании, взрывной волной сорвало, выбило внутрь массивную входную дверь.

Джемаль-Ходжи лежал в луже крови без обеих ног и с вырванным низом живота. Смерть великодушной оказалась к нему. Он умер мгновенно, не успев почувствовать ее ужаса, не увидев свое исковерканное, лишь минуту назад здоровое и крепкое тело. Водитель горел вместе с обломками "Мерседеса". Осколками убило наповал охранника и ранило нескольких сотрудников издательства.

Когда к месту взрыва подрулила первая машина "скорой помощи", неприметный серый "жигуленок" был уже за городом.

- Он точно умер? - спросил старший из террористов.

- Сто процентов! Его будут собирать по кускам.

Оба были немного раздосадованы, что взрывное устройство сработало не сразу, хотя в принципе все прошло успешно. Смерть сразу нескольких человек не вызывала у них никаких эмоций. Это была их работа, за которую они получали деньги.

Взрывник попросил напарника притормозить и ловко через открытое окно швырнул передатчик в глубокий овраг. Скоро поднимется шум, лишняя улика ни к чему, а при нужде можно легко собрать новый.

В тот же вечер по нескольким адресам в Чемкаре побывала одна и та же компания - двое накачанных молодых людей и сухощавый пожилой джентльмен в европейском костюме. По одному из адресов жил человек, которому накануне звонил Петренко.

Джентльмен, моргая морщинистыми веками, спросил, выходил ли приезжий русский на связь еще раз. Услышав отрицательный ответ, согласно кивнул и сказал, что в случае новых звонков необходимо сообщить вот по этому телефону. Он передал листок бумаги с пятизначным номером.

Связник полковника Петренко был далеко не молодым человеком. В саманном доме за высокой оградой не спала вся его семья: мать, жена, четверо детей, невестка с внуком. Испуганные поздним визитом, они с тревогой прислушивались, не ожидая ничего хорошего от ночных визитеров.

- Ты все понял? - негромко спросил джентльмен.

- Да, конечно.

Связник был напуган, но джентльмен решил дожать до конца. Он повернулся и зашагал к автомобилю, а из темноты в свет тусклой лампочки у ворот вышел качок с раскосыми глазами.

- Если обманешь, перережем всю семью. Начнем с внука...

В его руке появился пистолет с массивным глушителем. Выстрел щелкнул со звуком вышибаемой пробки из бутылки шампанского. Лампочка, звякнув, разлетелась на куски. Качок снова исчез в темноте. Машина включила фары и, осторожно переваливая через колдобины, исчезла за поворотом. Связник вытер пот и нащупал дрожащими руками дверной запор. Огромная лохматая овчарка, словно чувствуя страх и растерянность хозяина, смотрела на него, преданно виляя хвостом. Он погладил собаку и, сгорбившись, пошел в дом.

ГЛАВА 3

О смерти Джемаль-Ходжи они узнали утром.

- Кажется, мы засветились, - присвистнул Петренко.

Разговор шел на автостоянке. Они еще раз тщательно обыскали свою "Ниву". Взрывчатки не нашли, но легче от этого не стало. Очевидно, гибель издателя была связана с переговорами об освобождении летчиков. Возможно, имелись и другие причины, но переговоры стали последней точкой.

Петренко назначил срочную встречу связнику и попросил его, как можно быстрее найти в Чемкаре человека, вхожего к Амиру Довлатову и согласного за хорошую плату передать ему записку.

Переговоры надо было срочно продолжить. Неизвестно, как Довлатов отреагирует на смерть своего друга и захочет ли он дальше заниматься заложниками.

- А если попробовать выйти напрямую на Вахида Абазова? - спросил Петренко.

- Бесполезно, - ответил связник.

- Но оружие-то ему нужно.

- Я не знаю всех ваших дел с Довлатовым. Вахид опасен, как змея. Он вас обманет и в лучшем случае присоединит к своим заложникам. А в худшем...

Связник чиркнул пальцем, показывая, что с ними будет.

- Ну так ты найдешь такого человека?

- Постараюсь.

- Это надо сделать сегодня или в крайнем случае завтра.

- У меня есть на примете человек. К вечеру я сообщу результаты.

Петренко отсчитал сто долларов и протянул связнику.

- Это на расходы.

Тот молча спрятал деньги в карман. Он уважал, был многим обязан русскому полковнику и искренне предупредил его в отношении Абазова. Но о человеке, которого он найдет для Петренко, он будет обязан сообщить по пятизначному телефону. Другого выхода у него не было.

Керим Шатоев, владелец небольшой фирмы по торговле табаком и сигаретами, миновал пост дорожной службы и прибавил скорость. "Жигули" последней девяносто девятой мо-

дели шли легко и бесшумно. На доходы от продажи сигарет такую не купишь. Настоящие деньги приносит опий и гашиш, торговлей которыми Шатоев занимался последние годы.

Наркотики шли с далекой афганской границы и с крошечных клочков тайных плантаций, которые возделывали бывшие колхозники стремительно нищавшей Южной Республики. Правительство вяло и безрезультатно боролось с наркоманией. Усиления этой борьбы требовали европейские государства, которые регулярно предоставляли республике кредиты и были обеспокоены появлением на юге бывшего Союза нового золотого треугольника. Полученные кредиты бесследно исчезали, а наркотиков производилось с каждым годом все больше и больше.

Шатоеву наплевать на политические убеждения Амира Довлатова. Существующее положение дел и ласково улыбающийся президент его вполне устраивали. Он был в хороших отношениях с губернатором и начальником полиции, но почувствовав растущее влияние Довлатова, сумел стать нужным человеком и для него. За торговлю наркотиками можно загреметь на десять лет - повсюду нужны покровители.

Поначалу он не хотел связываться с русским коммерсантом.

Но убедила цена. Пятьсот долларов за один рейс и доставку записки с несколько ничего не значащими словами позволяли погасить некоторые срочные платежи и рассчитаться за партию товара. Кроме того, Шатоев вел довольно бурную жизнь, постоянно менял любовниц и недавно купил себе вторую жену, красивую пятнадцатилетнюю девочку. Родители девочки немного поупирались, не желая отдавать дочь за потрепанного жизнью сорокалетнего жениха, но Шатоев подключил местную мафию, и дело быстро уладилось.

Ночная трасса оставалась почти пустой. Лишь две или три машины попались навстречу. Позади тоже не было видно огней. Фары осветили небольшой мост через пересохшую еще в конце лета речку. На обочине перед мостом стоял приземистый массивный "Форд". Двое полицейских дорожной службы не спеша вышли на дорогу. Один из них сделал знак светящимся жезлом остановиться. Шатоев послушно съехал на обочину и торопливо выбрался из-за руля.

Полицейский с жезлом полистал паспорт, водительское удостоверение.

- Шатоев Керим.

- Да, там еще справка лежит...

Но полицейский, не тронув вложенную в удостоверение пятидесятитысячную купюру, обычную взятку для дорожно-го поста, вернул документы.

- Оружие при себе имеется?

- Нет.

- Точно?

- Клянусь матерью!

Шатоев с легкостью нарушал любые клятвы, а свою мать не видел четыре года, мало интересуясь ее жизнью и жизнью младших сестренек. Оружие у него с собой имелось. Укороченная фермерская магазинка двадцатого калибра была спрятана в тайнике под днищем сидения. Но показывать он ее не собирался, несмотря на имевшееся разрешение. Штука дорогая и удобная для перевозки. Эти проходимцы в полицейской форме заберут ее себе и не посмотрят ни на какие документы.

Беспокоила мысль, почему они отказались от денег.

- Там для вас справка, - напомнил Шатоев снова, протягивая удостоверение. - Если недостаточно, я могу положить еще одну, зеленую...

Он прибавил к пятидесяти тысячам дирхемов двадцатидолларовую бумажку. За эту сумму прощали любые прегрешения.

Но полицейский с жезлом, по-прежнему не реагируя на взятку, похлопал торговца по карманам и, убедившись, что у того оружия при себе нет, приказал встать рядом с машиной и ждать. У полицейского были широкие плечи и вислые черные усы. Его напарник молча курил, короткий автомат висел на плече стволом вниз.

Кого они ждут? Керим украдкой вытер пот со лба. Затянувшееся молчание все больше пугало его. Затрещала рация, и полицейский с жезлом, ответив на позывные, негромко сообщил, что объект на месте. Получив какую-то команду, кивнул головой.

- Так точно... понял.

Рация выключилась. Шатоев обеспокоенно закрутил головой.

- В чем я виноват? За что меня задержали?

- Заткнись, - посоветовали ему, и торговец замолчал.

Через десять минут подъехала еще одна машина. Из нее вышел седой джентльмен в длинном шуршащем плаще.

- Куда направляетесь, молодой человек? - оглядев испуганно сжавшегося Керима, поинтересовался он.

- Торговые дела, - Шатоев назвал один из поселков, куда он действительно поставлял сигареты.

- Ты говоришь неправду, - мягко сказал человек в плаще. - К кому и зачем ты едешь?

Шатоев затравленно озирался по сторонам. Он уже понял, что эти люди не из полиции, и лихорадочно соображал, что лучше: сказать правду или продолжать гнуть историю о торговых делах. В багажнике лежал ящик "Мачны". Керим уже открыл рот, чтобы предложить посмотреть его товар и убедиться, что он не лжет, но человек в полицейской форме с вислыми усами вдруг коротко и сильно ткнул его концом жезла в солнечное сплетение.

От сильной боли зашлось дыхание. Торговец, вскрикнув, согнулся пополам, изо рта потекла слюна. Трое дожидались, пока он отдышится. Дорога оставалась пустынной. Холодный ветер порывами дул из темноты.

- Куда ты ехал? - повторил свой вопрос седой джентльмен.

- К Амиру.

- А почему сразу не признался? Ты ведь видишь, тебя остановила полиция.

В нравоучительной фразе седого звучала откровенная издевка.

- Я испугался.

Какая к черту полиция! Кто же эти люди? Седой не из Чемкара и появился в здешних краях недавно. Лицо вислоусого он где-то видел.

- Кто тебя послал к Амиру?

- Русский.

- Зачем?

- Он попросил передать записку.

- Где она?

- Вот.

Шатоев достал бумажник. Трясущиеся пальцы не слушались. Вислоусый полицейский отобрал у него бумажник и, быстро отыскав записку, передал ее седому.

- Там деньги, - сказал он, продолжая держать бумажник открытым.

- Много? - читая записку, отозвался седой.

- Шестьдесят долларов и дирхемы...

- Так возьмите их себе. За ночную работу с такими подонками, которые продались неверным.

Вислоусый положил в карман содержимое бумажника, а

Карим вдруг вспомнил, где видел это лицо. В охране Вахида Абазова!

Три месяца назад губернатор пытался провести переговоры с вождями оппозиции, и в город съехались множество вооруженных людей. Рядом с Абазовым в открытой машине сидел этот вислоусый. Керим еще тогда обратил внимание на его широченные плечи. Ходячий шкаф.

- Ты знаешь, что за человек этот русский? - спросил седой, пряча записку в карман.

- Он приехал сюда торговать. Директор какой-то фирмы.

- Ты в этом уверен?

- Н-нет, - испуганно замотал головой Керим.

Он уже понял, что седой джентльмен обладает большой властью и от него сейчас зависит жизнь Шатоева.

- Зачем же ты связался с неверным? - по-прежнему тихо и вежливо поинтересовался седой.

- Я боялся... Он мне угрожал.

- А предательства ты не боялся... Сколько он тебе заплатил?

- Пятьсот долларов.

- На таких делах ты скоро сколотишь состояние... если не споткнешься!

Седой, обернувшись, что-то сказал людям, одетым в полицейскую форму, и пошел к своей машине. Дальнейшее происходило словно в кошмарном сне. Вислоусый зашел со спины и схватил Керима за локти, прижимая их к туловищу. Торговец закричал, пытаясь вырваться, но тиски были словно железные. Второй полицейский достал из багажника "Форда" заостренный арматурный прут и, размахнувшись, с силой воткнул его в правую стопу Керима.

Шатоев взвыл от дикой боли. Оба полицейских отскочили в сторону, наблюдая за своей жертвой. Керим извивался, пригвожденный к земле метровой заточкой. Болевой шок парализовал его. Обе машины исчезли в темноте, а Шатоев продолжал раскачиваться, боясь дотронуться до страшного прута.

Собравшись с силами, он резко выдернул железку и от нового толчка боли повалился набок. На несколько секунд Керим потерял сознание. Очнувшись, стал медленно ощупывать ногу. Боль поднималась все выше, захватывая икру и колено. При свете фар он разглядел огромную черную лужу и с ужасом понял, что истекает кровью. Надо торопиться!

Обратный путь ему показался вечностью. Керим с трудом

добрался до Станции скорой помощи и, оставляя кровавые следы на кафеле, без сил свалился на кушетку, покрытую клеенкой. Достав спрятанные на поясе последние двадцать долларов, хрипло попросил:

- Ради Аллаха, побыстрее! Я истекаю кровью... вопросы потом...

Прошло еще несколько дней. Шатоев исчез. Его старшая жена ответила по телефону Петренко, что муж срочно уехал и будет не скоро. Срываясь на крик, повторила:

- Уехал! Слышите? И больше не звоните.

Петренко мотался по городу, разыскивая нужных людей. Довлатов на связь не выходил. По слухам, он появлялся в Чемкаре и был на могиле Джемаль-Ходжи.

Продолжая игру в бизнесменов, они нанесли два визита своим партнерам по торговле цветными металлами, где наконец ими заинтересовались и согласились купить партию меди. Петренко кивал и в свою очередь обещал согласовать этот вопрос с московским руководством. Он даже дал звонок в столицу и десять минут обсуждал цены и условия поставки металлов.

- Бесплезно, мы уже засвечены с ног до головы. Наши торговые потуги никого не обманут, - выходя из офиса торговых партнеров, сказал Петренко.

В один из вечеров они отправились поужинать в бар. Настроение у обоих было паршивое. Висела неопределенность, на Довлатова выйти никак не удавалось, из центра поступали маловразумительные инструкции.

В баре было, как всегда, многолюдно. Возле стойки расселись длинноногие девицы в мини-юбках, а вместо компании военных за длинным столом на сей раз собрался солидный кружок бизнесменов. Отмечался юбилей какой-то фирмы.

Неожиданно Сергей заметил Ингу. Она сидела со своей темноволосой подругой в дальнем углу зала. После того первого вечера женщины здесь не появлялись, и Амелин начал испытывать невольное сожаление, что больше не увидит журналистку.

- Посмотри, вон наши знакомые, - кивнул головой Сергей.

- Уже видел. Инга и Фарида... какие имена! Поэзия! - Петренко полистал меню, отложил в сторону. - Выпьем "Столичной"? Я слышал, водка лучше всех других напитков поднимает настроение.

Выпили по одной и по второй. Петренко острил и посматривал на девушек за стойкой. Когда заиграли медленную мелодию, Сергей поднялся со своего места и подошел к столику, где сидели журналистка и ее подруга.

- Я не танцую, - покачала головой Инга.

На столе перед женщинами стоял графинчик с водкой. В прошлый раз они пили шампанское.

- Я хотел с вами поговорить.

- Что-нибудь очень важное? - иронично уточнила журналистка.

- Не очень, но все же ...

- Инга, иди потанцуй, - подала голос Фарида.

- Вас давно не было видно, - сказал Амелин, - что-нибудь случилось?

В поведении женщины с прибалтийским именем не чувствовалось кокетства. Она танцевала с Сергеем устало и безразлично, словно выполняя обязанность.

- Случилось. У Фариды погиб друг.

- Его звали Джемаль-Ходжи?

- Вы уже в курсе местных дел? - без особого удивления спросила Инга.

- Я слышал об этом человеке.

- На похороны собралось полгорода. Джемаль-Ходжи сделал много добрых дел.

- За что его убили? Хотя я понимаю, эта тема не для обсуждения в баре.

- Он не нравился многим за свою независимость. Например, прихлебателям президента. Тан-Булак его тоже не жаловал. Кричали, что он продан русским.

- Я действительно не вовремя к вам подошел, - после затянувшейся паузы проговорил Амелин.

- Да, - согласилась Инга. - Мы уже уходим...

- Если вы не против, я могу вас проводить?

- Вам придется провожать сразу двоих. Впрочем, недалеко, только до стоянки такси.

Когда они шли к стоянке, Фарида немного приотсталала.

- Поболтайте без свидетелей. А я подышу воздухом.

- Какие уж тут разговоры, - пожал плечами Амелин. - Время я выбрал самое неподходящее.

- Вы с другом мало похожи на коммерсантов, - сказала Инга.

- А на кого же?

- Больше на военных. За шестнадцать лет работы в журналистике я встречалась со многими людьми. Профессии накладывают свой отпечаток. Впрочем, для окружающих это не очень заметно.

- Может, мы с вами увидимся в какой-нибудь другой день? Завтра или послезавтра?

- Вы пока не собираетесь уезжать?

- Нет. Наши дела затянулись.

Инга протянула ему визитную карточку.

- Здесь рабочий телефон. Правда, в кабинете меня часто не бывает.

- Я могу позвонить вам домой?

- Можете. Запоминайте номер. Три, пять, пять, ноль, восемь.

- Инга! - позвала ее Фарида, открывая дверцу такси. - Ты остаешься?

- Все. До свидания, Сергей!

Журналистка побежала к машине.

Когда Амелин передал Петренко содержание разговора с Ингой, тот удивленно хмыкнул.

- Ты посмотри, как тесен мир! Значит, Фарида была подругой покойного Джемаль-Ходжи и, может быть, вполне знакома с Довлатовым. Твои девушки нам еще пригодятся, я чувствую. Но прекрасный пол оставим на крайний случай. Завтра мне предстоит интересная встреча. Спать ляжем пораньше. Я уйду в четыре часа через окно. Ты оставайся в номере, никуда не выходи. Часов в восемь, если я не вернусь, закажи завтрак на двоих по телефону и жди меня.

Амелин молча кивнул в ответ. Он уже давно научился не задавать лишних вопросов.

Связника звали Ахмед. Когда-то в Афганистане Петренко его здорово выручил. Ахмед работал переводчиком в одном из спецподразделений и был приговорен моджахедами к смерти вместе со всей семьей.

За несколько недель до вывода советских войск Петренко помог получить ему необходимые документы и переправил вместе с семьей в Южную Республику.

Полковник интуитивно чувствовал, что с Ахмедом не все в порядке и хотел лично в этом убедиться. Назначая встречу в половине пятого утра, Петренко не столько опасался слежки, сколько того, что его с Ахмедом может увидеть посторонний человек.

Он знал, что постоянное наружное наблюдение, “топтанье по следам”, за ним и за Амелиным ведётся, хотя в этом не было необходимости. Приезжих русских и так надёжно изолировали от нежелательных контактов, а когда они пытались высунуться, били жестоко и метко по рукам. Пройдет день или пять, и их с Амелиным вышвырнут из города. Но пока эти люди чего-то выжидают. Чего только?

Ахмед ждал его на окраине редкой тополиной рощи. Ветер шуршал сухими листьями, кружа их в воздухе и медленно опуская на землю. Чужой город, чужая луна и эта почти бу-тафорская роща, освещенная слабым серебристым светом. Они поздоровались. У Ахмеда была сухая и жесткая рука. Он мог и не прийти в это пустынное место, если вел двойную игру. Впрочем, трусом он не был, а в армии Наджибуллы дослужился до капитана.

- Здравствуй, Ахмед!

- Здравствуй, шурави!

В полусумраке лунной ночи отчетливо белели зубы переводчика. Он улыбался.

- Я рад тебя видеть, Иван.

- Я тоже. Веселое место выбрали для встречи.

- Ты неплохо ориентируешься в нашем городе.

- Привычка. Керим исчез. Ты не знаешь, что с ним случилось?

- Знаю. Ему пробили ступню металлическим штырем, когда он ехал к Довлатову. Рана очень тяжелая, он едва не умер, а теперь скрывается.

- Джемаль-Ходжи убили, Шатоева искалечили... Кто следующий?

- Может быть, ты, - медленно проговорил Ахмед. - Или твой светловолосый друг. Прости, шурави, можешь меня презирать, но я буду вынужден рассказать о нашей встрече...

- Кому?

- Я не знаю этих людей. Но чувствую, что ветер дует с юга. Непримиримые наступают. Разве могут они оставить в стороне самую крупную провинцию в республике! Русские для них враги, и ты не дожدهшься здесь ничего хорошего.

- Ты знаешь, Ахмед, для чего я сюда приехал?

- Выручать друзей - святое дело. Но, боюсь, ты ничем не поможешь этим летчикам.

- Мне нужно выйти на Довлатова.

- Если бы Амир захотел, он сам бы нашелся. Думаю, ему

сейчас не до тебя. На Амира давят со всех сторон. Вахид Абазов едва не в открытую обвиняет его в измене. И в собственном родовом клане Довлатова нет единства.

- Это означает, что Амир теряет свои позиции?

- Он может их потерять, если не ударит первым. Возможно, он и готовит такой удар сейчас.

- И тем не менее я должен увидеть Довлатова, - жестко проговорил Петренко.

- Уезжай отсюда, Иван. Я тебе больше не помощник. У меня четверо детей и внук, рисковать семьей я не буду. Идет большая игра, и меня просто смахнут как пешку.

- Там, в пустыне, остаются в плену двое моих товарищей, и я их не брошу. Разве в Афганистане я поступал по-другому?

Прозвучало несколько с надрывом, но вполне в духе Востока. Ахмеда надо было хоть чем-то расшевелить.

- Иван, не думай, что я не помню добра. Но я тебе действительно не смогу помочь. Вас пока не трогают, однако решение могут изменить в любой час. Вы просто исчезнете. А насчет Амира... Есть очень простой, но рискованный выход. Не связывайтесь больше ни с кем, а незаметно покиньте город. До кишлака Урджар отсюда сорок километров. Там почти все жители - сторонники Амира. Если вам повезет, вы с ним встретитесь.

В этот же день Петренко связался по телефону-автомату еще с двумя адресами, а потом до ночи смотрел с Амелиным местное кабельное телевидение. После обычных славословий в адрес президента и 100-й серии турецкой мелодрамы неожиданно показали "Белое солнце пустыни".

Фильм посмотрели с удовольствием и, выпив по стакану вина, легли спать. Завтрашний день обещал какие-то перемены.

Их остановили на 16-м километре.

Пост напоминал небольшую крепость. Бетонные доты по обочинам, бронетранспортер, металлическое ограждение, оставляющее для проезда узкий участок трассы.

Здоровенный полицейский в португальской шляпе и высоких сапогах сделал знак остановиться. Подошел сержант, и оба принялись изучать документы Петренко и Амелина. Уже через несколько минут Сергей понял, что проверка не случайная. Оба полицейских, игнорируя двадцатидолларовую купюру в водительских правах, неторопливо листали паспорта, крутили в руках визы, разглядывая печати, потом полезли в машину.

К ним присоединился полицейский в штатском. Он оказался расторопнее своих коллег. Покопавшись в багажнике, весело скомандовал:

- Позовите понятых!

Явились понятые, двое водителей, отремонтировавших возле поста КамАЗ. В их присутствии полицейский в штатском отогнул резиновый коврик и подозвал Амелина.

- Забирай свое добро.

Сергей увидел небольшой целлофановый пакет с буро-зеленой массой.

- Бери, бери, не стесняйся! Приторговываете? Ну что же, жить-то надо, а травка у нас самая дешевая.

Полицейскому было лет тридцать пять. Худощавый и скуластый, он дружелюбно улыбался Амелину и Петренко. Сергей, не двигаясь с места, ответил такой же улыбочкой.

- Там без наших пальцев отпечатков хватает.

- Как хотите, - пожал плечами улыбчивый полицейский.

Долго составляли протокол, потом обоих обыскали, отобрали деньги и, затолкав в зарешеченный "уазик", куда-то повезли.

- Прimitивно, зато надежно, - сказал Сергей, стараясь поудобнее пристроить руки, скованные за спиной наручниками.

- Тактика всех полицейских мира, - отозвался Петренко. - Как тяжело быть коммерсантом!

Их привезли в районное отделение полиции, где у Петренко отобрали часы, а Сергею пообещали переломать ребра, если он будет дергаться. Допрос длился не слишком долго. Толстый инспектор, заведовавший местным изолятором, внес их фамилии в потрепанный журнал и поинтересовался, зачем они приехали сюда из России.

- Коммерция, - вежливо объяснил Петренко. - Я - директор торговой фирмы. Продаем цветные металлы.

- А заодно и наркотики?

- Это недоразумение.

- Ну-ну, - скептически покачал головой инспектор и зачитал им правила пребывания в изоляторе.

- Я могу вызвать адвоката? - пустил пробный шар Петренко.

- Можете, но не сейчас.

- А когда? Мы же не какие-нибудь проходимцы, а солидные люди. Фирма осталась без директора. Помогите связаться с адвокатом, мы вам будем очень обязаны.

- Я же сказал, подождите! - повысил голос толстый инспектор, и два его подбородка возмущенно заколыхались. - И вообще, ведите себя потише. Слишком бойких у нас не любят. Эй, Хасан, отведи господ в четвертую камеру.

В длинной полутемной камере с выбитыми стеклами никого не было. Они уселись на деревянные нары. Солнце уже клонилось к закату. Возле двери высвечивалось яркое пятно, перечеркнутое тенью решетки. Стены и потолок камеры еще в советские времена были обработаны специальным способом, шероховатая "шуба" не давала возможности делать надписи. Но и здесь умельцы выцарапали короткие напоминания о себе. "Я тут сидел. Слон. 12.7.90 г.", "Ренат - сука", шли надписи на арабском языке и нецензурные слова.

- Сейчас еще ничего. Летом сидеть хреново, - поделился своим тюремным опытом Амелин. - Люди от духоты умирают.

В свое время он просидел в изоляторе одной братской республики три с лишним месяца, но вспоминать об этом сейчас не стал. Петренко с ним согласился и тоже мысленно вспомнил подземную каталажку в Африке, где он пробыл однажды полторы недели.

- Слон, слоненок, - посочувствовал он неизвестному собрату по несчастью. - Дожил ли ты до полной и окончательной победы демократии?

- Говно не тонет, - выразил свое мнение Сергей.

- А честные коммерсанты сидят!

Немного полежали, потом принесли ужин: кукурузную кашу без хлеба и теплый чай.

- А завтракали мы с тобой копченой колбаской с кофе, - брезгливо осматривая малоаппетитные желтые комки, сказал Петренко. - Будем жрать?

- Будем, иначе сдохнем!

- У тебя что-нибудь ценное при себе осталось? - спросил Петренко Амелина, с отвращением глотая холодную кашу.

- А как же!

Сергей достал из крошечного карманчика, вшитого в подкладку куртки, две двадцатидолларовые бумажки.

- Молодец! У меня тоже кое-что есть, - Петренко показал небольшой рифленый перстень. - Платина. Память о любимой женщине. Сочи, ночь, теплое море... и водопад роскошных платиновых волос на моем плече, как в кино. Завидуешь?

- Нет.

- Ну и правильно. Это была моя первая и единственная жена. Она не выдержала испытания разлукой.

Петренко театрально вздохнул, в рыжих глазах его блестели веселые искорки.

- Сорок долларов и кольцо, - подвел он итог. - Хватит на два небольших подношения и вполне приличную взятку. Остается найти объект...

В ту же ночь они познакомились с дежурным по КПЗ, маленьким смуглым сержантом. На предложение заработать сержант ответил согласием. Получив двадцатку, он принес через час пять пачек "Мальборо", огромную дыню, пакет яблок и две буханки хлеба. Еще одну передачу он организовал через сутки, когда снова заступил на дежурство.

Теперь оставалось самое сложное - уговорить его поехать в город и дать звонок нужному человеку. Другого выхода из создавшегося положения Петренко не видел. За трое суток к ним в камеру никто не заходил, обвинительное заключение предъявлять не торопились. Можно было предположить, что их решили на какое-то время изолировать, и время это могло растянуться до неопределенных сроков.

Смуглый сержант колебался. Одно дело - потихоньку таскать продукты, и совсем другое - кому-то звонить, становясь, по существу, сообщником арестованных.

Раздраженный собственной нерешительностью, он со злостью рассуждал, какие крупные взятки берут дорожные полицейские и его начальство. А здесь, в вонючем КПЗ, только и остается, что сшибать копейки за незаконные передачи. Сержант два месяца не получал зарплату, а жена недавно родила третьего ребенка.

Он наконец решил. В обмен на платиновое кольцо съездил в Чемкар и позвонил по записанному на клочке бумаги телефону. Спустя два дня по указанию из канцелярии губернатора Петренко и Амелина освободили. Вернули даже часть денег, изъятых при аресте.

Чиновник из канцелярии губернатора встретил их возле полицейского отделения. Молча показал на запыленную бежевую "Волгу" и сам уселся за руль.

- Нам бы нашу машину вернуть, - деликатно напомнил Петренко. - Собственность фирмы.

- Забудьте про нее, - недовольно буркнул чиновник. - Изъята как орудие преступления до конца следствия.

- Ну что ж, законы у вас суровы, остается только смириться. Мы едем в Урджар, к Довлатову?

- Вы с ума сошли! Хотите, чтобы нас всех троих прикончили? Мы возвращаемся в Чемкар. А вам надо срочно уезжать в Россию. Вы ничего больше не добьетесь, только свернете себе шею.

Петренко брезгливо тер грязное пятно на рукаве светлого итальянского плаща. После недельного пользования плащом как подстилкой на тюремных нарах его можно было смело выбрасывать.

- В столице да и в нашей провинции тоже усиливается влияние оппозиции, - продолжал чиновник. - Парламент требует от президента начать переговоры с Тан-Булаком. Президент пока не принял решения, но, видимо, переговоры состоятся.

- Понимаю, - усмехнулся Петренко, - сильный ветер с юга.

- Весьма сильный. И может превратиться в ураган. Кстати, мне было нелегко добиться вашего освобождения.

- Спасибо, - очень серьезно отозвался Петренко. - О Решеткове и Лагутине есть какая-нибудь информация?

- Они живы.

- Вы не можете, дорогой друг, сказать, где они сейчас находятся?

Петренко был сама любезность. Однако "дорогой друг" был настроен совсем по-другому. Этот далеко не молодой человек из породы крепкозадых служак с трудом, почти без посторонней помощи, добрался до верхушки провинциальной власти. Торопясь наверстать упущенное, он хватал все, что мог. Не раз попадался, но вовремя выворачивался.

Повиснув на крючке российской спецслужбы, он был вынужден оказывать помощь Петренко, но делал все возможное, чтобы эта помощь носила самый общий, ни к чему не обязывающий характер.

Освобождение двух русских из полиции уже выходило за рамки действий, очерченных им самим. Говорить что-то конкретное о местонахождении пленных летчиков он тем более не хотел.

- Полевые командиры контролируют огромную территорию, - доверительно сообщил он известную всем истину. - Они могут прятать летчиков в любой точке пустыни.

- Как бы узнать поточнее?

- Об этом вам может рассказать господин Довлатов... если

захочет. Но все идет к тому, что вам надо уезжать. Я берусь доставить вас до русского пограничного поста.

Сейчас "дорогой друг" смотрел на Петренко почти ласково. Он готов пойти на любой риск, чтобы помочь им. Уезжайте и не рискуйте!

- Мы немного подождем, - коротко отозвался Петренко.

В его взгляде появилось нечто такое, из-за чего чиновник предпочел больше не спорить. Он высадил их возле отеля и молча развернул машину.

В тот же вечер Петренко куда-то отлучился, потом принес в номер дипломат и выгрузил на стол тяжелый сверток. Размотал чистую холстину и подмигнул Сергею.

Касаясь рукоятками друг друга, на столе лежали два тяжелых автоматических пистолета Стечкина с запасными обоймами. Четыре картонные коробки с патронами были завернуты отдельно.

- Пришло время вооружаться, - провозгласил он. - Система, конечно, знакома?

- Очень даже, - проверяя ход хорошо смазанного затвора, ответил Амелин.

- Кроме всякой мелочевки там имелись кольты. Но я выбрал "Стечкина". Серьезное оружие для серьезных людей. Завтра мы, возможно, кое-куда съездим и только потом покинем этот славный городишко. А сегодня предлагаю сходить в бар, вознаградить себя за отсиживание в кутузке. Насладимся наготовой красавиц Розы и Иветты!

А Сергей подумал, что, кажется, начинается второе действие их затянувшегося спектакля. Насмешливый полковник из неизвестного ведомства не потащит эти железки просто так в номер. Ну что ж, тем лучше. Амелину уже порядком надоела роль статиста и сопровождающего.

В тот вечер они засиделись в баре до конца представления. Сергею показалось, что обычное ироничное спокойствие изменяет напарнику. Наверное, завтра будет действительно тяжелый день.

Они оба устали крутиться внутри замкнутого круга, по существу, ничего не добившись за три недели пребывания здесь. Гибли и калечились люди, пытавшиеся им помочь, потом их самих затолкали в каталажку, и существовала опасность, что с ними расправятся так же легко, как с Джемаль-Ходжи.

Петренко подозвал официанта.

- Роза сегодня свободна?

- Я сейчас узнаю. А ваш друг? Может быть, ему тоже подобрать подружку?

- Как хочет.

- Не надо, - поторопился вмешаться Сергей.

Ему еще никогда не приходилось иметь дело с любовью за деньги, ответ был произвольной реакцией на неожиданный вопрос. Потом шевельнулось сожаление. Но Петренко молчал, и Амелин не стал менять решение.

Официант вернулся через несколько минут и шепнул, что вообще-то Роза устала сегодня, предстоит еще деловая встреча, но...

- Вы надолго рассчитываете занять внимание Розы?

- Надолго.

- Если до утра, то это будет стоить восемьдесят долларов.

- Цены растут, - усмехнулся Петренко.

- Вы не пожалеете. Через десять минут она будет у вас в номере. Возьмете что-нибудь угостить даму?

- Да, две бутылки шампанского и закуску на ваш вкус.

Официант смотрел на них ласково и слегка покровительственно. Наконец-то разглядели, что к чему. Так и надо было с первого дня! Наверное, он имел неплохие проценты от продажи девушек, да на радостях еще и обсчитал обоих клиентов.

Роза появилась через десять минут после их прихода. Вблизи она оказалась еще эффектнее, чем на сцене. Длинные черные волосы опускались на матовые полные плечи. Велюровое платье с большим декольте по цвету напоминало смуглую кожу танцовщицы и, тесно облекая фигуру, усиливало эффект обнаженности. Губы, покрашенные в рубиновый цвет, пятном выделялись на округлом лице.

Красавица знала себе цену и зарабатывала за вечер больше, чем крестьянская семья в республике за два месяца.

Беседа была светской. Что-то похожее на раут с популярной актрисой.

- Вы отлично танцуете.

- Спасибо.

Роза вела себя умело, без излишнего жеманства и словоохотливости женщины, пришедшей за плату ублажать клиента.

- У вас красивый город, особенно старая часть.

- Вы были в ханской усыпальнице?

- Конечно, я и раньше читал про нее. Уникальное место.

Амелин допил свое шампанское и поднялся.

- Я, пожалуй, пойду к себе в комнату, если вы не возражаете.

Роза улыбнулась ему как старая знакомая.

- Спокойной ночи!

У нее были блестящие белые зубы.

- Пока! - помахал ему рукой Петренко.

Лаская свою мимолетную, купленную за деньги подругу, Петренко не знал, что красивая стриптизерша Роза станет его последней женщиной. Люди не знают, сколько дней жизни отпущено каждому из них, и спокойно шагают, не задумываясь о смерти.

Роза не спеша красилась перед большим зеркалом в ванной. Между темными чулками и зеленой кружевной комбинацией белела полоска обнаженной кожи.

Петренко обнял женщину и поцеловал в шею. Рука скользнула вниз по бархатистой коже бедер.

- Тебе не хватило ночи? - коротко засмеялась женщина.

- Не хватило.

Петренко прижал ее к себе, чувствуя, как в нем нарастает желание заняться любовью прямо здесь, в ванной комнате. Роза вздохнула, привычно откидывая голову назад. Ее профессия требовала в нужное время изображать если не страсть, то, по крайней мере, желание. Сегодняшний мужчина не был ей противен, как это часто бывало в работе "ночной бабочки". Он щедро с ней расплатился, почему бы не доставить ему удовольствие еще раз.

- Закрой дверь, - шепнула танцовщица.

Подчиняясь мужским рукам, она нагнулась, опираясь ладонями о край ванны. Узкие трусики, состоящие в основном из шнурков, соскользнули вниз. Роза стонала, изгибаясь всем своим крупным красивым телом, и отрывисто шептала какие-то слова. Вытатуированная крошечная роза на левой ягодице шевелилась в такт движения бедер. Может, ей действительно было хорошо, а может, продолжалась щедро оплаченная игра...

Петренко посмотрел на часы. Человек, который должен был приехать, опаздывал. Полковник сидел на обломке огромного камня. Рядом тянулась полуразрушенная крепостная стена, из глубоких трещин поднималась жесткая кустарниковая поросль. Массивная четырехугольная башня с узкими бойница-

ми поднималась прямо из скалы, нависая над засыпанным рвом. Часть крепости, возле ханского дворца, была отреставрирована. Здесь же, в западной половине, сооружения остались такими, какими сохранились за семь веков своего существования.

Петренко поднялся и не спеша зашагал вдоль стены. Ветер из пустыни гудел в бойницах старой башни, поднимая столб глинистой пыли. Сухой шар перекасти-поля скакал по уступам стены. На гребне он замер на секунду, потом рывком перевалил через камень и понесся мимо Петренко в сторону города.

- Чего тебе там делать? - пробормотал он. - Скакал бы себе в пустыню.

Полковник ждал человека, который брался свести его и Амелина с Амиром Довлатовым. Человека звали Эльшан. Он торговал наркотиками, но был куда круче невезучего Керима Шатоева и принадлежал к местной наркомафии. Если Эльшан согласится доставить их к Довлатову, то уже сегодня вечером они покинут отель и больше в город не вернутся.

Эльшан опоздал почти на час. Он приехал на потрепанном джипе, сам сидел за рулем и без сопровождающих. Высокий, сутулый, с массивной выступающей вперед челюстью, он больше походил на европейца, чем на представителя коренной национальности республики. Защитная полувоенная куртка и толстая золотая цепочка.

Цена была названа. Тысяча двести долларов. Довольно высокая, по здешним меркам, но вполне приемлемая, если учитывать риск. Петренко кивком головы выразил согласие и спросил, будет ли готов Эльшан к шести часам вечера. Тот тоже кивнул, в свою очередь, и потребовал аванс.

- Пятьдесят процентов!

Петренко отсчитал шестьсот долларов. Риск начинался уже с этой минуты. Спрятав деньги, Эльшан мог спокойно достать пистолет и пристрелить русского прямо здесь на месте. Даже если поблизости оказался бы случайный свидетель, он не рискнул бы дать показания. Наркомафия в здешних краях была слишком сильна, чтобы опасаться таких мелочей, как свидетели.

Эльшан свернул банкноты и сунул в карман.

- Куда подбегать? - спросил он.

- К центральному универмагу. Мы будем ждать вас возле табачного киоска. Это с левой стороны.

- Знаю.

Эльшан кивнул и открыл дверцу джипа. Петренко шагал по направлению к городу. Вся встреча заняла не больше пяти минут.

Наголо бритый туркмен, замотанный до глаз шарфом, с десантным автоматом АКСУ, показал напарнику пальцем на Эльшана.

- Сеид, я начну с него. Твой - русский...

Человек, которого звали Сеид, вооруженный обрезом пятазарядного охотничьего ружья, осторожно сдвинул флажок предохранителя. Он был одет в затертую замшевую куртку. На костлявом землистом лице выделялись расширенные, горевшие возбуждением глаза. Глаза человека, привыкшего к наркотикам и принявшего только что очередную дозу.

До Петренко от них было метров тридцать пять, до Эльшана - немного побольше. Вислоусый плечистый боевик, человек из охраны Абазова, хорошо видел всех четверых из бойницы сторожевой башни. Винтовка с оптическим прицелом и глушителем стояла, прислоненная к стене.

- Стреляйте, чего вы ждете, - яростно шептал он, сжимая и разжимая кулаки.

Охранник мог убить и русского и Эльшана, но по сценарию это должны были сделать наемные киллеры. У него была другая задача.

Автомат и обрез ударили одновременно. Пули насквозь прошивали металлический корпус джипа, поднимали фонтанчики сухой земли у ног Эльшана. Бритый за несколько секунд опустошил магазин и торопливо, не слишком умело, перезаряжал оружие. Эльшан, раненный в живот, пытался достать из кобуры пистолет.

Сеид выпустил четыре картечных заряда и, оставив в запасе последний, пятый, бежал к Петренко.

Полковник унал после первых же выстрелов. Убегать было некуда. Никакого укрытия поблизости он не видел. Две 8-миллиметровые картечины, рассчитанные на крупного зверя, попали ему в голень правой ноги. Еще одна, разорвав куртку, прошла вскользь по ребрам. Раны не были слишком опасными, сейчас требовалось только одно - не суетиться и выждать.

Эльшан сполз на землю. В руке он держал массивный кольт с никелированным стволом. Попытался передернуть затвор,

но бритый уже сменил магазин и снова застрочил длинными беспорядочными очередями.

Сеид, бежавший к Петренко, услышав автоматную очередь за спиной, проворно присел на четвереньки. Из пригоршни посыпались полиэтиленовые картечные патроны. Он обернулся и, убедившись, что целятся не в него, снова вскочил на ноги.

Петренко, лежавший неподвижно, выстрелил дважды. Сеида крутнуло на месте, он с трудом удержал равновесие. В огромных выпученных глазах промелькнуло удивление. Сознание, приглушенное очередной дозой марихуаны, не успело отреагировать на происходящее. Полковник, аккуратно целясь, снова дважды нажал на спуск. Обе пули попали в цель, вырвав на спине клочья замши. Сеид падал лицом вперед, продолжая крепко сжимать в руках обрез. Двадцатидвухлетний подросток-старик с иссохшим тельцем и грязными обкусанными ногтями. Одноразовый киллер, которому не надо даже было платить. За сегодняшнее убийство ему обещали списать долги и выдать несколько граммов марихуаны. За свои двадцать два года Сеид так и не успел узнать женщину - марихуана заменяла ему все...

Эльшан, оптовый торговец наркотиками, один из тех, кто снабжал этих парней травкой, стрелял из кольта, сжимая рукоятку липкими от крови ладонями.

Он не видел, куда летят пули, срабатывала привычка отвечать выстрелом на выстрел. Потом пальцы разжались и кольт выскользнул из рук. Тело, пробитое множеством пуль, дернулось и мягко сползло на глину.

Бритый лихорадочно сорвал шарф и вставил в автомат третий, последний, магазин. Возбужденный наркотиками, непрерывной стрельбой и острым запахом сгоревшего пороха, он высунулся из-за угла и снова нажал на спуск. Ему ответил точный сдвоенный выстрел. Пули попали бритому в лицо, убив его наповал.

Петренко пошевелил раненой ногой. Кости были не перебиты, а это в данной ситуации - главное. Уйти отсюда он кое-как сможет. В Анголе он попадал в худшее положение и все равно сумел выкарабкаться!

Полковника настораживала не слишком тщательная подготовка покушения. Исполнители были подобраны явно не профессиональные, и за этим угадывались две причины. Либо главной целью не ставилось убийство Эльшана и Петренко, а лишь срыв предполагаемой поездки к Довлатову, либо где-то

рядом находились люди, страхующие не слишком умелых киллеров.

Опыт подсказывал Петренко, что наиболее вероятен второй вариант. Настороженно оглядываясь по сторонам, он сменил обойму. Было тихо, лишь шумел ветер, поднимая на гребне полуразрушенной крепостной стены клубы пыли. Оба нападавших и Эльшан лежали неподвижно. Больше никого вокруг видно не было. Возможно, его ожидали на дороге, ведущей в город.

Петренко с трудом поднялся и, ощущая, как теплые струйки крови ползут вниз по ноге, заковылял к джипу.

Дверца, исклеванная пулями, была открыта, ключ зажигания торчал в замке. Несколько пуль угодили в капот, но, может быть, машина заведется и он сумеет хотя бы выбраться из крепости. Полковник с трудом оттащил в сторону тяжелое тело Эльшана. Куртка и верхняя часть брюк подмокли от крови, мертвые глаза были открыты.

Вислоусый, стоявший наготове у бойницы, поймал в линзу восьмикратного оптического прицела затылок Петренко. Нажал на спуск. Снабженная глушителем винтовка издала негромкий хлопок. Разрывная пуля сбила полковника с ног и опрокинула на тело Эльшана. Он умер мгновенно. Но привыкший все делать основательно, вислоусый выстрелил в Петренко еще два раза, а затем выпустил семь оставшихся пуль в тела киллеров-неудачников. По сценарию в живых не должно было остаться ни одного свидетеля.

Сергею позвонил чиновник, который встречал их с Петренко у полицейского участка. Он себя не назвал, но Амелин узнал его по голосу.

- Ваш друг мертв. Его убили три часа назад. Немедленно собирайтесь и уезжайте в Россию. На чем угодно!

- Где его тело?

- В морге, где же еще! Но вам лучше позаботиться о собственном теле. После экспертизы останки вашего друга отправят домой. Это я беру на себя.

- Что с ним случилось?

- Покушение. Вместе с ним убиты еще несколько человек. Все, больше я вам ничего пояснить не могу. Подробности прочитаете в завтрашних газетах.

В трубке зачастили короткие гудки. Амелин не успел задать дурацкий, но очень необходимый вопрос: "Он точно

мерть?" Сергей знал, что никуда не уедет, пока не убедится, что Петренко действительно убит и никакая помощь ему не нужна. Но оставаться дальше в "Звезде Востока" было опасно. Он собрал необходимые вещи и уложил их в спортивную сумку. Из тайника за плинтусом достал тонкую пачку долларов, пересчитал, их было шесть с половиной сотен. Еще имелось миллиона полтора российскими рублями и пачка разноцветных дирхемов. На первое время хватит. Пистолет с запасной обоймой он сунул под бельё в сумку.

Амелин обошел номер. В шкафу висел плащ и серый австрийский костюм Петренко. Сергей захлопнул дверцу. Он никак не мог представить ироничного и всегда уверенного в себе полковника мертвым.

- Вы уезжаете? - осведомился администратор.

- Да.

- А ваш товарищ?

- Он умер.

Администратор сделал скорбное лицо.

- Что с ним случилось?

- Его убили.

- Какой ужас! Страшное время настало. Весной на афганской границе убили моего племянника. Ему исполнилось девятнадцать.

Сергей посмотрел на его поношенный костюм все с той же пластмассовой гвоздичкой.

- Там остались кое-какие вещи. Костюм, плащ, рубашки... Заберите их себе.

- Спасибо, - администратор продолжал скорбно покачивать головой. - Я могу что-нибудь для вас сделать?

- Спасибо, ничего не надо.

- Вы в аэропорт?

- Нет, на автовокзал.

- Ну что же, это надежнее. Может, вам вызвать такси?

- Если можно.

На такси он добрался до автовокзала и, потолкавшись среди частных извозчиков, нашел водителя, согласившегося за шестьдесят долларов довезти его до границы.

- Это если у вас в порядке виза. Если нет, то я могу перебросить вас через границу, минуя таможду и посты. Обойдется в триста долларов - доплата за риск.

- Документы в порядке, - заверил его Амелин.

На выезде из города он попросил водителя остановиться.

- Зачем? - подозрительно спросил тот.

Водителю было за пятьдесят. Один из тех русских, приехавших сюда много лет назад, которым уже не к кому ехать на родину и поздно начинать там жизнь сначала.

- Земляк, я хочу попросить тебя об одном одолжении, - Сергей отсчитал шестьдесят долларов и протянул водителю. - Высади меня здесь, а сам поезжай домой. Если кто будет интересоваться, скажи, что довез меня до границы и высадил, не доезжая двух километров до контрольно-пропускного пункта.

- Идет, - пожал тот плечами.

Водителю было не за что любить местную власть, а этот человек наверняка пытался скрыться от властей. Значит, ему надо помочь...

Инга не удивилась, услышав по телефону голос Сергея.

- Мы можем сейчас встретиться? - спросил Сергей.

- Лучше завтра, - помедлив, отозвалась она. - Сегодня уже поздно.

- Инга, у меня важный разговор. Это не займет много времени.

- Ну хорошо...

Они встретились в небольшом сквере, разделяющем два квартала пятиэтажек. Разговор предстоял в духе шпионского фильма. Вы знаете, кто я такой? И даже не догадываетесь? Так вот, я совсем не коммерсант и не купец, а работник совсем иного учреждения и прибыл сюда с целью... Насколько серьезно будет с его стороны привлекать в эту опасную игру женщину, которую он практически не знает?

А если нет другого выхода? Вернее, выход есть и очень простой. Уехать прямо сейчас и доложить начальству, что произошло. А им сверху виднее. Это будет самое благоразумное и наиболее логичное решение. Существует, правда, одна заковыка. Двое пленных парней, которые уже полтора месяца сидят в заложниках. И никто не может ответить на вопрос, живы они в эту минуту и будут ли живы завтра.

- Здравствуйте, Инга!

- Здравствуйте, Сергей!

Начало - официальной некуда! Ну посмотри на меня поласковее! Ты же одинокая женщина, и тебе не безразлично внимание мужчин. И я не самый хреновый из всех!

- Инга, я долго думал, прежде чем начать этот разговор...

- Интригующее начало! - в глазах женщины появились веселые огоньки. - Мы заодно и прогуляемся, не так ли? Сидеть на лавке слишком холодно.

- Вы слышали о русском самолете, сбитом в здешних местах?

- Конечно. Я все же в газете работаю.

- Один из летчиков был убит, а двое других полтора месяца находятся в заложниках. Скажу прямо, я не совсем тот, за кого себя выдавал. Целью нашего приезда были переговоры с Амиром Довлатовым об освобождении этих летчиков, но мы так и не смогли найти этого человека.

- И откуда же вы? - насмешливо осведомилась Инга. - КГБ, МВД или Главное разведывательное управление?

- Это не имеет значения.

- Тогда к чему ваши откровения, если все покрыто тайной?

- Тайны уже не существует. Несколько часов назад был убит мой друг, с которым мы приехали сюда. Переговоры с Довлатовым сорваны, видимо, мне придется уезжать. Но я решил посоветоваться с вами, может, вы знаете людей, которые могут вывести меня на Довлатова? Вы ведь журналистка и...

- Послушайте, - перебила его Инга, - вы в своем уме? Во-первых, почему я должна верить вам? Во-вторых, объясните, где логика? Спецслужбы терпят провал, и тогда вы не находите лучшего выхода, как обратиться к первой попавшейся женщине - выручайте нас!

- Логика в том, - мрачно отозвался Амелин, - что мы действительно потерпели провал. Сегодня погиб мой товарищ, до этого они убили Джемаль-Ходжи. Возможно, и мне не удастся ничего сделать, но я хочу использовать все шансы, до последнего.

- Джемаль тоже вам помогал?

- Да. Но мы сумели встретиться с ним только один раз. В тот же день его убили.

- Господи, мы думали, что причины другие.

Заметно стемнело. Начал накрапывать мелкий холодный дождь. Амелин перебросил с плеча на плечо тяжелую сумку. Если эта дама ему откажет, что вероятнее всего, то придется искать ночлег. Женщина смотрела на него, что-то решая. В темноте белели ее волосы.

- Я не захватила зонтика. Может, продолжим разговор у меня дома?

Кажется, что-то сдвинулось! Его даже приглашают домой. Впрочем, вполне возможно, только из вежливости и немного из любопытства. Предложат кофе с печеньем, выразят сочувствие и через час проводят, посоветовав, в каком месте можно снять комнату на ночь.

Инга жила в старом двухэтажном доме сороковых или пятидесятых годов постройки, с ажурными небольшими балконами, карнизами и огромными парадными дверями. Окружая дом, тянулся вскопанный огород, поделенный на небольшие квадраты. В таких домах, сменяя друг друга, живут поколениями и угадывают каждый звук за стеной соседа.

Квартира была двухкомнатная, с просторной прихожей и высокими потолками, украшенными лепниной в моде тех лет. Мальчик лет двенадцати с любопытством разглядывал Сергея.

- Саша, это дядя Сергей, - предупреждая вопрос сына, торопливо проговорила Инга, - мой коллега по работе.

Они сидели на кухне. Из зала доносились музыка и перебивающие друг друга взволнованные голоса - шла очередная серия турецкой мелодрамы.

- Надоело, - поморщилась Инга. - То президента показывают, то опять эти дурацкие серии.

- Программы из России не идут?

- Нет. В прошлом году отключили. Иногда кинохронику крутят. Про Чечню да про наводнения на Дальнем Востоке. Мол, не только нам одним тяжело живется. Зачем вы полезли в Чечню? Мало было Афганистана?

- Чьи-то амбиции, чья-то выгода... Не сумели вовремя остановить Дудаева. Там целый клубок. Самое страшное, что войны начинают те люди, которые своих сыновей туда не посылают.

Инга достала из холодильника бутылку коньяка, нарезала сыра.

- Жареную картошку будете?

- Спасибо, я не хочу есть.

- Чего там, не хочу! Раз уж пригласила, накормить ужином обязана.

Они выпили по одной и по другой рюмке, и Сергей подумал, что ему нельзя расслабляться. Через полчаса или час ему придется уходить. Уже темно, и надо будет искать ночлег.

- Не переживайте, - угадала его мысли Инга. - Алкоголь

размягчает женщину. Никуда я вас на ночь не выгоню, останетесь у меня. Правда, с собой не положу, не настраивайтесь.

- Спасибо.

- Пожалуйста. Как там у вас в России?

- Хреново! Хвалиться нечем. Заводы останавливаются, людям не платят зарплату.

- И вам тоже?

- Бывает, что и нам.

- Так какие идеалы заставляют вас рисковать? Чувство долга, присяга! Употребляют еще у вас эти слова?

- Ну, трескотни в России всегда хватало, - засмеялся Сергей. - А насчет идеалов сложнее. Когда у тебя на глазах развивают страну и говорят, что это нормально, идеалы теряются. Но как бы то ни было, а заложников надо кому-то освобождать.

- Скромный и бескорыстный герой! Можно очерк писать! - Инга налила еще по рюмке коньяка. - Давайте выпьем за вас. Скажу откровенно, вы как мужчина мне не безразличны. Я выражаюсь не слишком витиевато? Так вот, я бы хотела, чтобы вы благополучно завершили свои дела и вернулись поскорее к семье. Кстати, вы женаты?

- Женат.

- Дети есть?

- Есть. Сын, два года.

- Поздно вы взяли рожать. Раньше командировки мешали?

- Можно сказать так.

В дверь заглянул сын Инги.

- Мам, уроки проверять будешь?

- Нет, давай укладывайся спать. Пошли, пошли! Сергей, поскучайте без меня, пока я свое чадо уложу.

Она вернулась через десять минут. Налила в чайник воды, достала банку кофе.

- У вас еще остались русские школы? - спросил Амелин.

- Одна на весь город и всю провинцию. Предлагали закрыть и ее, но тогда уедут последние русские специалисты - негде будет учить детей. А без специалистов-нефтяников они пока не научились обходиться. Впрочем, нас все равно вытеснят, это лишь вопрос времени. Вы кофе будете?

- Буду.

- Ну а я закурю, если не возражаете. Я многим обязана Фариде. Мы учились вместе с ней в Риге в университете. Три

года жили в одной комнате, сделались почти родными. И потом приезжали друг к другу. У нее не очень удачно сложилась личная жизнь, как и у меня тоже. Обе вышли замуж, развелись. Она несколько лет встречалась с Джемалем. Когда он погиб, на нее страшно было смотреть. - Инга налила Сергею кофе и подвинула чашку. - Когда три года назад я в Риге потеряла работу, она пригласила меня к себе, помогла устроиться в газету.

- А квартира эта чья?

- Купила Фарида, а живем пока мы с сыном. Фарида не бедный человек, занимается коммерцией, была компаньоном Джемалю... Так что пока живу за ее счет. А что будет дальше, не знаю. Три года назад меня вынудили уехать из Риги. Уволили из редакции газеты и больше никуда не принимали. Ты - русская, хоть и носишь латышскую фамилию, здесь тебе в журналистике делать нечего. Иди, если хочешь, в посудомойки! В России беженцев тоже не слишком ждут. Вот так и оказались мы в Южной Республике... Ну ладно, все это эмоции, Значит, вы хотите встретиться с Амиром Довлатовым?

- Это единственный способ повлиять на Вахида. Если, конечно, летчики еще живы.

- Я думаю, такая встреча осуществима, - подумав, ответила Инга. - Фарида лично знакома с Амиром. Она не раз бывала у него вместе с Джемалем. Бедный Джемаль! Они действительно любили друг друга. Если бы не дети, Джемаль давно бы бросил жену.

Инга погасила сигарету и налила себе кофе. В разрезе короткого голубого халата белела обнаженная кожа бедра.

- Только не воображайте, что я пытаюсь вас соблазнить, - перехватив его взгляд, засмеялась Инга. - Просто с разрезом удобнее двигаться и заниматься домашними делами... Я поговорю с Фаридой. Думаю, она согласится вам помочь.

Сергей лежал на тахте. В темноте над головой светились электронные часы. Двадцать три сорок восемь... Через двенадцать минут закончится этот бесконечно длинный день. Еще утром был жив Иван, важно рассуждая за завтраком о древневосточной культуре. Уходя, он подмигнул Сергею:

- Вернусь через пару часов...

Завтра или послезавтра тело располосуют, составят акт вскрытия, перечислят, сколько ранений получил гражданин России, глава фирмы "Элис" Иван Викторович Петренко, и

какие из них оказались смертельными. Потом небрежно заштопают и не спеша отправят в Москву. Кто из родственников остался у Ивана? Где-то на юге живет взрослая дочь. С женой он давно отношений не поддерживает. Кажется, он упоминал о сестре. Если не найдется никого, полковника торжественно похоронит контора... Эх, Иван, Иван...

Дверь, ведущая в коридор, слегка скрипнула. Инга несколько секунд стояла в дверном проеме, потом прошла в комнату, осторожно села на край тахты.

- Ты не спишь?

Вместо ответа Сергей обнял ее за плечи и притянул к себе.

- Мне надо хотя бы выдумать предлог, почему я пришла, улыбаясь, прошептала она. - Допустим, стало страшно. Какие-то шаги под окном.

- Ты мне нравишься.

- Ты мне тоже.

Банальные слова, выдуманные для сближения людей.

- Ты очень долго собирался мне звонить.

- Долго...

Поцелуй был торопливым и жадным. Он расстегнул одну, потом другую пуговицу халата.

- Я сама.

Сняла халат и, положив его на ночной столик, легла рядом с ним в короткой шуршащей комбинации. Они целовались, все-теснее прижимаясь друг к другу. Сергей чувствовал под ладонями обнаженное горячее тело женщины. Кожа на бедрах была атласно гладкой. Инга, застонав, подалась навстречу ему.

- Мама, где ты?

Инга, вскочив, торопливо застегивала халат.

- Мама!

- Я сейчас, Саша!

- Приходи, я буду ждать, - Сергей успел поймать ее руку.

Инга молча выбежала из комнаты. Он ждал ее долго. Может, час, может, дольше. Потом словно провалился в тяжелый беспокойный сон. Ему снились улыбающийся Петренко, Джемаль-Ходжи. Откуда-то из темноты появлялось расплывающееся женское лицо. Он ловил и никак не мог поймать ее губы, на мгновение открывал глаза и снова засыпал.

Его разбудила Инга.

- Сережа, вставай. Через двадцать минут придет Фарид. Она уже звонила.

Амелин обнял женщину, потянул ее к себе.

- Нет, нет, - замотала она головой. - Мы не успеем.

- Успеем.

- Я не хочу, чтобы первый раз было наспех.

- А он точно будет, этот первый раз?

- Будет, если доживем до вечера, - Инга коснулась губами его щеки. - Бритва есть?

- Есть. Все у меня есть, кроме удачи.

Он побрился, потом долго стоял под душем, ощущая, как упруго перекачиваются мышцы. Ладно, ребята, игра еще не кончилась. Пустым я все равно не уеду, хреново вы меня знаете!

Когда под окнами остановился светлый "жигуленок"-шестерка, Инга торопливо шепнула ему:

- Фарида - своеобразный человек, временами бывает вредной. Воспринимай ее спокойно.

- Хорошо, буду иметь в виду. Не забыла про свое обещание?

- Не забыла. Но если ты опять будешь так крепко спать...

- Ты приходила?

- Не помню... Может быть.

В дверь позвонили. Инга пошла открывать. Амелин чувствовал себя легко и хорошо. Как ни разу не чувствовал себя в этом городе. Должно же ему в конце концов повезти?

В этот день ему действительно везло. Фарида, выслушав Сергея, пожала плечами и набрала номер междугородней станции. Через час ее соединили с каким-то поселком. Она заговорила на своем языке, но общий смысл Амелин уловил по интонации. Фарида просила что-то передать Довлатову.

Она положила трубку, а еще через двадцать минут в комнате раздался прерывистый звонок междугородного вызова. Фарида снова о чем-то заговорила, потом кивнула головой и посмотрела на часы.

- Хорошо... Конечно, мы успеем. До встречи, Амир.

Последнюю фразу она произнесла по-русски. Сергей сделал невольное движение рукой. Не надо никаких имен! Попытки связаться с Довлатовым уже дважды заканчивались трупами. Но Фарида истолковала его жест по-своему.

- Амир бы не стал разговаривать с вами по телефону. Можете не волноваться, через два часа вы его увидите.

- Хорошо, - Амелин уже перестал чему-либо удивляться.

Фарида уверенно вела "шестерку", обгоняя машины одну за другой. Рядом с ней сидела Инга, Амелин - на заднем сидении. На посту, при выезде из города, она притормозила. Полицейский с автоматом под мышкой махнул жезлом, давая разрешение на проезд. Минут через сорок они свернули с трассы на проселочную дорогу - неглубокую колею, выбитую в иссушенной солнцем земле.

Грязно-серые солончаковые поля, покрытые редкой травой, сменялись участками полынной степи. Ветер приносил горьковатый знакомый запах, такая же полынная степь окружала Рыбачий, маленький поселок на Каспии, где родился Амелин. Но в здешних краях степь другая. Раскаленное южное солнце выжигает почти всю растительность, оставляя редкие островки травы в низинах, там, где сохраняется глубоко в земле хоть немного влаги. Пустыня наступала с юга бесконечными волнами барханов, растрескавшимися проплешинами солончаков, мелкими корявыми рошицами саксаула.

Дорога пошла на подъем. Известняковые скалы зубьями торчали из земли, постепенно образуя небольшой горный массив. Это был один из отрогов Джиргальского хребта, пересекающего пустыню с севера на юг - далекое начало Памира. У подножия скал, причудливо изгибаясь, текла обмелевшая за осень мутная речушка.

Возле каменного моста машину остановили двое парней в стеганых халатах с автоматами Калашникова. Фариду они знали. Обменявшись несколькими фразами, которые, видимо, касались Сергея, они пропустили машину. В кустах ивняка Сергей разглядел замаскированный окоп и торчавший оттуда ствол крупнокалиберного пулемета ДШК.

Они въехали в поселок. На окраине, вкопанный по башню в землю, стоял танк Т-72 с облупившейся краской. Пушка была развернута в сторону дороги.

Фарида остановила машину у большого одноэтажного дома, окруженного высоким дувалом. Охранник, в песочном с бурыми разводами камуфляжном костюме, с автоматом АК-74 последней модели, спросил Сергея:

- Оружие есть?
- Нет.

Он внимательно оглядел Амелина с ног до головы и показал Фариде на вход.

- Полковник Довлатов ждет вас...

Они вошли втроем. Амир Довлатов, небольшого роста, с

худощавым смуглым лицом и коротко подстриженной бородкой, поднялся им навстречу.

- Здравствуй, Фарида!

- Это мои друзья, Инга и Сергей.

- Здравствуйте, - он поклонился Инге и пожал руку Сергею.

- Сергей приехал издалека, - продолжала Фарида. - У него срочное дело. Он смелый человек и рисковал, чтобы попасть к тебе. Вчера в городе убили его друга.

- Мы побеседуем с ним. Давайте сначала перекусим с дороги.

- Нет-нет, - замотала головой Фарида. - Мы знаем друг друга давно, к чему церемонии! Говорите о деле, а мы подождем в другой комнате.

- Хорошо, пусть будет так, - согласился полковник.

Разговор с Довлатовым шел второй час. Он расспрашивал о том, что происходит в России, сравнивал это с тем, что пишут в местных газетах.

- Скажу прямо, Чечня отшатнула от вас многих сторонников здесь, в нашей республике. У Тан-Булака появился лишний козырь и против вас, и против меня.

Довлатов пробежал список, который когда-то обговаривался с покойным Джемалем.

- Как насчет самонаводящихся ракет "земля-воздух"?

- Абсолютно исключено, - покачал головой Сергей. - Есть решение: никому не передавать этот вид оружия, он слишком опасен для гражданских авиалиний. Мы договорились с Джемалем-Ходжи, что заменим ракеты медикаментами.

- Я знаю, он успел мне позвонить перед смертью. Бедный Джемаль, он был достойным человеком... Ну что ж, из уважения к погибшему мы не станем торговаться. Вы получите своих летчиков, хотя мне будет нелегко убедить некоторых командиров. Кто вы по званию?

- Майор.

- Я ожидал более представительной делегации.

- Полковника вчера застрелили. Остался один майор.

- Мне жаль. Мы к этому убийству не имеем никакого отношения. Есть люди, которым не нравится... - он сделал паузу. - Многие не нравятся. Ими был убит и Джемаль-Ходжи, мой хороший друг.

Довлатов говорил не спеша, тщательно выговаривая слова.

В его неторопливых правильных русских фразах лишь слегка улавливался местный акцент. Довлатов закончил военное училище в Новосибирске и более десяти лет служил в разных воинских частях в России. С Сергеем он беседовал вполне дружелюбно, иногда позволял себе шутить. Но можно ли верить ему?

Год назад на афганской границе при нападении на российскую пограничную заставу был убит младший брат Довлатова.

Лидер непримиримых, Тан-Булак, постоянно напоминает об этом Амиру. Твой брат погиб от русской пули!

- Как чувствуют себя летчики? - спросил Амелин.

- Оба живы и здоровы.

- Я могу их увидеть?

- Лишние сложности, - подумав, ответил Довлатов. - Я не хочу показывать вам место, где они содержатся. Можете поверить, что они действительно живы и через три-четыре дня будут с вами.

- Я вам верю, но поверят ли те, кто меня послал?

- У них нет другого выхода, - жестко проговорил Довлатов.

На обратном пути, когда спустились с Джергальского хребта на равнину, Фарида спросила Сергея.

- Встреча была успешной?

- Мы договорились с Довлатовым об условиях обмена заложников.

- У Амира твердое слово. Он никогда его не нарушит. Видимо, на подготовку уйдет несколько дней?

- Да. Мне нужно будет уточнить некоторые детали со своим начальством.

- Вы собираетесь жить в городе?

- Пока да, - не понимая, к чему клонит Фарида, ответил Сергей.

- Вам не следует оставаться у Инги. Я думаю...

- Фарида, это мое дело! - перебила ее Инга.

- Не только твое, - с раздражением отозвалась Фарида. - Ты хочешь, чтобы в твою квартиру ворвались неизвестные люди и устроили бойню вроде вчерашней? Я ездила в крепость и видела место убийства. Четыре трупа и огромные лужи крови. Ты этого хочешь?

- Вы правы, - сказал Сергей. - Я найду, где переночевать.

- Где? Пойдете на улицу и начнете стучать во все дома

подряд? Как я понимаю, вам надо сидеть в надежном месте и поменьше высовываться на улицу. Послушай, Инга, давай съездим к Камалу?

- Давай. Если у него никого нет, лучшего варианта и не придумать. Сергей, ты сам посмотришь. Это закрытый ботанический сад, рядом с музеем-дворцом. Людей там в это время не бывает.

- А главное, - ехидно добавила Фарида, - очень удобное место для вас обоих. Сад недалеко от дома Инги, можете видаться по два раза в день...

Камал оказался высоким костлявым стариком с редкой седой бородой и крепкими жилистыми руками. Он открыл ворота и пропустил машину. Сад занимал площадь около десяти гектаров и был огорожен высокой металлической решеткой. За воротами стоял небольшой вагончик.

Инга и Фарида о чем-то переговорили со стариком. Тот согласно кивал. Инга позвала Сергея.

- Все в порядке. В глубине сада есть еще один вагончик. Летом там живут студенты, иногда сезонные рабочие. Сейчас он пустует. Оставайся здесь, через час мы привезем твои вещи и кое-что из еды на первое время.

Провожая женщин до машины, Сергей шепнул Инге:

- У меня в сумке пистолет. Лежит внизу под одеждой. Я могу прийти вечером за вещами сам.

- Не надо. Мы все привезем. Нас в городе никто останавливать не будет.

- Возьми денег, - Сергей вытащил пачку дирхемов и сунул в карман ее плаща. - Купи побольше еды, две-три бутылки водки для старика и сигарет, если он курит.

- Он курит трубку.

- Тогда возьми табака.

Камал не спеша закрыл ворота на огромный висячий замок. Рядом с вагончиком стояли два дощатых сарая и небольшой кирпичный дом.

- Лаборатория. Летом в ней иногда работают, - сказал старик. - Но редко. Ученым людям не платят денег.

Было видно, что здешнее хозяйство находится в запустении. Глубокая трещина от фундамента до крыши змеилась по стене лаборатории, одно из окон было забито фанерой. Асфальтированная площадка и аллея, уходящая в глубину сада, тоже давно не ремонтировались и покрылись многочисленными трещинами.

Амелин и Камал шли в глубину заросшего сада. Кое-где подлесок и кустарник пытались вырубить, но молодые побеги упорно пробивались сквозь многолетний слой листвы.

- Когда-то считался лучшим садом в республике. Двести с лишним видов растений, - Камал показывал клюкой на окружающие их деревья и кусты. - Даже северные деревья приживались. Вон тянь-шаньская ель, береза мраморная... Ну а теперь кому это все нужно?!

Обогнув широко разросшийся сиреневый куст, они подошли к вагончику, покрашенному в зеленый цвет.

- Жить будешь в правой половине, - сказал старик. - Здесь есть печка. Только помыть полы надо, в вагончике месяца три никто не жил.

Он с трудом открыл замок и пропустил Амелина в комнату, где стояли три кровати, стол и небольшой шкаф. В центре была установлена железная печка с закопченной, залатанной в нескольких местах трубой.

- Электричество даже имеется, - он пощелкал выключателем, осветив обметанные паутиной углы. - Устраивайся поудобнее. Жить можно, природа вон какая вокруг.

- Люди здесь бывают?

- Очень редко.

- Вас зовут Камал?

- Да.

- А отчество?

- Какое отчество может быть у бродяги? Камал и все! Я сейчас тебе помогу помыть пол и растопить печку.

- Не надо, - покачал головой Амелин. - Я все сделаю сам. Покажите, где набрать воды.

Часа через два приехала Инга. Сергей уже успел помыть пол, смахнуть паутину из закопченных углов. На стол постелил чистую газету, найденную в шкафу.

Инга выгружала из сумки свертки и пакеты.

- Здесь сыр, консервы, макароны. Кофе и сахар я тоже принесла. Ты готовить умеешь?

- Конечно.

Он посадил женщину рядом с собой на узкую койку, застеленную солдатским одеялом. Инга ответила на поцелуй, обняв его за плечи. Сергей осторожно расстегнул плащ, повесил его на спинку кровати.

- Меня ждет Фарид, - слабо запротестовала она.

- Но ведь ты должна навести в домике порядок.

- Должна... Но ведь здесь нет даже простыни.
- Камал принес две штуки.
- Я смотрю, ты не терял зря времени. Отвернись, я разде- нусь сама.

Инга, извиваясь, отдавалась ему на узкой койке, скрипев- шей всеми своими пружинами от движения их тел.

- Сережа, милый, я тебя очень хочу...

Она произносила еще какие-то быстрые бессвязные слова, потом, застонав, вцепилась ногтями ему в спину...

Инга торопливо одевалась, стоя у окна.

- Фарида сейчас закатит скандал.

- Она тебя ревнует.

- Просто она любит меня и хочет найти подходящего мужа.

А тут ты свалился, женатый! - она обняла Сергея и поцелова- ла в щеку. - Старику можно полностью доверять. Фарида подобрала его в прошлом году вместе с трехлетней внучкой. У девочки было воспаление легких, да и сам Камал доходил от голода. Он беженец, на границе погибла вся его семья, а беженцы никому не нужны.

- А где сейчас его внучка?

- Мы устроили ее в приют.

- Инга, здесь есть телефон?

- Нет. Приходи звонить ко мне.

- Ты будешь завтра дома от девяти до одиннадцати?

- Мне на работу к десяти. Но я задержусь. Да, чуть не забыла, пистолет внизу в твоей сумке. Вот посмотри сегод- няшнюю газету. Там заметка про смерть твоего друга.

Когда Инга ушла, Амелин развернул небольшой выпуск "Вечернего Чемкара". Это было приложение к местной газете на русском языке. Заметка называлась "Кровавые разборки". На плохо отпечатанной фотографии Сергей увидел два трупа рядом с автомашиной. Петренко лежал лицом вниз, Амелин узнал его по одежде. Под фотографией был следующий текст:

"Вчера, около одиннадцати часов утра, на территории стар- ой ханской крепости нарядом полиции были обнаружены четыре трупа мужчин с многочисленными огнестрельными ранениями.

Личности двоих убитых установить удалось сразу. Один из них - местный житель Эльшан Агаев, ранее трижды судимый за торговлю наркотиками, хранение оружия и побег из-под стражи. Второй жертвой стал приезжий бизнесмен из России, директор частной фирмы, Иван Викторович Петренко.

Личности двух других убитых устанавливаются. Никаких документов при них не оказалось, но некоторые данные свидетельствуют о том, что оба они систематически употребляли наркотики, нигде не работали и приехали в Чемкар из другого района.

Заместитель начальника полиции, выезжавший на место происшествия во главе бригады, от комментариев воздержался. Он лишь высказал свое мнение, что у приезжего русского были какие-то общие дела с Эльшаном Агаевым, возможно, связанные с покупкой наркотиков. Характерно, что другой сотрудник фирмы "Элис", приехавший в Чемкар вместе с Петренко, вчера срочно покинул отель "Звезда Востока" и выехал из города. По некоторым сведениям, он направился в сторону границы и, возможно, уже покинул республику.

В заключение можно добавить, что на месте происшествия обнаружен целый арсенал оружия: автомат, два пистолета, обрез охотничьего самозарядного ружья и множество стреляных гильз.

Остается гадать, что стало причиной кровавой разборки. Надеемся, что полиция во всем разберется. Но очевидно одно, что дело связано с наркотиками. А в этой сфере отношения нередко выясняются с помощью оружия".

Сергей аккуратно сложил газету и спрятал ее в сумку. Ну что же, пусть будет версия о наркотиках. Хотя, конечно, тот, кто организовал покушение на Петренко, отлично знал причины их пребывания в Чемкаре.

Ужинал Сергей вместе с Камалом. Старик принес медный казан с пловом и несколько свежих помидоров.

- Сам выращивал, - сказал он.

Когда выпили по две стопки, Камал закурил короткую деревянную трубку. За весь вечер он не задал ни одного вопроса Амелину.

- Пропадает сад, - Камал выпустил струйку дыма. - Власти даже за электричество платить перестали. В любой день свет могут отключить. Я уже бутылку керосина запас.

- Зарплату платят?

- Какая это зарплата! Триста тысяч дирхемов. Только-только на чай и на хлеб хватает, да и то третий месяц не платят. Спасибо Фариде и покойному Джемаль-Ходжи. И на работу пристроили, и жилье есть, и деньгами постоянная помощь... Джемаль-Ходжи, покойник, перед самой своей смертью одежду новую подарил.

Камал сидел на войлочной кошме, повернувшись спиной к горячей печке. Под потолком горела лампочка, оба окна вагончика были плотно зашторены.

- Ты не беспокойся, если кто к воротам подойдет, собаки сразу лай поднимут. У меня хорошая овчарка, Баян, чужого за двести шагов чует. - С минуту или две он молчал, выпуская дым, потом задумчиво проговорил: - Когда-то у меня все было. Дом, жена, три дочери, сын, пятеро внуков... сестры были. А теперь как перекати-поле. Гляжу по сторонам и думаю: люди, неужели вы сошли с ума? Наш президент улыбаётся сладко, как спелая дыня, будто не знает, что на границе вырезают целые кишлаки. Налей, Сергей, еще водки, если не жалко, мы выпьем за души умерших.

Сергей разлил остатки водки и подал старику стакан.

- Считалось, что наш кишлак поддерживает Тан-Булака. А на кой шайтан он нам сдался? Мы жили сами по себе, пасли овец, женщины рожали детей. Но не для того, чтобы в семнадцать сунуть в руки автомат и послать стрелять в солдат! Да и солдаты такие же крестьяне, как и мы. Тан-Булак и другие князья хотят власти и воюют руками наших детей. Сначала побеждали наши. Мальчишки и мужчины обзавелись новыми автоматами, куртками, ботинками, снятыми с убитых. Зять принес много наручных часов, стал мне дарить, а я ему сказал: "Брось их, сынок, то, что награблено, не принесет счастья". Может, так написано в Коране, а может, нет, но я точно это знаю. Сергей, у тебя есть семья, дети?

- Есть.

- Они далеко отсюда?

- Далеко.

- Фарида и Инга попросили тебя спрятать. Они сказали, ты хороший человек, и я им верю. Но ты тоже воюешь. Этот шрам на лице... Есть, наверное, и другие раны?

- Есть, Камал.

- Ты солдат, хотя и носишь гражданскую одежду. Я вижу это в твоих глазах. Чем ты занимаешься, не мое дело. Я буду молчать.

На следующий день Амелин с трудом дозвонился от Инги по условленному коду.

- Сосед тяжело заболел, - кричал он сквозь треск и помехи старой телефонной линии, соединявшей Чемкар и Россию. Этим примитивным кодом была обозначена смерть Ивана Викторovichа Петренко.

- Я отправлю его домой в ближайшие дни.

На другом конце провода переваривали неожиданную новость.

- Сосед тяжело заболел, - повторил Сергей, - но я остаюсь здесь. Вчера встретился с нужным человеком, он согласился на торговую операцию.

- Ты сам видел товар? - допытывались на другом конце провода.

- Да, видел, - соврал Амелин, не желая еще больше усложнять ситуацию. - Покупаем по первому варианту. Не забудьте про медикаменты.

- Считаешь, что гарантии есть?

- Считаю, что есть.

- Хорошо. Завтра позвони снова. Согласуем время отправки груза. Ты можешь его встретить?

- Конечно.

Боясь загадывать, Амелин все же надеялся, что его трехнедельное пребывание в Чемкаре близится к концу, и обмен наконец состоится. Но в последующие дни произошли события, которые полностью изменили ситуацию.

ГЛАВА 4

Массивный, песочного цвета джип Амира Довлатова шел с большой скоростью, поднимая за собой полосу бурой глинистой пыли. Амир не слишком задумывался о соблюдении собственной безопасности. Но после его заявления о намерении баллотироваться в президенты вопросом охраны вплотную занялись люди из ближайшего окружения Довлатова.

Теперь в поездках его сопровождал УАЗ с четырьмя охранниками, а купленный недавно джип был частично бронирован. Кроме водителя, вместе с Довлатовым сидел его помощник по военным вопросам (будущий министр обороны) Мамажанов. УАЗ двигался в ста пятидесяти метрах впереди.

Довлатов не любил разговоров в дороге, предпочитая молча обдумывать свои мысли. Остальные тоже молчали, не мешая ему.

Перевалили через деревянный мост. Под тяжестью массивных автомашин доски прогибались и скрипели. Внизу, под дубовыми опорами, матово поблескивала мутная вода. От полноводной мутной речки, напитанной горным ледником,

почти ничего не осталось. Темные лужи да комья высохшего ила.

Пока джип, сбавив скорость, перебирался через мост, машина охраны стояла на береговой круче. Начальник личной охраны Рустам, по-гусиному вытягивая шею, внимательно разглядывал окрестности в бинокль. Его ладную широкоплечую фигуру перехлестывали ремни португалии. Камуфляжный берет был лихо сдвинут набок.

Рустам успел закончить три курса военного училища и был отчислен за политическую неблагонадежность, а точнее, за принадлежность к одному из враждебных президенту и правительству родовых кланов. Таких людей старались отодвигать подальше от военных и административных должностей. По этой причине многие из них примыкали к оппозиции.

Рустам мечтал об офицерских звездочках, и Довлатов как-то в шутку пообещал повесить по четыре на каждый погон: "Будешь сразу капитаном! Считаю, что лейтенантский срок ты уже прошел за эти два года, что мы вместе".

Машины въехали в небольшой кишлак, где их сразу обступили люди. Рустам, встав на подножку, пытался организовать нечто вроде охранного кольца. На него не обращали внимания, а Довлатов добродушно посоветовал:

- Отдохни, Рустам, не суетись. Здесь друзья.

- Друзья, - подтвердил один из местных старейшин. - Гости охраняет каждый мужчина, тем более такого дорогого, как Амир-Ходжи!

Мамажанова утомляли эти бесконечные встречи в кишлаках и маленьких городках, где речь шла об одном и том же. Что будет с землей, почему такие высокие налоги, откроют ли снова бесплатные больницы, когда выплатят зарплату тем, кто еще числится в колхозах? Часть колхозной земли и техники уже разделили, но все уплыло неведь куда, а крестьянам фактически ничего не досталось.

Но главным вопросом оставалась война. В газетах ее называли обтекаемо и осторожно - "противостояние сепаратистов". Но от этого легче не становилось. Основная масса солдат призывалась из забытых всеми кишлаков, а сюда не возвращались даже трупы. Экономя на транспортных расходах, их хоронили там, далеко на юге, где шли бои, и было непонятно, почему ничего не делается, чтобы наконец прекратить войну.

Довлатов, в своей полувоенной робе с танкистскими эмб-

лемами на рукаве, говорил неторопливо, делая частые паузы. Его слушали внимательно. Он был для них близким человеком, вышел в люди из такого же нищего, затерянного в пустыне кишлака.

Мамажанов, наиболее искушенный в политике (когда-то дошел до заместителя военного министра республики, но был сброшен и примкнул к Довлатову), замечал в речи своего шефа слабые места и неточности. Но не мог не признать, что в целом Довлатов верно оценивает обстановку, не питая излишних иллюзий и не выдавая желаемое за действительное.

Через неделю должна была состояться очередная встреча Довлатова с представителями Офицерского союза. Армейцы раздумывали, выставлять ли своего кандидата в президенты или отдать голоса Довлатову. По информации, имеющейся у Мамажанова, дело склонялось к второму варианту. В числе условий, выдвигаемых Офицерским союзом, было освобождение отрядами Довлатова всех пленных и прекращение военных действий против правительственных войск.

Довлатов был готов принять эти условия, хотя выполнить их было довольно сложно. Слишком разномастным был состав полевых командиров. Часть из них Довлатов уже заменил, но такие, как Абазов, имели за плечами мощную поддержку непримиримо настроенного крыла оппозиции.

Из кишлака выехали уже за полдень. Старейшины угостили группу хорошим обедом. Мамажанов дремал под мерный шум двигателя. Довлатов рассеянно смотрел в окно. Из приоткрытой треугольной форточки врывался холодный, настоящий на запахе полыни ветер. Песчаная дымка поднималась над руслом высохшей реки.

Начальник охраны Рустам остановил УАЗ, одновременно сделал знак водителю джипа остановиться. Навстречу, со стороны Чемкара, двигался грузовик ЗиЛ-130 с наращенными дощатыми бортами. В таких грузовиках обычно перевозят зерно и домашний скот. Рустам, опоясанный блестящей португеей, стоял во весь рост, подняв правую руку. Рядом - у тяжелого, на треноге пулемета НСВ-12,7 - застыли двое охранников, металлическая лента была заправлена в приемник. Водитель грузовика затормозил, не доезжая полусотни метров до УАЗа.

- Иди проверь, что за люди, - негромко приказал Рустам.

Второй номер пулемета, небольшой, крепкий и округлый, как медвежонок, подхватил автомат и перескочил через борт

вездехода. Из кабины ЗИЛа спрыгнул парень в клетчатой рубашке и расстегнутом кожаном плаще. Улыбнувшись, он помахал Рустаму, как старому знакомому. Двигатель грузовика продолжал молотить на холостом ходу, иногда срываясь на повышенные обороты.

Третий человек, сидевший рядом с водителем ЗИЛа, передвинулся к окну. Рыжебородый, в рабочей брезентовой куртке, он спокойно разглядывал УАЗ и ствол пулемета, направленный прямо на него. Дверца кабины грузовика была приоткрыта.

Рустам, начальник охраны кандидата в президенты, был молод и не успел получить на погоны ни одной звездочки. Но годы, проведенные с Амиром Довлатовым, кое-чему его научили. Он вдруг понял, что встреченный в степи грузовик - не случайная машина. Длинный расстегнутый плащ на улыбающемся парне... Под ним удобно прятать оружие. Почему так спокоен рыжебородый? У него тоже выгодная позиция. Толкни локтем дверцу и бей с подножки, прикрытый массивным радиатором, или скатывайся под колеса, где тоже укрытие и есть возможность выпустить автоматный магазин, прежде чем тебя поймают в прицел.

- Возьми мой автомат, - шепнул Рустам охраннику, застывшему у пулемета. - Держи на мушке этого, в плаще. Кабина - моя!

Прижав к плечу рамочный пулеметный приклад и держа на прицеле кабину, он крикнул:

- Всем выйти из машины! Руки за голову!

И сразу же, приседая, выдернул из-под плаща автомат парень в клетчатой рубашке. Он был в десяти шагах от посланного Рустамом охранника и шагах в двадцати от УАЗа. Не раз отработывая свою будущую лихую стрельбу с колена, он действовал быстро, и автомат его с удлиненным на сорок пять зарядов магазином был заранее снят с предохранителя. Он в одиночку был готов расстрелять, изрешетить всех четверых охранников.

Несколько автоматов ударили одновременно. Стрелял круглый, похожий на медвежонка охранник, парень в расстегнутом плаще и второй охранник рядом с Рустамом. И секундой позже тяжело замолотил крупнокалиберный пулемет.

Первым был убит парень в плаще. В него попало не меньше десятка пуль. Киношного, стремительного уничтожения предателей, прихвостней Амира Довлатова, изменника веры

и своего народа, не получилось. С обеих сторон, крича от боли и страха, умирали люди.

Тяжелые полудюймовые пули, выпущенные Рустамом из НСВ-12,7, разможили голову водителю грузовика. Тело, выгибаясь, сползло на пол, оторванная кисть продолжала сжимать баранку.

Лихорадочно отталкиваясь локтями, пытался уползти с дороги маленький охранник. Из-под перебитых, неестественно вывернутых ног расплывалась огромная лужа крови.

Двое гранатометчиков высунулись из-за кабины грузовика. Рустам, продолжая давить на спусковой крючок, повел стволом слева направо. Тяжелые пули, разрывая кабинные стойки, кроша остатки стекла, с легкостью прошли наращенный, подбитый листовым железом передний борт и смахнули обоих гранатометчиков.

Один из них успел выстрелить. Противопехотная граната с воем пронеслась над головой Рустама, обдала волосы жаром и огненным клубком взорвалась на обочине дороги.

Водитель УАЗа был убит. Охранник, сидевший рядом с Рустамом, пытался вставить в автомат новый магазин. Из прострелянного плеча толчками выбивало кровь.

- Беги к джипу! - крикнул Рустам. - Быстрее!

Двадцатилетний охранник вел себя молодцом, но сейчас от него толку не было, ему требовалась срочная перевязка.

- Скажи Амир-Ходже, пусть немедленно уезжает!

- Я с тобой...

Охранник наконец вставил новый магазин, а из-за колеса ЗИЛа выскочил рыжебородый и исчез за глинистым бугром. Пулемет запоздало ударил ему вслед длинной очередь и замолк. Пустая металлическая лента змеей сползала на сиденье. Рустам легко перебросил через борт свое поджарое мускулистое тело.

- Бей по грузовику! - крикнул он раненому охраннику. - Там могут быть еще люди.

С момента первых выстрелов прошло не более трех-четырех минут. Развернув машину в обратную сторону, водитель джипа держал ногу на сцеплении, готовый в любую секунду включить скорость. Полковник Довлатов не был трусом, но сейчас он не торопился вмешиваться в перестрелку, понимая всю бесцельность такого вмешательства. Если с нападающими не справятся четверо хорошо вооруженных людей, то от них троих тем более не будет толку.

И все же он чувствовал себя больше военным, чем политическим деятелем и кандидатом в президенты. Самолюбие офицера мешало ему дать команду немедленно уезжать отсюда, что было бы самым разумным. Мамажанов уже вызвал по радиации ближайший пост, и на помощь охране ехали люди.

Они стояли возле машины: Довлатов с автоматом шофера, Мамажанов с пистолетом ПМ. Их защищал бугор. Пули с визгом пронеслись высоко над головой, потом взорвалась граната. Куски сухой глины посыпались на дорогу. Шальной осколок фырча пошел набирать высоту, а спустя несколько секунд шлепнулся у ног Мамажанова. Помощник по военным вопросам сделал шаг назад, было видно, как побледнело его полное румяное лицо.

Он хотел крикнуть, что надо немедленно уезжать. Это охотятся за ними, и промедление будет стоить им жизни. Но боясь показаться трусом, продолжал молча стоять рядом с Довлатовым, сжимая в руке пистолет.

Дальнейшее произошло в течение нескольких секунд. Рыжебородый в брезентовой куртке внезапно появился из-за бугра. Он был совсем близко. Мамажанов разглядел его напряженное лицо и широкие, сросшиеся на переносице брови. Он тяжело дышал, и автомат с подствольным гранатометом ходил в руках ходуном.

Шофер вскрикнул. Мамажанов сделал шаг назад, прячась за машину. Довлатов, подняв автомат, дважды выстрелил. Рыжебородый качнулся, но, выровняв прицел, нажал на спуск гранатомета. Прибежавший сзади начальник охраны Рустам выпустил в него длинную очередь. И в ту же секунду взорвалась граната.

Рустам сбежал вниз на дорогу. Навстречу ему поднялся Мамажанов в порванной, залитой кровью камуфляжной куртке. Левую руку он держал на весу. Два пальца были оторваны, по ладони стекала кровь.

- Они меня убили...

Не обращая на него внимания, Рустам наклонился над телом человека, которого поклялся защищать ценой своей жизни. Бывший полковник Амир Довлатов был мертв. Граната, разворотив капот джипа, изрешетила его и водителя десятками осколков.

Минуту или две Рустам рассматривал тело своего командира. Поднявшись, зашагал к убитому им рыжебородому террористу.

- Гяур! Сын свиньи и шакала! Кто тебя послал?!

Он яростно пинал мертвое тело, безвольно колыхающееся под его ударами. Этого показалось ему мало. Рустам зарядил гранатомет и, отступив на несколько шагов, выстрелил рыжебородому в голову.

Убийство Амира Довлатова резко изменило положение на севере республики. Уже через несколько дней на съезде полевых командиров было принято несколько постановлений, в одном из которых выражалось недоверие правительству и осуждались противозаконные действия.

Многие считали, что убийство Довлатова санкционировано властями, а решение принято не без ведома президента. Слишком серьезным противником на предстоящих выборах был Амир Довлатов.

Лидер вооруженной оппозиции, непримиримый Тан-Булак, обрушился с гневной речью на президента и правительство, одновременно призывая к борьбе против неверных. Однако не меньшее число людей в республике считали, что к убийству Довлатова приложил руку и Тан-Булак. Было хорошо известно, что лидер оппозиции любви к покойному никогда не испытывал и смерть Довлатова была для него выгодна. Можно снова начинать объединять силы оппозиции для последнего удара - второго вождя уровня Довлатова на ближайшее время не предвиделось.

Для Амелина, Решеткова и Лагутина последствия смерти Довлатова оказались самыми неожиданными. В назначенном месте Вахид Абазов встретил КамАЗы с оружием, боеприпасами и медикаментами, перегрузил ящики на свои машины и приказал водителям КамАЗов разворачиваться.

Было тихое морозное утро. На песчаных барханах лежал толстый слой инея. Высоко в небе неровным клином уходил на юг косяк гусей.

Вахид Абазов, скуластый, с тяжелыми плечами борца, махнул рукой в сторону границы.

- Убирайтесь! Через полчаса вас не будет в живых!

Одетый в иранский зимний камуфляж, шипованные горные ботинки, он стоял перед Амелиным, покачиваясь с носков на пятки. Автомат последней модели, с темным блестящим прикладом, висел стволом вниз, на поясе в открытой кобуре торчала массивная рукоятка австрийского пистолета "Глок". Стоявший рядом с ним боевик держал на плече снайперскую винтовку с глушителем.

- Отпусти ребят, Вахид, - глухо попросил Амелин, - мы свои условия выполнили.

- Ни звука, ни пламени, - открыл сощуренный левый глаз Абазов, показывая пальцем на винтовку. - На пятьдесят шагов прямо в лоб!

- Ты такой же солдат, как и они!

- Я солдат! Солдат! А они - оккупанты!

- Ты знаешь, что это не так. Они охраняли границу по просьбе вашего президента.

- Они убили двоих моих людей, - упрямо проговорил Вахид. - И кроме того, вы не выполнили всех условий. Где "стингеры", "стрелы", "красные глазки"? Разговор с самого начала шел о них. Плюс триста тысяч долларов для вдов погибших.

Вместе с Абазовым было не меньше полусотни боевиков. Ему ничего не мешало дать своим людям команду перестрелять водителей, сопровождающих и угнать КамАЗы на свои дальние точки.

- Они живы? - спросил Амелин.

Хотя вряд ли был какой смысл в этом вопросе. Если летчиков убили, Абазов все равно не скажет правды.

- Живы, - ответил Вахид.

- Возьми вместо ракет что-то другое. Автоматы, деньги...

- У меня нет времени торговаться.

- Как мне тебя найти?

- Очень легко, - Абазов широко заулыбался. - Выйди в Чемкаре на базар и громко крикни: "Вахид, я принес тебе долг!" И меня тут же найдут.

Окружавшие Абазова боевики дружно засмеялись.

- Командир скажет!

- Он за словом в карман не полезет!

- Русский тупой, как баран с обрезанными яйцами!

- Они все такие!

- Ха-ха-ха, вот баран!

Закусив губу, Амелин смотрел на них. Деревенские парни, бывшие пастухи, вряд ли кто старше двадцати пяти... Они отвыкли работать и живут разбоем. Некоторые только начинают. Дранные халаты, войлочные сапоги, старое оружие. Сегодня у всех будут автоматы. Этого добра Амелин привез для них достаточно.

Старший колонны, командир взвода спецназа Саня Кошелев, стоял рядом с ним. Продолжать разговор не имело смысла.

- Саня, садись во второй КамАЗ, я - в первый.

Вслед грузовикам дробно застучали автоматные очереди. Трассирующие пули, веером взмывая вверх, гасли в сумеречном осеннем небе.

- Могли и хлопнуть, - сказал водитель, закуривая вторую подряд сигарету, когда отъехали километра полтора.

- Могли бы, - согласился Сергей.

Он чувствовал, как от напряжения дрожат колени. От Абазова можно было ожидать чего угодно. Ну ничего, сволоочь, я ваш клубок все равно размотаю! Ты мог меня пристрелить и заставил трястись от пережитого напряжения. Но бросить ребят ты меня не заставишь!

Дорога шла мимо Чемкара. На окраине города Амелин попросил водителя остановиться.

Вместе с Кошелевым он спрыгнул на дорогу. Уже стемнело. Слабо светились кабины грузовиков, двигатели мерно стучали на холостом ходу.

- Насаждали нас, - с горечью проговорил Кошелев. - Как щенков!

- Этого можно было ожидать, - равнодушно отозвался Амелин, - но другого выхода не было. В общем, передай начальству, остается второй вариант. За эти дни я постараюсь узнать точнее, где держат летчиков, тогда будет видно, что нам планировать дальше.

- А может, поедем вместе? - предложил Кошелев. - Доложишь ситуацию начальству, отоспишься денек-другой.

- Нет. Назад в республику меня через границу не пустят. Да и у нас в конторе начнутся всякие согласования, одобрить или не одобрить! И самое главное - мы не знаем, где сейчас летчики. Лучше я останусь здесь. На связь выйду через двое суток.

С неба сыпала сухая мелкая крупа. Из кабины КамАЗа вылетел окурок и, роняя искры, покатился по асфальту. Амелин достал из кармана свернутый вдвое конверт.

- Передашь письмо жене. И не накручивай ничего. Я здесь на отдыхе с дипломатической миссией.

- Ладно.

- Зарплату мою за октябрь она получила?

- Кажется, получила.

- Ты проследи, чтобы ноябрьскую вовремя дали. Я так чувствую, что мне тут еще долго коковать. Ну пока, Саня!

- Пока; Сергей!

Амелин надвинул поглубже шапку и пошел в сторону города.

ГЛАВА 5

После гибели Довлатова последовало несколько вооруженных стычек между полевыми командирами. Нового вождя, способного принять на себя руководство теми силами, которые объединил Амир, не нашлось. Отряды попытался возглавить заместитель Довлатова Мамажанов, однако подчиниться ему согласилась лишь небольшая часть командиров.

Очередную группу своих представителей прислал с юга лидер непримиримой оппозиции Тан-Булак. Его людей встречали радушно. Многие командиры, удерживаемые от военных действий и грабежа крепкой рукой покойного Довлатова, теперь рвались в бой. Как водится, начали с неверных.

В пустыне разгромили нефтебазу совместной компании "Интеройл", где работали по контракту в основном русские и украинские специалисты. Три человека, пытавшиеся оказать сопротивление, были убиты. Больше десятка увезли в неизвестном направлении в качестве заложников. Нападавшим досталась богатая добыча: грузовики-вездеходы, нефтяное оборудование, большой запас зимней одежды и продуктов. Аппетит разгорался. Пошли нападения на дорогах, где также предпочитали грабить транзитников из соседних республик.

Губернатор провинции сделал попытку навести порядок. Войск и полиции не хватало. Направленный в пустыню мотострелковый батальон колесил между кишлаками и проверял документы. Боевики отсиделись по домам, и вскоре, израсходовав бензин, батальон вернулся в Чемкар.

Вахид Абазов, спешивший занять место убитого Довлатова, вел с представителями Тан-Булака переговоры и соглашался в обмен на поддержку проводить на севере страны его политику, направленную против официальных властей и против русских.

Дремавшая последние годы большая северная провинция становилась новой горячей точкой на карте республики.

За дни, прошедшие после неудачной попытки выкупа заложников, Амелин дважды встретился с чиновником из канцелярии губернатора. На контакты тот шел неохотно. Тело

Петренко с его помощью было отправлено в Россию, но оказывать какую-то помощь в поисках пленных летчиков он наотрез отказался.

- Могу подарить вам бесплатный билет на самолет до Москвы, - раздраженно отрезал чиновник. - Свои обязательства перед вами я выполнил. Больше меня не беспокойте! Обращайтесь по официальным каналам к президенту.

И все же поиски следов Решеткова и Лагутина наконец-то дали кое-какие результаты. Помогла Фарида. Однажды за Сергеем пришла Инга.

- У Фарида есть для тебя новости. Через час она придет ко мне.

Фарида вела себя в своей обычной манере, которая Сергея уже не раздражала. Надменно кивнув в ответ на его приветствие, она сухо рассказала, что, по полученным ею сведениям, пленные русские летчики пытались бежать. Связали охранника и ушли ночью в пустыню. Летчиков поймали возле границы и сильно избили. Одному из них повредили позвоночник.

- Где они сейчас находятся? - спросил Сергей.

Фарида задумчиво посмотрела на него. Длинная дамская сигарета дымилась в ярко на маникюренных пальцах.

- Наверное, мне надо отвыкать от курения или уезжать в Россию. Правое крыло в парламенте обсуждает вопрос о возвращении к шариату. Твоя Инга будет чудесно смотреться в парандже...

Инга разливала в чашки кофе. Нарезала хлеб и сыр.

- Завтракайте, скоро на работу.

- А у тебя какая сегодня работа, Сергей? - насмешливо спросила Фарида. - Или, может, тебя зовут не Сергей, а Вася?

- Фарида, хватит! - с досадой проговорила Инга. - Пей кофе.

- Любовь слепа, особенно к Васе с голубыми глазами, - Фарида неторопливо размешивала горячий кофе. - Вахид Абазов растет не по дням, а по часам, и мне не хочется с ним ссориться... Повреждение позвоночника - хреновая штука, особенно, если валяться без всякой помощи где-нибудь в чулане. Абазов - самый жестокий человек из местных вождей. Одному из своих врагов он лично отрезал голову. Другого разорвал на части бомбой в собственном автомобиле. Джемаль-Ходжи не сделал плохого ни одному человеку, но он все равно его убил. Ты ведь умеешь стрелять, Вася с голубыми глазами?

Сергею показалось, что Фарида с утра опять выпила или выкурила сигарету с марихуаной. После смерти Джемаль-Ходжи она все чаще увлекалась и тем и другим.

- Умею.

- Отлично. Можешь вклеить Вахиду пулю в лоб, - Фарида пощелкала пальцами. - Это будет твоя плата за мои мелкие услуги и за то, что ты морочишь голову моей лучшей подруге. Ах, ах, извиняюсь! У вас глубокое взаимное влечение. Мужчину тянет в минуту опасности к женщине. Ну а женщине не оставаться одной вообще противоестественно.

- Послушай, Фарида, не тяни kota за хвост, - Инга убирала со стола чашки. - Если у тебя есть что сказать, говори!

- Сплошные хорошие новости. И для тебя тоже! - огрызнулась Фарида. - Совет директоров принял решение уволить всех русских журналистов. Или переучивайтесь на местный язык. Впрочем, вам все равно выразят недоверие.

- Я этого ожидала, - Инга пожалала плечами. - Можешь сильно не возбуждаться.

- Не расстраивайся, - Фарида сбавила тон. - Я уже приготовила тебе место в отделе рекламы. Шестьсот тысяч дирхемов плюс комиссионные. Упражняться с пером, правда, не придется. Будешь завлекать бизнесменов.

У этой женщины была манера, не ожидая реакции собеседника, переходить с одной темы на другую. Она достала блокнот и быстро зачиркала по листку шариковой ручкой.

- Запоминай, Сергей. Листок я сожгу, мне лишние улики ни к чему. Эта трасса идет к югу в сторону столицы. В тридцати километрах от Чемкара, рядом с дорогой, расположен небольшой поселок Уймен. От него надо поворачивать на запад и двигаться через пустыню до кишлака Джусалы. Это примерно еще сорок - сорок пять километров. Джусалы - родовой кишлак Абазова. Появляться в нем тебе нежелательно: там вооруженный отряд и без тщательной проверки они никого не пускают. Как я поняла, летчиков держат на одной из овцеводческих ферм недалеко от Джусалы.

Более точных сведений Фарида сообщить не смогла. Но и это было немало. Все остальное следовало уточнять на месте после начала операции.

Через два дня из центра приехал человек, которому Амелин сообщил полученные сведения и свой план операции.

- Мне кажется, достаточно пяти-шести человек. Группа аб-

солютно легальная, визы, паспорта. Все члены группы должны быть зачислены рабочими в фирму "Интеройл", которая ведет в здешних краях разведку и добычу нефти. Когда группа пересечет границу, я присоединяюсь к ней в условленном месте, и мы сразу же двинемся к месту предполагаемого нахождения летчиков.

- Каким образом группа перевезет оружие?

- Местные власти дают разрешение на выдачу нефтяникам карабинов и пистолетов. Знаю случаи, когда дали разрешение на автоматы. Я думаю, это можно решить на официальном уровне.

Человек из центра, помаргивая, смотрел на Амелина. Большую часть своей службы он провел в кабинетах, почти не имея дел с подобными операциями. В рассуждениях Амелина, по его мнению, проглядывало нечто авантюрное. Но человек из центра был добросовестным сотрудником, и не в его компетенции было принимать или не принимать решение о проведении операции. От него лишь требовалось собрать всю имеющуюся информацию и доложить наверх.

- И хорошо, если бы поторопились с решением, - еще раз напомнил Сергей. - Вообще-то здесь не очень уютно.

- А вы где устроились? - наконец догадался поинтересоваться его собеседник.

- Да так, в одном месте.

- В каком месте? - проявил настырность человек из центра.

- Я должен это отразить в рапорте.

- В ботаническом саду...

- Вы серьезно?

Похоже, что собеседник был начисто лишен чувства юмора.

- Вполне. Сторож в городском ботаническом саду - надежный человек. Я живу в вагончике, других людей там нет. Документы и виза у меня в порядке, с полицией конфликтов пока не возникало.

- Хорошо, - похвалил его представитель центра и, оглянувшись по сторонам, достал из дипломата целлофановый пакет с деньгами. - Здесь два миллиона рублей и триста долларов.

- Спасибо, - Сергей сунул деньги в карман. - Еще раз прошу, передайте, что решать надо быстрее. Пока живы летчики... и я тоже.

Они попрощались, уточнив время связи. Человек из центра не посчитал нужным рассказать Амелину о некоторых событиях, имеющих отношение к освобождению заложников.

Группа депутатов в Думе обратилась с запросом к правительству, представив длинный список российских заложников и пленных, насильственно удерживаемых едва ли не во всех частях света. Делается ли что-нибудь для их освобождения? Представитель правительства, выпущенный перед агрессивно настроенными депутатами, пытался прочесть обтекаемо выстроенный доклад о том, что принимаются меры, однако...

Докладчика освистали, а депутаты вывалили кучу фактов, когда деньги на освобождение заложников собирали с шапкой по кругу, а пленных солдат, вычеркнутых из всех списков, освобождали их собственные матери.

Один из военных упомянул фамилию Решеткова. Командир эскадрильи, подполковник, награжден тремя орденами, воевал в Афганистане. И он тоже брошен на произвол судьбы!

Представитель правительства еще раз полистал свой доклад. Фамилии Решеткова и Лагутина там упоминались. С трудом перекричав депутатов, он сообщил, что ведутся переговоры с правительством Южной Республики об их освобождении. Если переговоры ни к чему не приведут, то будут приниматься другие меры.

Под другими мерами имелась в виду предложенная Амелиным, но пока никем не утвержденная боевая операция.

В вагончике у Камала не было телевизора, и Сергей об этих событиях ничего не знал. Он ждал приказа о начале действий.

Раскаленная металлическая печка светилась малиновым пятном в сумраке вагончика. Ноябрьские вечера длинные и унылые. Камал сидел на корточках на войлочной кошке, перебирая костяные четки. Сергей лежал на койке с другой стороны печки. Разговоры велись долгие и неторопливые.

- Знаешь, сколько у меня жизней было? - спросил старик Амелина.

- Не знаю.

- Сейчас посчитаем. Одна, две, три, четыре... и вот пятая. Наверное, последняя.

Он вздохнул. В темноте тихо пощелкивали четки и гудело пламя в трубе.

- Может, выпьем, Сергей?

- Почему и не выпить?

Сергей наливает водку в стаканы из четырехгранной не-

мецкой бутылки с надписью "Царь Николай". Камалу побольше, себе поменьше. Намазывает на ломти хлеба консервированную колбасу, тоже немецкую. Иногда он смешивает с табаком буро-зеленый порошок анаши. Сергей хорошо различает ее характерный запах. Камал знает, что русскому не нравится его привычка, и в вагончике анашу не курит.

- Хорошая немецкая водка, - для поддержания разговора замечает Камал.

- Хорошая, когда не поддельная.

- А эта - поддельная?

- Вроде нет.

- Надо выпить еще, - предлагает старик.

В темноте залаял Баян, огромная овчарка, охранявшая сад. Ему старательно принялись подгавкивать несколько собачонок поменьше, прижившиеся возле старика. Амелин застыл со стаканом в руке, прислушиваясь к лаю.

- На чужих собак шумит, - сказал старик. - Их бездомных полно сейчас развелось. На человека Баян по-другому лает.

Сергей вышел из вагончика. Убывающая луна освещала ствол огромного пирамидального тополя. Выпавшая накануне крупа за день растаяла, но к ночи снова подморозило, и лужа возле вагончика покрылась блестящей коркой льда. Аллея, ведущая к воротам, была пустынна. Ветер раскачивал лампочку, висевшую у входа, сквозь деревья пробивался ее желтоватый свет. Собаки умолкли, и Сергей вернулся в вагончик.

- Давай ужинать, Камал, - Сергей снял с печки кастрюлю.

- А то водки не получишь.

Он разлил по тарелкам баранью шурпу, сваренную днем Ингой, налил себе и старику водки.

- Будь здоров, Камал!

- Будь и ты здоров, Сергей!

Немного позже, снова набив трубку, старик принялся за свой рассказ.

- Я тебе про пять жизней говорил. Первая была, как у всех. Школу закончил, два года в колхозе работал. Семья большая, денег не хватало, но жили весело. Рубашку мать новую купит - на целую неделю праздник. Невеста у меня была, целовались с ней. Вот до сих пор разрешала себя раздевать, - Камал провел рукой по поясу. - А ниже, говорит, только после свадьбы. Призвали, значит, во флот. Четыре года в Севастополе служил на сторожевом корабле. Это вторая жизнь. Вначале

тосковал, плакал, а потом привык. Тоже веселая была жизнь. Форма, бескозырка, ленты до пояса и айда в увольнение по набережной. С женщиной там познакомился. Мариной звали. Постарше меня, но красивая. Таких красивых у меня больше не было. Чуть не женился на ней. Не надоел я тебе, Сергей?

- Нет. Рассказывай дальше.

Амелин открыл печную дверцу и подбросил два тополевых кругляша. Старик кряхтя набивал трубку.

- На корабле книг прочитал больше, чем за всю жизнь. Ну ладно, вернулся домой. Невеста меня дождалась. Женился, дети пошли. Три дочери, сын. Это третья моя жизнь... Самая длинная и самая хорошая. Дом построил, дети незаметно подросли, замуж вышли да женились. Внуки подрастают. А тут объявляют конец Союзу. Началась драка за власть. С одной стороны - президент, с другой - Тан-Булак. Наш кишлак в большинстве за Тан-Булака был. Старейшины так решили, потому что мы из одного рода. А меня вообще никто не спрашивал, за кого я хочу...

Сергей не стал спрашивать старика, что было дальше. Знал конец его невеселой истории. Но Камал продолжал рассказывать.

- Все наши мужчины оружие носили. Тан-Булак много его людям раздал. Когда пришли солдаты, им устроили засаду, сожгли два грузовика, несколько человек взяли в плен. Тогда на помощь солдатам пришли танки, и за полдня от кишлака ничего не осталось. Убили у меня старшую дочь, жену и двух зятьев. А того младшего зятя, который мне часы приносил, повесили на дереве. Мы его ночью выкрали и похоронили. Сын с семьей в Афганистан сбежал, две другие дочери неизвестно где скитаются. Вот такая у меня была горькая четвертая жизнь.

- А пятая?

- А пятая перед тобой. Бродяга Камал, ни дома, ни детей. Как перекаати-поле!

- Ты дочерей пробовал искать?

- Конечно, пробовал. Инга моей родне письма писала, только ответа нет. Война... поганая штука! Хуже ее на свете ничего не бывает.

- Это точно, - согласился Амелин.

На следующий день к вечеру Инга, как обычно, принесла им еду. Выложив свертки на стол, села рядом с Сергеем.

- Мы скоро с тобой расстанемся, - полувопросительно сказала она. - Ты знаешь, я со страхом жду этого дня.

- Инга, не надо.

Сергей молча гладил ее по голове. Любые слова в этой ситуации ничего не значили. Она вдруг всхлипнула.

- Не обращай на меня внимания. На меня иногда находит. Винить некого, я с самого начала знала, что так все кончится. Просто временами наваливается тоска. Знаешь, когда впереди неопределенность и никакого просвета. Я держусь на плаву за счет Фарида. Но что будет завтра, если сменится власть? У Фарида полно врагов среди тех, кто пришел сюда с юга. Ты же знаешь ее несдержанность. Она очень резко выступала против Тан-Булака, и этого ей не простят.

- Если хочешь, я помогу тебе с сыном перебраться через границу.

- Кто нас там ждет? Здесь, по крайней мере, у меня есть квартира и работа. И Фарида - богатая подруга. - Она помолчала, взяла Сергея за руку, потом попросила: - Давай сегодня пойдем ко мне.

- Может, не надо? Побудем здесь час или два. Потом я тебя провожу.

- Нет, пойдем ко мне, - замотала головой женщина. - Я хочу, чтобы мы спали вместе.

Когда выходили за ворота, Инга спросила:

- Пистолет с собой взял?

- А надо?

- Не знаю. В городе неспокойно. Понаехало множество каких-то людей. Стоят кучками на базаре, словно чего-то ждут...

Оружие Амелин предпочитал с собой не брать, не хотел лишних неприятностей. Но на следующий вечер, когда он с Ингой снова шел к ней домой, пистолет бы здорово ему пригодился...

На пустыре, недалеко от дома Инги, вынырнули из темноты двое. Фонарь на столбе хорошо освещал лицо одного из них, долговязого и широкоплечего. Инга, ойкнув, вцепилась в руку Сергея. И третий, отрезая дорогу назад, встал на вытоптанной дорожке, сунув руки в карманы.

Несколько секунд стояли молча. Амелин пытался разжать горячие пальцы Инги, как обручем сжимавшие левое предплечье.

- Отпусти руку, - шепнул он. - И не бойся.

Долговязый встряхнул на весу что-то, похожее на обрез.

- Эй, русские! Деньги, золото, часы! Куртки тоже.

Говорил негромко, властно. По тону и акценту угадывался поселковый предводитель шпаны, успевший набить руку на ночных грабежах перепуганных прохожих. Сколько ему лет? Лет двадцать пять... Наверное, и срок отсидел. Двое других - совсем сопляки, но ребята крепенькие, как боровички. Инга, наконец, отлепила пальцы. Амелин поднял руки на уровень лица и отстегнул часовой браслет:

- Возьмите часы. Хорошие, золотые...

Протянул их долговязому, успев разглядеть, что у двоих других нет оружия. Навстречу потянулась темная растопыренная пятерня. Обрез (или длинный пистолет, но только не автомат) он держал в правой руке стволом вниз. Вкладывая часы в протянутую ладонь, Сергей на мгновение почувствовал тепло чужой влажной кожи.

Выдохнув, мгновенным заученным движением перебросил тело влево, ближе к обрезу. Обеими кистями намертво перехватил руку с обрезом и, отрывая ее от туловища, ударил долговязого ногой под колено. Вывернутая на излом рука хрустнула, долговязый глухо вскрикнул. Оттолкнув обмякшее тело, Сергей бросился на парня, стоявшего позади. Тот что-то лихорадочно выдергивал из кармана.

Амелин ударил его в челюсть. Получилось вскользь, неточно. Парень, отшатнувшись, выхватил из кармана заточку. Лишь бы не влез третий! Ну подожди немножко... Третий, наклонившись, пытался поднять, привести в чувство жоака. Пока этот парень не пришел в себя от неожиданности, но если опомнится и присоединится к приятелю с заточкой...

На, жри, салабон! Удар ботинком пришелся в костяшку, на вершок ниже колена. Парень, выронив заточку, катался по траве, подтянув колено к животу, по-щенячьи скуля.

Амелин развернулся к третьему из парней.

- Оружие есть?

- Нет.

- Если врешь, прибью, к чертовой матери!

- Честное слово, нет!

- Тогда вали отсюда.

Парень отбежал на десяток шагов и остановился.

- Сережа, убегаем, - тянула его за рукав Инга, - их тут целая банда.

- Сейчас, помоги найти часы.

Поднял обрез и заточку. Торопливо обыскал жоака. Несколько патронов, складной нож, пакетик с анашой. У второ-

го парня достал из кармана кастет. Тот пошевелился и что-то забормотал, прикрывая лицо ладонями.

Инга совала подобранные часы.

- Бежим, Сережа...

Дома она тряслась и, едва успокоившись после выпитого коньяка, рассказывала:

- Этот длинный, с лошадиным лицом, я его несколько раз встречала на улице. Вдруг он меня узнает и станет мстить?

- Нет, не станет. Он был сильно обкурен, и вряд ли что помнит. Да и руку сломанную ему месяца два надо лечить, не меньше.

Вертел в руках диковинный револьвер-обрез. Длинный ствол, рукоятка, барабан на четыре гнезда. Вытряхнул на ладонь двенадцатимиллиметровые патроны с пулями-нашлепками, изготовленные из зарядов к тяжелым строительным пистолетам. Щелкнул курком, тугая пружина с хрустом повернула барабан. Грубое и надежно сработанное оружие. Если стрелять с близкого расстояния - убьет наповал.

Попробовал на палец острый металлический штырь с рукояткой, обмотанной изолентой. Тоже не для забав штуковина. Подумал и тут же отогнал мысль, что встреча эта не случайная. Могли бы найти киллеров посерьезнее. А зачем им серьезнее? С такими игрушками и эти трое отлично бы справились, если бы не полезли по карманам. Усмехнувшись, стреб оружие в целлофановый пакет. Успокаивая Ингу, небрежно встряхнул пакет:

- Мелочевка. Старух по ночам пугать. Завтра выброшу.

Инга спала, не раздеваясь, плотно прижавшись к Сергею. Раза два за ночь ходила смотреть сына. Амелин просыпался от ее шагов. Обнимая, целовал в шею.

- Ничего не бойся.

- Я не боюсь.

Через два дня после нескольких попыток Амелин кое-как дозвонился до нужного ему номера. Сообщил, что у него могут возникнуть сложности. Принято ли решение? Ему ответили, что покупка, то бишь операция, утверждена и находится в стадии подготовки. Позвоните через три дня.

Но трех дней у Амелина не оставалось...

Вечером, как обычно, Камал пришел к Сергею. На этот раз засиживаться не стал. Поставил на стол блюдо, накрытое полотенцем.

- Лепешки. Еще горячие, только что испек.

- Спасибо, Камал. Выпить хочешь?
- Хочу, только совсем немножко. Час назад чужой человек приходил, говорил со мной, найдется ли работа. Хотя каждый дурак знает, что здесь зимой никакой работы нет.
- Про меня спрашивал?
- Нет. Но все пытался в сад зайти. Любопытный...
- Какой он из себя?
- Лет тридцати. В куртке, ботинках хороших. На безработного не похож.
- Я понял, Камал. Буду настороже.
- Если что, уходи через сад, ты знаешь, где дырка в изгороди.

Уже перед рассветом сквозь сон Амелин услышал собачий лай. Собаки лаяли ночами часто, перегавкиваясь с бродячими стаями, но сегодня причина могла быть другая.

Сергей обулся, вышел на крыльцо. Лай вскоре прекратился, только шумел в ветвях ветер. Он выждал несколько минут и вернулся в вагончик, выстывший за ночь до нулевой температуры. Не включая света, оторвал кусок газеты и принялся растапливать печку.

Старик Камал тоже проснулся от собачьего лая. То, что у ворот находились какие-то люди, он понял сразу. Торопливо втолкнул ноги в войлочные чувяки и набросил халат.

Входная дверь, выбитая сильным ударом, повисла на нижней петле. Влетели сразу трое. Плечистый, в кожаной куртке парень ударил Камала в лицо. Сбив с ног, наступил ботинком на горло.

- Тише! Пикнешь, убью!

Двое других заскочили во вторую половину вагончика. Через минуту вернулись. Вошел четвертый, долговязый, с рукой на перевязи.

- Где русский?

Парень в кожаной куртке убрал ногу с горла.

- Глухой, да?

Камалу набросили на лицо подушку. Один из парней, как клещами, зажал руку и резким движением сломал мизинец. От сильной боли старик глухо взвыл, кричать мешала подушка.

- Ломай второй, - вполголоса скомандовал долговязый.

Снова раздался хруст. Камал потерял сознание. Его отлили водой.

- Так где русский? Во втором вагончике?

Трясущийся от боли и страха старик лишь утвердительно мотнул головой.

- У него есть оружие?

- Н-не знаю...

- Сломать еще один палец?

Камал, съезжившись, стонал, прижимая к груди пульсирующую острой болью руку.

- Ты меня слышишь?! - потряс его за плечо парень в куртке. Шумно понюхал воздух, засмеялся. - Да он обмочился с перепугу! Так есть у русского оружие или нет?

- Клянусь, я не знаю.

Четверо торопливо посоветовались. За дверь, ведущей в сад, прыгала и бесновалась овчарка, ей подтягивали другие собаки. Один из парней ткнул старика стволом автомата.

- Вставай!

- Загонишь собак в сарай, - сказал долговязый. - Если дернешься, перережим пополам. Будешь слушаться, оставим жить, ты нам не нужен.

Камал с усилием поднялся. Его вытолкнули, мгновенно закрыв за ним дверь. Парень, стоявший у окна, махнул стволом автомата.

- Поворачивайся живее!

Баян кинулся на грудь Камалу, мгновенно облизал лицо, потом снова залаял, бросаясь на вагончик. Камал поймал овчарку за ошейник и отвел в сарай, где хранился уголь и садовый инвентарь. Следом за овчаркой юркнули обе собачонки. Страх, сковавший Камала в первые минуты, понемногу отступал.

Фарида и Инга подобрали его на улице, спасли внучку, а теперь он в благодарность продает близкого им человека. Сломанные пальцы горели как в огне. Если они обошлись так жестоко с ним, то что ожидает Сергея? Легкой смерти ему не будет. От боли Камал не чувствовал холода и редких снежинок, пляшущих на ветру.

Он стоял, ожидая, что Сергей, услышав лай собак, появится из-за деревьев, и тогда он крикнет, предупредит его.

- Собак загнал? - прошипели в форточку.

Окончательно приходя в себя от столбняка, Камал вдруг закричал, подстегивая криком собственную решимость. Он побежал, огибая сарай, уходя из зоны обстрела. Долговязый выскочил на крыльцо и трижды выстрелил из пистолета. Ему под руки поднырнул парень с автоматом, ударил веером на-

угад длинной очередью. Пули визжа сшибали ветки, с шипением зарывались в землю, покрытую толстым слоем листвы.

Амелин, услышав крик старика и стрельбу, выскочил из вагончика. Знал, догадывался, что вряд ли его оставят в покое и сонное существование в заброшенном саду вот-вот должно кончиться. Передернув затвор пистолета, стоял, прячась за толстым тополевым стволом.

Камал, в развевающемся, незастегнутом халате, босой на одну ногу, выскочил на поляну перед вагончиком. Что-то бесвязно крикнул и, не слыша Сергея, кубарем ввалился в пустой вагончик.

Парень с автоматом выбежал из-за кустов орешника и, подскочив к стене вагончика, замер, направив ствол в сторону открытой двери. Кто они? Полиция или люди Абазова? Еще один, в кожаной куртке, с двуствольным обрезом, подбежав, встал с торцевой стороны вагончика. В плечистой короткой фигуре показалось что-то знакомое. Когда увидел третьего, с подвязанной рукой, понял: его достала позавчерашняя шпана.

Четвертый, в камуфляжной куртке, клубком подкатился к долговязому. Тот показал стволом пистолета на вагончик, что-то вполголоса приказал. Парень в камуфляже переминался, не торопясь бежать через поляну. В руках у него тоже был обрез. Кажется, они собрались штурмовать старика Камала.

Стрельбы было уже не избежать. Амелин выстрелил в парня с автоматом. Промахнулся. Пуля звонко щелкнула о жестяную обивку вагончика, сантиметрах в двадцати от парня. Понимая, что дуэль с "Калашниковым" закончится не в его пользу, торопливо сдвинул предохранитель на автоматическую стрельбу и перехватил тяжелую рукоятку обеими руками.

Две очереди ударили одновременно. В рассветной полутьме парень с автоматом не видел Амелина, стреляя наугад. Зато его собственный темный силуэт был хорошо различим на фоне зеленой стены вагончика. Пуля попала ему в руку, вышибла автомат. Он нагнулся, чтобы поднять оружие, но следующая очередь перехлестнула его, отбросив тело к ступенькам, ведущим в вагончик.

В Сергея стреляли сразу двое. Долговязый - из пистолета, и парень в кожаной куртке, спрятавшийся за торцом вагончика, - из охотничьего обреза. Картечь с визгом сшибала ветки за спиной, не давая высунуться. Четвертый из компании, в

камуфляжной куртке, спрятался за ящик с инструментами. Сергей видел его торчащие ноги в остроносых ботинках. В перестрелку он благоразумно не вмешивался.

Надо кончать с долговязым. Остальные разбегутся сами. Видно, что это не самые крутые бандиты в городе. Впрочем, если бы Камал не закричал и Сергей не выскочил наружу, они зажали бы его в вагончике намертво. Просто бы расстреляли через стенки.

У ступенек возился, пытаюсь подняться, тяжело раненный автоматчик. Долговязый, сменив обойму, крикнул:

- Мочите русского со всех сторон! Гоча, обходи его сзади.

Сам он прятался за толстым дубовым стволом на другом конце поляны и стрелял, не высываясь из-за дерева. Амелин сдержал с себя куртку и повесил ее на сучок. Пуля рванула рукав, следом дважды грохнул обрез. Сергей отполз на несколько метров. Его пока не видели, стреляя по куртке. Зато он наконец разглядел долговязого. Опершись локтями о мерзлую землю, нажал на спуск. Остаток обоймы вылетел одной отрывочной очередью. Затвор, лязгнув, встал в заднее положение.

Долговязый, скорчившись, лежал между корнями дуба. Амелин, торопливо сменив обойму, отполз к поваленной тополевой колоде, от которой они с Камалом отпиливали кругляши для печки. В него пока не стреляли. Долговязый лежал неподвижно, меховая шапка отлетела в сторону, был виден коротко стриженный темный затылок.

- Эй, ребята, послушайте меня, - крикнул Амелин. - Ваш бугор мертв. Смывайтесь, пока не поздно. Против меня вам не выстоять. Даю две минуты, стрелять не буду!

Парень в камуфляже, скорчившийся за ящиком с инструментами, пополз вдоль вагончика.

- Вставай и беги! - снова закричал Амелин. - Я же обещал не стрелять.

Тот продолжал ползти, потом, не выдержав, вскочил и кинулся напролом через кусты. Следом бежал парень в кожаной куртке с двуствольным охотничьим обрезом. Амелин пошел к долговязому. Приоткрыв глаза, тот устало посмотрел на Сергея. Пули попали ему в живот и правую ногу. Штанина и меховая куртка набухли от крови.

- Перевяжи, - почти неслышно, одними губами, попросил раненый.

- Почему ты за мной охотился? - спросил Сергей, опускаясь рядом с ним на корточки.

- Приказали.
- Кто?
- Большие люди.
- А почему два дня назад не стал стрелять?
- Жадность фраера сгубила... Хотели вначале ограбить. Перевяжи...

- Что ты знаешь о женщине, которая была со мной?
- Ничего.
- Вспомни лучше.

Амелин щелкнул, взводя курок.

- Тебя выследили возле сада. А про женщину я ничего не знаю.

Из открытой двери вагончика выглянул Камал. Осторожно обошел убитого парня с автоматом и приблизился к Сергею.

- Асадулло, - заглядывая долговязому в лицо, проговорил он. - Я его знаю.

- Кто он такой?

- Сволочь... Из местных бандитов. Он сломал мне пальцы. Старик прижимал к груди замотанную в полотенце левую руку.

- Надо уходить, - проговорил он.

Они торопливо собирались. Полиция могла появиться в любую минуту. Вышли через боковую калитку и зашагали по пустырю в сторону города. Овчарка бежала рядом со стариком. Две другие собаки, растерянно покрутившись, вернулись назад.

- Куда ты теперь, Камал?

- У бродяги сто дорог. Заберу внучку и двину на родину. Будем с внучкой и Баяном искать дочерей.

- Там война, - невесело отозвался Амелин.

- Война теперь везде.

Старик, морщась от боли, пошевелил рукой. Через плечо он нес скатанное шерстяное одеяло. Амелин тащил его цветастый мешок и большой медный чайник. Камал ни за что не хотел его бросать.

- Это семейный чайник. Я с ним пришел сюда из своего кишлака и с ним вернусь домой.

Возле крайних домов они простились. Амелин достал из сумки пакет с разноцветными дирхемами и, отделив половину, сунул старику. Добавил несколько двадцатидолларовых бумажек.

- Спасибо, Сергей. Здесь слишком много денег.

- Перестань. Спрячь доллары подальше. Полицейские с удо-

вольствием их отбирают при любой проверке.

- У меня они ничего не найдут.

- Прости, Камал, что так получилось.

- Все случается только по воле Аллаха. Он один знает, что будет с нами завтра.

- Прощай, Камал.

- Прощай и ты, Сергей.

Амелин дозвонился до центра из междугородней станции. Разговор занял чуть больше минуты. Место встречи с группой было обговорено заранее, возле бензозаправки на окраине Чемкара. Сейчас наконец сообщили время.

Двое суток. Ему предстояло пробыть в этом городе еще двое суток и попытаться выжить...

В платном туалете, здесь же на станции, он побрился и долго разглядывал себя в зеркале. Коренастый светловолосый мужчина в кожаной куртке. Мелкий коммерсант или водитель в какой-нибудь совместной фирме. Спортивную сумку с собой таскать не надо. Она придает облику нечто бродяжье. Человек куда-то и зачем-то едет. Лишнее любопытство со стороны окружающих.

Что там в сумке? Теплый свитер. Его можно надеть под куртку. Полотенце, мыло, бритва... Все это можно переложить в небольшой кейс. Купить его не проблема, здесь же у лоточников. Спортивный костюм, запасная рубашка, консервы... Без этого он обойдется.

Пистолет за поясом на спине. С ним можно в любую минуту нарваться на неприятности. Сумеет ли он откупиться от полицейских, если у него найдут оружие? И выбрасывать жалко. После короткого раздумья пришел к компромиссному решению. Таскать "Стечкина" с собой слишком опасно, его надо где-то спрятать.

Выйдя из здания телефонной станции, он купил за четыреста тысяч дирхемов небольшой дипломат и переложил туда часть вещей. Сумку бросил в контейнер для мусора. Пистолет, завернутый в целлофановый пакет, зарыл в парке, присыпал листьями. Усмехнувшись, подумал, что если на него нападут, то добежать сюда за оружием, пожалуй, не успеет.

Позвонил на работу Инге. Понимал, что встречаться с ней, значит, подвергать женщину лишней опасности. Но что объяснить по телефону? Прощай, я уезжаю?

Инга примчалась на такси. Слушала Сергея молча, потом

заплакала, прижимаясь к нему.

- Все я понимаю! Но неужели я тебя брошу?!

- К тебе сегодня утром никто не приходил?

- Нет.

Подумал, что прийти могут в любой момент, но ничего не сказал.

- Сегодня мы можем переночевать у Фариды, - предложила Инга. - Я попрошу, чтобы она побыла у матери.

- Хорошо. Только не надо оставлять сына одного в квартире.

- Она возьмет Сашу с собой.

- У тебя хорошая подруга.

- Я не представляю, что бы я без нее делала.

Забрав сына, Инга вместе с Сергеем поехала к Фариде. Та со своей обычной язвительностью поинтересовалась, как идут дела у Амелина.

- Я завтра уезжаю.

- Ну что ж, может, это и к лучшему. Больше ты сюда не вернешься?

- Наверное, нет.

- Тогда, прощай!

Она обняла Сергея и прикоснулась губами к щеке. Отстранившись, стерла пальцем губную помаду и стала объяснять Инге, где что лежит.

Когда Фарида ушла, Инга собрала на стол и достала из холодильника бутылку водки.

- Наверное, самый подходящий напиток для сегодняшнего вечера, - усмехнулась она. - Горький...

Они расстались утром.

- Ты знаешь мой телефон, - отрывисто проговорил Амелин.

- Если решишь уехать в Россию, звони...

Он хотел добавить, что поможет устроиться, но эта фраза прозвучала бы слишком не к месту.

- Ты знаешь, курортные романы более приятные, - с усилием прошептала Инга. - Хотя там тоже расстанешься навсегда...

В глазах женщины блеснули слезы. Крупная капля, размытая тушь, ползла по щеке. Оба молчали, и молчание становилось невыносимым.

- До свидания, Сережа, - она коснулась губами его щеки и, повернувшись, быстро пошла прочь.

- До свидания, Инга...

У него оставались еще целые сутки до встречи со своей группой, но Сергей ничего об этом не сказал Инге. Для нее он уезжал сегодня.

Несколько часов он провел на базаре, переходя из одной чайханы в другую. Здесь среди пестрого скопления людей на него никто не обращал внимания. Потом сходил на двухсерийный индийский фильм и, с трудом его высидев, отправился в гостиницу, расположенную рядом с базаром, - бывший Дом колхозника.

Двухэтажное грязное здание с многочисленными пристройками, лестницами, несколькими входами его вполне устраивало. За двести тысяч дирхемов, не спрашивая документов, его поселили на ночь в крохотную каморку, представляющую из себя кое-как утепленную веранду.

В каморке было так же холодно, как и на улице, но при необходимости можно было выйти через окно. Съев черствый лаваш с куском мяса, Амелин завернулся в два одеяла и, сбросив сверху куртку, долго не мог заснуть. За стеной кричала и отплясывала пьяная компания. Внизу хрустели сеном два верблюда, привязанные возле сарая.

Он покинул гостиницу до рассвета и, перекусив на базаре, к десяти часам добрался до бензозаправки на окраине Чемкара.

Машина ГАЗ-66 с металлической будкой стояла возле эстакады. Водитель ковырялся в моторе.

Человек в ватнике и коротких сапогах, стоявший поодаль, замахал Амелину рукой.

- Мы здесь!

Прибавив шаг, Сергей почти бежал к машине. Саня Кошелев, взводный его отряда, широко, во весь рот улыбаясь, шел ему навстречу.

ГЛАВА 6

Группа была смешанная. Саня Кошелев и двое спецназовцев - из отряда Амелина, два человека - из воздушно-десантного батальона.

- Морозов Виктор, капитан, - представился один из них. - Назначен вашим заместителем.

Широкий в груди, с массивной шеей борца, он, как и остальные, был одет в ватную куртку с эмблемой компании "Интеройл" - нефтяной вышкой на желто-зеленом фоне.

- Ступников Александр, прапорщик, - назвал себя второй из десантников.

Смуглый, с бугристым длинным лицом, он был свит из сухих, крепких мышц. В нем угадывалась выносливость и физическая сила хорошо тренированного спортсмена. Лет сорока пяти, он был самым старшим в группе по возрасту. Темная, выдубленная солнцем кожа и редкие усы делали его похожим на местного жителя.

- Служил на юге? - спросил Амелин.

- Восемь лет в Таджикистане, немного в Ташкенте. Был в Афганистане.

Саня Кошелев, старый товарищ, служивший когда-то под началом Амелина срочную службу, улыбался, показывая блестящие желтые фиксы.

- Николаич, жив-здоров? Мы тебя все заждались. Засел в Чемкаре и носа не показываешь.

Иванов и Юрченко, бойцы из его взвода, тоже улыбались, разглядывая Амелина. Тем, что Кошелев взял именно их, Амелин остался доволен. Иванов считался в отряде лучшим стрелком, а Юрченко, прошедший за последние годы едва ли не все горячие точки в стране, имел опыт и хватку обкатанного во всех ситуациях бойца.

- Сергей Николаевич, ты голодный, наверное? - спросил Кошелев и, не дожидаясь ответа, скомандовал Иванову как самому младшему из всех: - Женя, доставай харчи!

Вездеход стоял в неглубоком овраге, метрах в пятистах от дороги. Здесь можно было спокойно перекусить и обсудить дальнейшие действия.

К встрече командира подготовились основательно. На ввинченном внутри будки столе грудой навалили жареное мясо, яйца, помидоры, нарезанную крупными кусками колбасу. В центр взгромоздили огромную дыню.

- Отмечать встречу будем? - поскреб ногтем по горлу Кошелев, доставая бутылку "Столичной".

- Будем, - засмеялся Сергей. - Если бы вы знали, как я по вашим рожам соскучился!

Ситуация складывалась следующим образом. Все члены группы имели официальные визы, подписанные властями Южной Республики. Все четверо числились служащими компании "Интеройл", вездеход ГАЗ-66 также принадлежал компании. Имелись разрешения на пистолеты, пять автоматов Калашникова и охотничий карабин "Тигр", подписанные министром внутренних дел Южной Республики. Оружие

предназначалось для самозащиты нефтяников в случае нападения боевиков из незаконных вооруженных групп оппозиции.

Выдав необходимые документы и разрешения, власти республики закрыли на все остальное глаза. Освобождение или выкуп заложников считался частным делом русских, вмешиваться в которое власти не собирались. В пустыне, где практически всю территорию контролировала оппозиция, безопасность группы уже никто не гарантировал.

Но даже здесь, в окрестностях Чемкара, вблизи центрального шоссе, было предпочтительнее не попадать в поле зрения полиции или армейских патрулей. Группу могли задержать для дополнительной проверки, которая обычно длилась несколько дней и заканчивалась только после получения взятки.

Полиция могла просто, не объясняя причин, отобрать оружие, валюту и, слив бензин, великодушно отпустить русских на свободу. Странников Тан-Булака и разрыва отношений с Россией в рядах полицейских хватало с избытком.

Каких-либо ответных силовых действий в отношении официальных властей предпринимать строжайше запрещалось. Оставалось лишь прятаться или откупаться.

До кишлака Уймон доехали без приключений. Машину лишь на несколько минут остановили двое полицейских. Заглянув в будку, поболтали со Ступниковым, приняв его за таджика и, получив две пачки сигарет, машину пропустили. В сторону Джусалы вела слабо накатанная дорога, которая то раздваивалась, то сразу несколькими колеями, словно растопренной пятерней, уходила в пустыню.

Заночевали, не доезжая километров пятнадцати до Джусалы. Здесь, на территории оппозиции, соблюдали максимальную осторожность. Машину загнали в русло давно пересохшей речки, ужинали без спиртного, плотно зашторив окна в будке. На обрывистом береговом уступе, с которого хорошо просматривались окрестности, установили пост с прибором ночного видения.

Утром, допив из термосов остывший чай, двинулись дальше. Ехали по карте, удалившись километра на полтора в сторону от дороги, чтобы до минимума снизить вероятность встречи с другими машинами.

Желтое холодное солнце висело над горизонтом, освещая застывшую равнину. Песчаные поля с редкими саксауловыми

островками сменялись участками полынной степи. На пожухлой замерзшей траве лежала сизая изморозь. Из кустов таволги вспугнутый шумом мотора вылетел крупный заяц-русак и понесся скачками прочь, высоко подкидывая задние лапы.

Овцеводческую ферму первым увидел Ступников. Встав на подножку машины, долго оглядывался, потом позвал Амелина.

- Сергей Николаевич, посмотри в бинокль, что там впереди?

Амелин поднялся на подножку с другой стороны. Впереди, километрах в трех, виднелась длинная приземистая кошара для овец, рядом небольшой одноэтажный дом и два сарая. Какого-либо транспорта видно не было. Не доезжая метров семисот до кошары чабан на лошади пас стадо овец.

По виду этой точки можно было догадаться, что вряд ли здесь держат заложников. Там, где находятся пленные летчики, наверняка больше помещений и стоят автомашины охраны. Но можно было предположить, что часть охранников куда-то уехала, а много ли нужно места для двоих заложников? Комната, а то и подвал.

- Двигай к чабану, - показал направление Амелин.

- Есть. Вы в здешних краях бывали?

- Брось "выкаты", Саша, - поморщился Амелин. - Ты по годам меня старше и к тому же в одну петлю башки суем.

- Это точно, - согласился Ступников. - Пора уж дочерей замуж отдавать, а меня все на рожон черти тащат.

- Дочерей-то много?

- Две. Одна институт заканчивает, вторая медсестрой работает.

- Что, помоложе тебя в батальоне никого не нашлось?

- Салажня одна; - отмахнулся Ступников. - Да и ты, Сергей Николаевич, не слишком молодой, а все с автоматом не расстаешься. Сорок небось стукнуло?

- Неужели похоже? - Амелин озабоченно потер выбритый с утра пораньше подбородок. - Мне же тридцать восемь всего. Через полтора года, в апреле, сорок стукнет... если доживу.

- Ну извини, - засмеялся Ступников.

В кабине было жарко. Он сидел в легкой куртке, с засученными до локтя рукавами. Смуглые мускулистые руки легко вертели баранку. Сквозь расстегнутый воротник виднелась татуированная голова орла. Еще одна татуировка, женское имя "Таня", пересекала правую кисть.

- Похож на блатного? - подмигнул прапорщик Амелину.

- Похож.

- Ну вот, будем считать, что это мой имидж. Слово такое модное, слышал?

- Слышал. Блатной водитель и начальник нефтеразведочной партии. Маскировка на высшем уровне.

Вездеход, с хрустом подминая полынь, подъехал к чабану. Это был еще крепкий старик в лохматой пастушьей бурке и высокой каракулевой папахе на голове.

- Салам алейкум! - поздоровался Амелин.

- Салам алейкум! - спрыгнул следом Ступников.

- Алейкум ассалам, - неторопливо отозвался старик.

Поговорили о погоде, о предстоящей зиме. Согласились, что холода в этом году ударили рановато. Но овцы откормились за лето неплохо, хотя с зерном, как обычно, тяжело.

- Вы хозяин? - Амелин кивнул в сторону фермы.

- Можно сказать, что я.

- Водой не выручите? Нам хотя бы литров десять-пятнадцать.

- Почему не выручить хороших людей? Правда, в доме никого нет. Племянник уехал в поселок. Но под навесом увидите бетонный бассейн, набирайте, сколько надо.

- Поблизости еще фермы есть?

- Есть. Какая вам нужна?

Старик говорил с характерным местным акцентом, четко произнося слова. У него была седая коротко стриженная борода. Зеленоватые узкие глаза смотрели на Амелина внимательно и оценивающе.

- Чего остальные в будке сидят? Пусть вылезают, разомнут ноги.

- Спешим. Воды зальем и поехали дальше. Ближняя к вам ферма в какой стороне?

- Кого-нибудь ищите?

- Хотим закупить мяса.

- Покупай у меня. Бараны жирные и цены не выше, чем у других.

- Нам много надо.

- Я вам много и продам.

- Почем продаете?

- Хорошего валуха отдам за двести пятьдесят тысяч дирхемов. Будете брать десяток или больше, уступлю по двести двадцать...

Цена действительно была невелика. Но старик Амелину не нравился. Он словно ощупывал его и Ступникова, поглядыва-

вая в окна автомобильной будки, где виднелись головы остальных бойцов. Впрочем, это могло быть обычным любопытством.

- Вы с Сарыжакской нефтяной вышки, - не то утверждая, не то спрашивая, проговорил чабан.

Амелин слышал название поселка, но не знал, имелась ли там вышка или нет.

- Нет, мы из-под Чемкара.

- Далеко забрались...

- Это разве далеко? - засмеялся Ступников. - По семьсот верст, бывает, за один рейс отматываешь.

- Так в какой стороне ближайшая точка? - снова спросил Амелин.

- У меня баранов покупайте, - упрямо повторил старик. - А точка вон там!

Он показал плеткой в сторону юга. Сергей подумал, что барана у старика купить надо. Пока будет резать и освежевывать, может, что интересного расскажет.

- Давай, режь, - махнул рукой Амелин. - Двести пятьдесят тысяч даю и водкой угощу. Ребята, выходите!

Сергей открыл дверь будки, откуда по одному стали выпрыгивать остальные. Старик с помощью Ступникова быстро освежевал барана. Тушу положили на шкуру, просохнуть. От водки чабан не отказался. Выпил две стопки, потом закурил глиняную трубку, набив ее крепким листовым табаком.

- Работников не держите, дедушка?

- Нет. С племянником управляюсь. В сакман жена и дети помогают.

- А другие хозяева работников держат?

- Кто держит, а кто и нет.

- Русские небось на хозяев работают?

- Есть и русские, есть и таджики. И афганцы есть. Всякий народ... А вы кого-нибудь ищите?

- Мы нефть ищем, - наливая себе и старику водки, ответил Сергей. - У нашего водителя двоюродный брат запил, с женой поругался и из дому ушел. Говорят, где-то в этих краях бичует.

Старик выпил водку, отломил кусочек лепешки и, прожевав его, снова взялся за трубку.

- Пустыня большая. Почему думаешь, что здесь?

- Люди сказали.

- Как зовут брата? *

- Владимир. Володька...

Чабан немного подумал, наморщил лоб, что-то вспоминая. Выбил о каблук потухшую трубку.

- В Джусалы русские есть. Двое или трое у хозяев работают. Поезжайте, поспрашивайте.

Разговор со стариком ничего не дал. На ферме набрали канистру воды и двинулись дальше по слабо накатанной колее, держась в сторону юга. Если чабан не обманывал, дорога должна была привести к следующей точке.

Небо затянуло серой слоистой пеленой. Зимний тусклый день превратился в сумерки. Колея пошла через замерзшие песчаные, с вкраплением глины холмы. Здесь и остановились перекусить.

- Старик мне не понравился, - сказал Сергей. - Весь себе на уме, каждого с ног до головы обшарил.

- Здорово наша компания на нефтяников похожа! - фыркнул Морозов. - На меня да на Колю Юрченко посмотри, сразу поймешь, кто такие.

- Среди нефтяников, конечно, тоже есть крепкие ребята, но долго наш спектакль не продлится. Дед сегодня же вечером расскажет своему племяннику, а там слух и до Джусалы дойдет.

- Нам бы взять "языка", кого-нибудь из боевиков...

- Вариант может не сработать. Попадется такой, что ни хрена не знает. Просто мальчишка с автоматом. Куда его потом девать? Решим, наверное, так. Приблизимся на предел видимости к Джусалы. С вечера до утра наблюдаем в приборы ночного видения за кишлаком. Если сумеем, попробуем взять кого-то из боевиков живьем. Если нет, утром оставляем засаду на дороге, а машину отгоним в барханы.

Через час езды увидели с бугра в сгущавшихся сумерках кишлак. С полсотни домов с плоскими крышами и высокими глиняными дувалами, небольшой пруд на окраине, водонапорная башня, несколько кошар для овец. В центре кишлака, на площади, Амелин разглядел бронетранспортер. Над одним из домов висел зеленый флаг оппозиции.

Дождавшись наступления темноты, подъехали к дороге, соединяющей Уймон и Джусалы. Машин почти не было. С вечера прошел бензовоз, ГАЗ-51, двухместный "Москвич-фургон" и "Нива" с несколькими мужчинами в салоне. Были ли они вооружены, разглядеть не удалось.

До трех часов ночи дорога оставалась пустынной. В кишлаке тоже не было заметно особой оживленности. Электричества не было, а тусклый свет керосиновых ламп часам к десяти вечера погас во всех окнах. Вяло перебрехивались собаки, лаять было не на кого - чужих в кишлаке не водилось.

И тем не менее это было гнездо боевиков, готовое по своим отработанным схемам мгновенно поднять по тревоге сотни вооруженных людей со всей округи. Сюда не рисковали заезжать полицейские патрули, а официальные власти делали вид, что ничего не замечают.

- Мне кажется, Абазова в Джусалы нет, - ежась от холода, сказал Ступников.

Двигатель не включали, в кабине вездехода стояла нулевая температура. И он, и Амелин сидели, закутавшись в полушубки, по очереди наблюдая за дорогой и кишлаком.

- Морозов, как у тебя дела? - вызвал по рации своего заместителя Амелин.

- Полностью оправдываю фамилию, - лязгнул зубами капитан. - Окоченел, как колода. И твой Иванов тоже.

- Ничего интересного не видели?

- Пусто. Все спят.

- Снимайтесь.

- Есть, - весело отозвался Морозов.

Через четверть часа, когда пришли Морозов и Иванов, а Ступников уже прогрел мотор, вдалеке показался свет фар. Амелин дотронулся рукой до плеча прапорщика.

- Выключай зажигание!

На большой скорости шли три машины. На передней были установлены фароискатели, освещавшие обочины дороги.

- Мощные лампочки, - пробормотал Ступников. - Галогеновые.

И Амелин, и Ступников, и втиснувшийся между ними в надежде согреться Морозов одновременно подумали об одном и том же: бежать уже поздно, и, если луч высветит их вездеход, им не уйти. Три машины, мчавшиеся среди ночи на полной скорости, наверняка принадлежали боевикам.

- А если полиция или военные? - предположил Морозов.

- Вряд ли, - покачал головой Сергей. - Они так не гоняют. Осторожно ездят, я уже насмотрелся. Даже если военные, нам от этого не легче - солдаты в здешних краях лупят из всех стволов, а уж потом спрашивают документы.

До головной машины оставалось метров четыреста.

- Пронесет, пронесет, - одними губами, почти неслышно, бормотал Морозов.

Амелин обернулся к окну, ведущему в будку. Там торчали головы Сани Кошелева и Жени Иванова. Юрченко со своими мощными плечами между ними не поместился.

- Женя, бери "Тигра", заряжай магазин бронебойно-зажигательными. Если нас заметят, по моей команде три выстрела в каждую машину. Быстро, но не торопясь, по три пульки в моторы. Саня, ты его подстраховываешь. Тоже по три выстрела слева направо. Только одиночными! Ложитесь левее машины, как отстреляетесь, прыжком в будку и ходу!

Иванов и Кошелев залегли в тридцати метрах от вездехода.

Головной автомобиль боевиков, это был УАЗ-462, почти поравнялся с вездеходом - белый галогенный пучок метнулся по верхушкам барханов, на долю секунды высветил вездеход и стремительно поскакал дальше в сторону кишлака. Вторая машина была "Нива", колонну замыкал ГАЗ-53 с тяжелым пулеметом, торчавшим над кабиной.

- Ребята, бегом сюда, - негромко позвал Амелин. Дождавшись, когда Иванов и Кошелев захлопнули дверь,скомандовал Ступникову: - Заводи. Поедем без фар, с прибором ночного видения. Правь на дорогу.

Вездеход, переваливая через барханы, выехал на дорогу. Позади них, не доезжая до кишлака, УАЗ с фароискателями вдруг остановился, пропустил обе машины, которые тоже встали неподалеку от него. Ослепительные точки галогенов поползли вверх по склону. Лучи снова замечались, высвечивая дорогу, барханы, упираясь белыми столбами в низкое зимнее небо.

- Прибавь газу, - сказал Амелин.

То ли сидящие в УАЗе с запозданием сообразили, что в барханах промелькнул посторонний предмет, то ли это обычная мера предосторожности: проверить, нет ли преследования, понять было трудно. УАЗ минуты три кружил по бугру, высвечивая окрестности, потом фароискатели погасли.

Ступников в шлеме с линзами ночного видения гнал, утопив педаль газа до самого пола. Стрелка спидометра плясала возле цифры 80. Он один в машине видел в сумрачном голубоватом свете дорогу, барханы, редкие кусты на обочине. Остальные словно проваливались в бездонную черную яму.

Сергей вытер пот со лба. Ощущение даже для людей, привычных к таким гонкам, было жутковатым.

Минут через двадцать свернули в сторону и километрах в полутора от дороги загнали ГАЗ-66 в неглубокую балку, прорытую талой водой. Ступников влез на крышу с биноклем ночного видения и долго всматривался, вертя головой во все стороны.

- Слезай жрать!

Кто-то, не выдержав, потянул его за ноги в люк, где все расселись вокруг стола.

- Порядок, нас не видно! Крыша на метр ниже края.

- Ну что, командир, бутылку заслужили? - поинтересовался Ступников.

- Здорово заслужили, "языка" взяли, все сведения в кармане, завтра заберем летчиков и домой!

- Да ладно тебе, Сергей Николаевич, - изобразил обиду Кошелев. Он отлично знал, что после такой ночи бутылка положена.

Сергей придвинул ближе банку паштета, не спеша намазал его на толстый кусок зачерствевшего хлеба.

- Хлеб лучше в бумажном мешке хранить, - заметил он. - Не так быстро черствеет.

- Мы в нем и храним, - ответил Кошелев.

- Ну тогда доставай бутылку.

- Вот это дело!

Саня, пошарив за спиной, размашистым движением водрузил в центр стола семисотграммовую бутылку "Распутина".

- А наша, русская водка, что, кончилась? - спросил Морозов.

- У немцев бутылка побольше, - авторитетно пояснил Ступников.

- Женька Иванов не пьет, а нам как раз по стакану хватит.

Выпив, дружно принялись за консервы с хлебом. Запивали водой.

- Гонка была, будь здоров! --с набитым ртом сказал Юрченко. - Думал, все печенки оторвутся.

- Мне тоже не по себе стало, когда нас осветили. Ну, думаю, Саня, приплыли! Сейчас начнутся догонялки.

- От трех машин удирать тяжеловато.

- А на что мы тогда Иванова с собой возим? Эй, снайпер, у тебя не заиграло в одном месте?

- Нет, - отозвался Иванов. - У меня уже патрон был в патроннике. Я про другое не думал.

Небольшого роста, узкий в талии, с неширокими плечами боксера-мухача, он был в группе самым молодым. Откусывая одновременно от шоколадной плитки и сразу от нескольких кругляшей печенья, признался:

- Потом страшновато было. Когда без света по пустыне неслись. А когда к стрельбе готовился, там не до страха было.

- Попал бы?

- Попал!

- Ну тогда порядок!

Все дружно заржали, а Ступников, подвинув банку сгущенки, ловко открыл ее самодельным ножом.

- Я этих сволочей не боюсь, - сказал Коля Юрченко. - Повидал их и в Афгане, и в Чечне. Страшно только живым им в плен попасться. Насмотрелся я, что они с ребятами вытворяют.

- Может, наших летунов и в живых уже нет...

- Чем сегодня заниматься будем, командир?

- Сейчас двадцать минут пятого, - посмотрел на часы Амелин. - Десять минут закончить с тушенкой-сгущенкой и до шести - отбой. В шесть сорок трогаемся в сторону дороги, четырех человек оставляем в засаде - двое отгоняют машину и ждут нашего сигнала.

- Кого в машине оставим? - спросил Морозов.

- Ступникова и... - Амелин обвел глазами группу. - Ну и Кошелева.

- Это в благодарность за то, что я с тобой дольше всех вместе воюю, - желчно подвел черту Кошелев.

Засаду решили устроить километрах в восьми от Джусалы. Зимняя дорога петляла по дну низины, заросшей камышом. Выше по склонам были раскиданы кусты таволги, еще не до конца сбросившие свои сухие метелки.

Четверо остались здесь, замаскировавшись в камышах, Кошелев и Ступников отогнали машину к барханам.

Зимний рассвет сползал в низину медленно и неохотно. Стали проявляться темные пятна кустарника и дальние склоны. Сергей лежал рядом с Ивановым, немного левее - Морозов и Юрченко. Холод прохватывал сквозь многочисленные одежды, особенно доставалось пальцам на ногах.

- Как ноги? - Сергей повернулся к Иванову.

- Нормально. Я двое шерстяных носков надел. Мама с собой дала.

- Пошевели пальцами. Сразу теплее станет.

- Я так и делаю.

Первая машина появилась часа через полтора. Старенькие "Жигули" с несколькими канистрами на багажнике. Двое мужчин и женщина, видимо, ехали в Чемкар за покупками. Потом, после долгого перерыва, прошли еще две легковые машины и старый раздолбанный микроавтобус.

- Боевики, наверное, спят, - предположил Женя Иванов. - После ночной работы.

- Подождем, - отозвался Амелин.

Но долго ждать не пришлось. За пазухой запищала рация. На связь вышел Кошелев.

- К нам приближается машина "Нива", желтого цвета.

- Сколько людей в салоне? - спросил Амелин.

- Пока не видно. Кажется, двое, - после паузы отозвался Кошелев. - Двое мужиков.

- Если пастухи или охотники, за автоматы не торопитесь хвататься. Засветимся, вся орда по нашим следам пойдет. В общем, будьте настороже.

- Понял. До связи.

- Саша, тебе надо лезть в будку и находиться там с автоматом наготове, - сказал Ступников, - а я буду потихоньку ковыряться в моторе. Простой советский нефтяник ремонтирует машину.

- Может, наоборот. Я останусь, а ты - в будку?

- Не надо. У меня лучше получится. Я и на местного больше похож.

Кошелев дождался, когда "Нива" нырнула в распадок между барханами, и быстро, как кошка, вскарабкался в будку. Ступников передернул затвор пистолета и, сняв его с предохранителя, сунул за брючный ремень на спине. Расстегнул ватную куртку с нефтяной вышкой на рукаве и попрыгал на месте. Пистолет был в нужном месте и держался крепко, а чтобы выхватить его, понадобится не более трех секунд.

Ступников подкачал топлива в гудевшую бензиновую печку и краем глаза наблюдал за приближающейся машиной, потыкал ножом мясо.

- Жесткое... как в тылу врага. Хоть бы дали доварить, сволочи!

- Он сунул нож за голенище. Ступников очень хотел есть, и появление незваных гостей его раздражало.

Из “Нивы” вылезли двое. Один, широколицый, в полушубке и лисьей лохматой шапке, второй - в камуфляжной ватной куртке, с редкими светлыми усами. Обоим лет по тридцать. Оружия у них Ступников не разглядел.

Поздоровались за руки.

- Салям алейкум!

- Алейкум ассалам!

- Закуривайте, - предложил Ступников, открыв пачку “Космоса”.

Широколицый взял сигарету, прикурил от поднесенной зажигалки. Усатый, в камуфляже, отмахнулся: “Не курю” - и обошел машину кругом.

- Хороший вездеход. Как раз для пустыни.

- Хороший, - согласился Ступников. - Проходимый.

- Ты вроде на нашего похож...

- Наполовину туркмен.

- А где остальные из машины?

- Какие остальные? - удивился Ступников.

Ему не понравился вопрос, который задал усатый, не понравились прищуренные внимательные глаза широколицего, и он почему-то вспомнил позавчерашнего старика.

- В пустыне по одному не ездят, - рассудительно заметил широколицый. - В пустыне одному пропасть можно.

- А чего мне пропадать? Бригада скважину бурит, а я в Уймон за трубами еду.

- Далеко отсюда бурят?

- Километров пятнадцать.

- Что-то ты не торопишься.

- Карбюратор забарахлил. Пока разобрал-собрал... Решил заодно баранины сварить.

- У тебя водки не найдется? - спросил усатый.

- Найдется.

- Тогда закуска наша, - заулыбался широколицый и, подойдя к “Ниве”, открыл багажник.

Ступников пошарил за спинкой сидения и достал завернутую в газету бутылку.

- Без водки в дороге нельзя, - сказал он.

- Конечно, нельзя, - отозвался усатый. - Положи бутылку на землю.

Прямо в лицо Ступникову смотрел хищный глазок короткого чешского автомата “Скорпион”. Широколицый стряхнул мешавшую ему тряпку и тоже направил на прапорщика авто-

мат АК-74, с заряженным подствольным гранатометом.

- Документы есть? - спросил он.

- Есть. Во внутреннем кармане. А что, водку пить не будем?

- Сначала посмотрим, что ты за птица, - буркнул широколицый. - Юлчи, достань у него документы и заодно обыщи.

Юлчи проворно вывернул карманы, обстукал подмышки и пояс, но полезть за спину не догадался. Передавая друг другу, долго рассматривали паспорт, визу Ступникова, допуск к буровым работам, водительские права.

На права Ступников снимался прошлой осенью. Кто-то посоветовал сняться в форме, поможет при объяснении с ГАИ. Ступников поступил по-своему и сфотографировался в гражданском костюме, словно предчувствуя, что возникнет такая вот ситуация. Усатый Юлчи повертел в руках календарик с обнаженной блондинкой на обороте. Смеясь, протянул открытку широколицему.

Кто они такие? Боевики или просто лихие вооруженные парни из какого-нибудь степного клана? Что собираются делать? Может, просто проверяют чужого человека и, убедившись, что он нефтяник, разопьют с ним бутылку водки и, забрав в подарок ведро бензина, уедут восвояси? Отгоняя самый легкий простой вариант, Ступников едва не застонал от досады, понимая, что эти двое обязательно сунутся в будку, и тогда стрельбы не избежать. Уже привыкший за годы службы к опасным ситуациям, Ступников не испытывал страха, собранный и готовый к драке. Ну совсем ни к чему будет эта потасовка, которая обязательно закончится чьей-то смертью...

- Ребята, может, раздавим пузырек и по домам? - выжимая улыбку, предложил Ступников. - Вы же видите, простой водила, кручу баранку, дома дети ждут.

- Вот и сидел бы дома. А раз попал сюда, то стой и молчи, пока не спросят.

- Может, вам бензин нужен? - не унимался Ступников. - Залью полный бак под завязку.

Юлчи с неожиданной злостью ткнул его стволом под ребра.

- Ты еще не понял, кто перед тобой? Волки пустыни не клячат крохи! Они забирают все, что им надо, понял?

- Понял...

- Ничего ты не понял, баран подрезанный! Деньги с собой есть?

- Немного есть.

- Ну а чего тогда ждешь?

Усатому Юлчи, наверное, доставляло удовольствие бить людей. Пока широколицый держал Ступникова под прицелом, он дважды пнул прапорщика и, вывернув карманы, собрал в горсть деньги.

- Это все?

- А откуда больше? На зарплату живу...

- Если найду еще деньги, зубы вышибу, - пообещал Юлчи.

Ох, ребята, зря вы это затеяли! Брали бы бутылку и уезжали. Хоть вы и волки пустыни, а начнете заваруху - живыми не уйдете. Против двух автоматов один со своим "Макаровым" Ступников ничего не сделает. У "Скорпиона" скорострельность - четырнадцать пуль в секунду. Только тронь пальцем спуск, и будет из человека решето. Но там наверху наготове Саня Кошелев. Он вам все равно не даст уйти...

Юлчи залез в кабину, вытащил полушубок, транзисторный приемник и термос. Сложил все здесь же, у вездехода.

- Зря вы в меня два автомата нацелили! Я же вам ничего плохого не сделал.

Проговорил громко. Для Сани Кошелева. Если тот не разглядел все их оружие, пусть знает, что придется иметь дело с двумя автоматами.

- Что в будке?

- Хлам разный...

- Открывай.

Начинается! Теперь они не отстанут, лучше не спорить. Юлчи подтолкнул его острым стволом "Скорпиона", широколицый держался в стороне, не снимая пальца со спускового крючка. "Видно, не такое у тебя, Саня, простецкое лицо, если на двух мушках не устают держать".

- Подождите, ключ возьму.

- Где он лежит? Я сам тебе его дам.

Юлчи, дерганый, нервный, с худым впалым лицом, смотрел на Ступникова зло и подозрительно.

- Ключ на радиаторе, рядом с моим сиденьем.

"Вот он момент! Пока шакаленок будет нащупывать ключ, надо кончать с широколицым". Ступников сделал один и второй шаг, приближаясь к нему. Широколицый отступил на те же два шага. Осторожный, гад! Ну, посмотрим, кто кого...

Ступников принял ручку-ключ и, взобравшись на подвесную лестницу, сунул его в гнездо.

- Сейчас открою! (Это для Сани. Готовься, друг!)

Повернув ручку, толкнул дверь внутрь. Кошелев стоял у стенки с автоматом наготове. Второй автомат лежал на боковом сиденье. Ступников прижал палец к губам и, жестом показав на дверь, отступил в сторону. Юлчи, вытянув шею, пытался рассмотреть, что там внутри.

- Эй, русский! - позвал он.

Кошелев нажал на спуск. Грохот автомата в узком пространстве автомобильной будки бил по ушам, заглушив крик тяжело раненного Юлчи, отброшенного пулями от двери.

Ступников схватил свой автомат. Лишь бы Кошелев догадался дослать патроны в патронник. Догадался! Ударил длинной, в полмагазина, очередью прямо через стенку будки в то место, где должен был стоять широколицый, и сразу же прыжком, как с вышки, метнулся через дверь наружу.

Успел заметить Юлчи, зажимающего ладонями окровавленное лицо, и присевшего на колени широколицего. Уходя от автоматной очереди в упор, Ступников метнулся в сторону. Пуля ударила в правую руку, вторая обожгла шею. Он попытался нажать на спуск, палец не повиновался. Перехватив автомат, как дубинку, левой рукой, кинулся на широколицего. Сразу несколько пуль ударили его в грудь, опрокидывая на мерзлую землю.

Сверху уже летел Кошелев. В прыжке ударил широколицего в скулу. Вырвав из рук, отбросил в сторону автомат и, глуша, ударил еще раз.

Сгоряча кинулся было перевязывать Ступникова. Не улавливая дыхания, расстегнул куртку, прижал ухо к груди. Рубашка, простеганная мелкими дырочками пулевых пробоев, подплыла кровью: Ступников был убит наповал. С минуту постоял над ним.

- Эх, тезка, тезка...

Юлчи лежал на боку, подвернув голову под руку. Кошелев мельком глянул на труп и подошел к широколицему. Он был без сознания, из разбитого носа текла тонкая струйка крови. Принес из будки канистру с водой и наручники. Надел на запястья, потом плеснул в лицо водой. Тот застонал и открыл глаза. Кошелев выругался и пнул его в бок.

- Очухался, волк пустыни?

Только сейчас услышал, как зуммерит в кармане рация. Включил ее на прием и, не дослушав Амелина, заговорил:

- Натворил тут дел. Саня Ступников убит, эти двое изолированы. Ну, в общем, я за вами сейчас приеду.

Широколищего “волка пустыни” звали Рузинат Абазов.

- Вахид Абазов тебе кем приходится? - спросил Амелин, стараясь не смотреть в ту сторону, где Юрченко и Иванов неловко заталкивали тело Ступникова в черный пластиковый мешок.

- Мы из одного рода...

Рузинат монотонно рассказывал, моргая узкими, почти без ресниц глазами. Дед сообщил, что приехали русские нефтяники. На хорошем вездеходе. У нефтяников всегда много нужных вещей: теплая одежда, одеяла, охотничьи ружья, продукты. Собрались вчетвером на двух “Нивах”, искали целый день. Сегодня утром разделились, нашли след...

- Значит, нас еще одна “Нива” ищет?

- Ищет, - уныло подтвердил Рузинат. - Там мой брат...

- Какого цвета “Нива”?

- Светлая. С багажником наверху.

- Зачем багажник-то?

- Вещи класть.

- Смелые ребята. Не страшно было вдвоем шестерых искать?

- Нефтяники обычно не сопротивляются.

- Значит, привыкли их шелушить. А тут осечка вышла.

Рузинат испуганно наблюдал, как Юрченко с усилием задергивает заевшую молнию на пластиковом мешке.

- Убивать меня будете, - помолчав, с усилием сглотнул слюну Рузинат.

- Нет, водкой угостим и отпустим, - огрызнулся Амелин. - Чтобы ты еще целую компанию привел. Значит, вы искали нас с целью грабежа?

- Да.

- А потом собирались убить?

- Нет, нет. Зачем?

- Брось, Рузинат! Свидетели вам не нужны. Раньше вы не трогали людей из “Интеройла”, а теперь что-то изменилось, так?

- После Довлатова пришли новые люди. Они не желают иметь дело с русскими. Но мы, действительно, не хотели никого убивать. Тот смуглый русский погиб случайно.

- От семи пуль, выпущенных тобой...

- Я дам хороший выкуп. Забирайте мою “Ниву”. Если мало, я добавлю двадцать или тридцать баранов...

- Ну ладно, оставим пока разговор о выкупе, - перебил его

Амелин. - Ты уже, наверное, догадался, что мы ищем не только нефть.

Абазов помолчал и потрогал огромный кровоподтек от приклада, наискось пересекавший скулу.

- У тебя есть реальный шанс спасти свою жизнь. И только один шанс! Ты меня понимаешь, Рузинат Абазов?

- Да...

- Нам нужны двое русских летчиков со сбитого самолета. Ты слышал про них?

- Да.

- Где они сейчас, эти летчики?

Рузинат засопел, продолжая теревить щеку вокруг раны.

- Если ты промолчишь, то через пять минут умрешь. Мы закопаем тебя вместе с Юлчи.

- Если я скажу, то умру все равно... Да еще за длинный язык будет расплачиваться моя семья.

- Мы отпустим тебя, даю слово. И мы не собираемся никому докладывать, кто нас вывел на летчиков.

- Можно я немного подумаю?

- Пять минут...

Во второй половине дня они добрались до места, указанного Рузинатом. Не доезжая полутора километров до фермы, остановились. Амелин с Морозовым взобрались на бархан и долго рассматривали непонятные черные пятна впереди.

- Там все сгорело, - опуская бинокль, сказал Саня. - Тащи своего друга, пусть объяснит, в чем дело.

- Людей не видно, - пробормотал Морозов.

Через несколько минут Кошелев привел Рузината. С него сняли наручники. Амелин сунул бинокль.

- На, погляди хорошенько!

- Ничего не понимаю, - пробормотал Абазов. - Неделю назад здесь был дом, кошара, стояли машины.

Поймав взгляд Сани Кошелева, закричал:

- Клянусь, чем угодно, ваши летчики были здесь.

То, что когда-то было овцеводческой фермой, представляло из себя груды закопченных развалин. Камышовые крыши жилого дома и овечьей кошары сгорели и провалились внутрь. Саманные стены от сильного жара растрескались и во многих местах обрушились.

Рядом с домом на обугленных скатах стоял сгоревший

“уазик”. Поодаль с оторванным колесом и развороченным радиатором завалился набок ГАЗ-53.

- Здесь хорошо повоевали, - присвистнул Юрченко.

Высокий, широкоплечий, он держал автомат стволом вниз, готовый в любую секунду стрелять. Женя Иванов стоял возле “Нивы”, пристроив карабин на капоте. Юрченко ковырнул пальцем дырку в дверце “уазика”.

- Автоматные пробоины. Калибр 5,45.

- А по грузовику из гранатомета шарахнули.

Амелин, нагнувшись, поднял стреляную гильзу, пахнувшую порохом. Из-за угла кошары высунулась собачонка и неуверенно тьякнула.

- Ну, где твои хозяева? - шагнул к ней Морозов.

Собачонка испуганно юркнула назад, а из кошары, лениво каркая, взлетели несколько ворон.

Одного обитателя разоренной точки они все же нашли. Старуха, в рваном полушубке, в черной, замотанной на груди шали, стояла у дверей саманной будки, единственного уцелевшего строения. Из небольшого окошка торчала печная труба. Старуха держала в руках два сухих коровьих кизяка - видимо, несла топить печку.

- Бабуля, здравствуй!

Амелин и Морозов подошли к ней ближе. У старухи было закопченное морщинистое лицо и пальцы, испачканные сажей. Она равнодушно смотрела на вооруженных людей.

- Здесь уже всех поубивали, - наконец произнесла она, не ответив на приветствие. - И старика моего убили, и хозяев...

Старуха выговаривала фразы тихо и невнятно, понять ее было трудно.

- Когда это случилось?

- Два, а может, три дня назад.

Толкнув плечом ветхую дверь, она вошла в сарай. На земляном полу, у окна, стояла железная печка. На деревянном ящике, служившем столом, грудились грязные тарелки, кастрюля без крышки, керосиновая лампа.

Пахло мышами и вьезшейся в стены сажей. В углу на старом диванном матрасе было свалено тряпье и несколько овечьих шкур. Все остальное место в сарае занимал разный хлам: закопченная посуда, пустые картонные ящики, обгоревшие доски, огромный топор, канистра из-под бензина. На гвозде висела баранья нога с обрывками шкуры.

- Почему вы здесь? Где ваши сыновья, внуки?

- Далеко, - махнула рукой старуха. - Их нет, они умерли.

Из дальнейшего разговора удалось кое-как выяснить, что старуха вместе с мужем бежала от войны с афганской границы. Работали батраками на ферме, но три дня назад приехали вооруженные люди и стали стрелять. Хозяина убили и все сожгли.

- Здесь жили двое русских. Где они сейчас?

Старуха бессмысленно смотрела на Амелина, не реагируя на его вопрос. Переломив коровий кизяк, сунула его в остывшую печку и стала дуть.

- Подожди, бабуля, - отодвинул ее Морозов. - Давай я сам разожгу, а ты с командиром поговори.

- Где жили русские? - снова спросил Амелин.

- В доме...

- Их было двое?

Старуха беспокойно смотрела, как Морозов возится возле печки.

- Не забирайте еду, - почти беззвучно шевеля губами, попросила она.

Сергей перехватил взгляд, брошенный на изрезанную ножом баранью ляжку, висевшую на стене.

- За кошарой две дохлые овцы валяются, - сказал Кошелев, - она от них куски кромсает. Только там одни кости остались, лисы да вороны все растащили.

- Саня, принеси бабке чего-нибудь из машины, - повернулся к нему Амелин. - Ну того барана половину, нам все равно некогда варить... Сгущенки, чаю, крупа там есть. В общем, сам посмотри.

Кошелев вернулся через десяток минут. Вытащил из бумажного мешка несколько кусков баранины, сложил в эмалированное закопченное ведро. Вывалил в таз банки со сгущенкой, пакеты сахара и крупы, две буханки хлеба.

- Пользуйся, бабуся, - он свернул пустой мешок и сунул его под мышку.

Старуха торопливо отнесла ведро в угол, накрыла обломком доски. Схватила таз, потащила туда же, но, раздумав, заметалась по тесному сараю. Уронила пакет с гречкой, нагнулась его подобрать, из таза посыпались остальные продукты. Амелин собрал кульки и поставил таз на стол.

- Пусть здесь стоит. Мы уедем, сварить кашу.

- Кашу, - бессмысленно повторила старуха.

- Так куда же русских увезли, а, бабуля? Может, их убили?

- Не убили, - замотала головой старуха. Отломив корку хлеба, стала с усилием жевать. - Их увезли.

- Куда?
- Ильчибей...
- Ильчибей увез?
- Ильчибею отвезли.
- Ты знаешь этого человека?
- Один раз видела. К хозяину приезжал.
- Далеко он отсюда живет?
- Не знаю.

Больше от старухи добиться ничего не удалось. Когда ушли, Морозов оглянулся на сарай и покачал головой.

- Помрет бабка. Морозы посильнее ударят, и замерзнет, если, конечно, кто-нибудь не заберет.

- Кому она нужна? - Амелин остановился у разбитого грузовика. На сиденье запеклась черная кровь. - Своих вон не шадят, а тут какая-то беженка.

Рузинату Абазову было знакомо имя, которое назвала старуха. У Ильчибея есть ферма, километрах в двадцати отсюда. Два дома, триста овец. На сожженной точке жили его родственники. Так что вполне возможно, летчиков увезли к Ильчибею.

- Что за разборка здесь была?

- Я точно не знаю. У покойного Довлатова много сторонников. Мамажанов, например... и другие. Не все хотят подчиняться Вахиду Абазову.

ГЛАВА 7

- Держите в этом направлении!

Рузинат показывал рукой, куда ехать. Смотреть на него было жутковато. Багровый синяк раздул и без того широкое лицо, на щеке запеклась корка крови. Он свыкся с положением пленника и, уже не смущаясь, то и дело стрелял сигареты у Морозова.

В "Ниве" сидели вчетвером. Амелин и Морозов впереди, на заднем сидении - Юрченко и Рузинат. ГАЗ-66 шел метрах в ста позади. Двигались напрямик, через замерзшую равнину. Бесконечно долгий день, когда еще утром был жив Саня Ступников, подходил к концу. Прапорщик, провоевавший три года в Афганистане, так и не успевший выдать замуж ни одну из своих дочерей, лежал в боковом ящике вездехода в пластиковом мешке. Несколько таких мешков захватил Витя Морозов.

- А я ведь Решеткова знал, - сказал он. - Лихой мужик. В

тридцать один год подполковника получил, два ордена Красной Звезды, афганский орден.

- Их самолет сбили недалеко отсюда, - подал голос Рузинат. - Надо сделать небольшой крюк, километра два. Если хотите, покажу.

- Может, ты и сбивал? - мрачно поинтересовался Морозов.

- Нет, нет. Мы потом туда приезжали. Посмотреть, может, какие железки в хозяйстве пригодятся.

- Показывай, куда ехать, - обернулся к нему Амелин.

В этом месте мерзлые холмы песчаных барханов чередовались с глинистыми плешинами, похожими издавеча на застывшие озера. Самолет врезался в одну из таких плешин.

Глубокая воронка наполовину была засыпана песком. Вокруг на десятки метров разбросаны скрученные взрывом куски дюрала. Метров за триста из песчаного бархана торчало оторванное крыло. Тяжелый двигатель, сплюснутый от удара, зарылся в глину. Рядом лежала более-менее уцелевшая хвостовая часть с куском фюзеляжа.

Амелин поднял рваный кусок обшивки и, повертев в руках, положил на землю.

- Гайдука Колю они где-то здесь закопали, - сказал Морозов. - Рузинат, ты не знаешь, где?

- Нет, что вы! Даже если и был бугорок, его давно занесло песком. Весной "афганец" задует, и от самолета следов не останется...

- Спроси пустыню, - проговорил Юрченко. - Спроси пустыню... Песню мы такую в Афгане пели. Ступников и Гайдук тоже афганцами были.

- И что ответила пустыня? - спросил Морозов.

- Ничего. Она всегда молчит...

Ферма Ильчибея состояла из двух саманных домов, приземистой длинной кошары и нескольких сараев. Рядом с домом стояли две легковые машины, трактор "Беларусь" с прицепом и мотоцикл.

Меняясь, наблюдали за фермой в приборы ночного видения. Перед рассветом Амелин приказал Кошелеву и Юрченко отогнать подальше ГАЗ-66 и "Ниву".

- Будьте на связи. Мы с Морозовым и Ивановым продолжим наблюдение. Затем решим, что делать дальше.

Штурмовать ферму вслепую Амелин не рискнул. Ночное наблюдение практически ничего не дало. Не было известно,

сколько людей ночуют в домах, и самое главное - здесь ли держат летчиков. Если они на ферме, их наверняка используют как дармовых работников. В оптику можно разглядеть лица.

Ферма просыпалась рано. Вначале из дома вышла женщина доить коров. Потом стали появляться другие обитатели. Сам хозяин, грузный старик, в светлом овчинном полушубке, парень лет восемнадцати, видимо, его внук или племянник, и двое работников.

Один, по виду из местных жителей, на лошади, с собаками погнался в степь отару овец, второй работник ушел в кошару заниматься ремонтом. В руке он нес ящик с плотницким инструментом. Разглядеть его лицо не удалось.

Обитатели второго дома, четверо мужчин, никакими работами по хозяйству не занимались. Трое не расставались с автоматами, у четвертого оружия Амелин не заметил, но, несомненно, компания была одна и вряд ли имела отношение к разведению овец.

Второй работник наконец вышел из кошары. Пока он шел к дому, Амелин, не отрываясь, разглядывал его в бинокль. Одет в старый солдатский бушлат, на ногах кирзовые сапоги. Рост - метр семьдесят три - семьдесят пять, лицо славянского типа. Похож на Лагутина... Похож! Сергей хорошо помнил приметы обоих летчиков. Но полностью быть уверенным мешала борода, закрывавшая половину лица.

- Лагутин! Ей-богу, Лагутин, - зашептал Морозов, подползая к Сергею. - Только бородой оброс.

- Похож, - согласился Амелин.

- Решетков тот длиннее, под сто восемьдесят. Значит, это у него позвоночник поврежден и его держат в доме.

"Если он только до сих пор живой", - подумали оба.

- Саня, как дела? - вызвал по рации Кошелева Амелин.

- Нормально. Посторонних не видно.

- До связи. Ждите.

- Понял.

Оба одновременно отключили рации. На ферме могла быть своя рация, и все переговоры были сведены до минимума.

Прошло еще полчаса. Амелин уже собирался дать знак отползти назад, когда на точке затеяли соревнования по стрельбе. Расставили на бугорке консервные банки, бутыл-

ки и открыли по ним стрельбу. Сразу же запищала рация. Вызывал Кошелев.

- Что случилось?

- Ничего. Ребята на точке балуются.

- Ясно.

Стреляли все четверо боевиков и парень из хозяйского дома с карабином СКС. Несколько очередей дали из ручного пулемета.

- Тренируются, сволочи. - бормотал Морозов, - патронов не считают.

- Мы ж их и привезли. - усмехнулся Амелин. - А стреляют хорошо. Набили руку.

Он дотронулся до плеча капитана:

- Уходим.

В неглубокой балке, за кустами таволги, Амелин вызвал Кошелева.

- Саня, мы нашли груз. Закрывайте Абазова в ящик, наручники по рукам и ногам, и подъезжайте к точке со стороны кошары. Она вас будет прикрывать. Машину оставьте в низине, не доезжая километра до кошары. Пройдете метров триста и найдете нас.

Через двадцать минут собрались все пятеро. Амелин говорил быстро и отрывисто.

- Будем штурмовать точку. Там четверо боевиков. Кроме автоматов, имеют один ручной пулемет. Они находятся в дальнем от кошары доме. В ближнем - старик, его жена и восемнадцатилетний мальчишка. У сопляка есть карабин, судя по всему, он может пустить его в ход. У старика тоже, наверное, есть оружие. Сосредотачиваемся за кошарой. Женя, ты со своей оптикой забираешься на крышу и ждешь. Я, Морозов и Юрченко - перебежками ко второму дому, там, где боевики. Саня Кошелев блокирует первый дом. Гранаты не применять. Все ясно?

- Ясно, - Морозов выплюнул окурочек.

- Женя, ты открываешь огонь только после наших первых выстрелов. Твоя главная цель - боевики, выскочившие наружу. Пока мы будем в домах, продырявлять пулями покрышки машин. Нельзя допустить, чтобы кто-то скрылся.

Морозов и Юрченко, оба рослые и широкоплечие, подняли на руках Женю Иванова. Снайпер вцепился в край камышовой крыши и, подтянувшись на руках, перебросил тело

наверх. Когда остальные, обойдя кошару, бежали к домам, он был уже готов к стрельбе. Приближенные оптикой отчетливо виднелись окна и двери домов - его цель номер один. Вторая цель - колеса. Ребята уже подбегали к домам, и, кажется, боевики их еще не заметили. Иванов стянул перчатку с правой руки, ощупал запасной магазин, переложенный из кармана за отворот куртки.

Кошелев, толкнув дверь, влетел в первый дом. Дверь второго дома вдруг открылась, и на крыльце показался бородастый человек в свитере и камуфляжных брюках, заправленных в десантные ботинки. Эта борода заставила Амелина на какую-то секунду замешкаться: Лагутин тоже был с бородой. Смуглое плоское лицо удивленно смотрело на бегущих вооруженных людей.

- Э-э-аа!

Боевик, ахнув, метнулся к двери. Амелин стрелял навскидку, не целясь. Очередь вбила плосколицего в глубину темного коридора. Амелин и Юрченко влетели в дом вслед за упавшим. Две двери вели в разные комнаты.

- Вы оба туда, - показал на одну из них Амелин. Ударил плечом, распахивая вторую дверь. С кровати навстречу ему поднялся человек, похожий на Лагутина.

- На пол! - скомандовал Сергей. - Где Решетков?

В соседней комнате затрещали автоматные очереди. Из перегородки брызнули куски штукатурки. Кто-то вскрикнул.

- Ложись!

Амелин толкнул Лагутина на пол и бросился в комнату, куда вбежали Юрченко и Морозов. Убитый или тяжело раненный боевик скрючился возле стола, рядом валялся автомат. Оба спецназовца были в смежной комнате. Юрченко, чертыхаясь, рассматривал ладонь, из которой текла кровь. Морозов, прижимая коленом еще одного лежавшего боевика, надевал на него наручники.

- Не видно четвертого, - сказал Амелин. Рванул лежавшего за воротник. - Где еще один ваш?

- Там...

- Где там?

- В сарае... большой сарай за домами.

- А где второй летчик?

Лежавший на полу человек со страхом таращил глаза на ствол автомата, направленный ему в грудь.

В первом доме все было в порядке. Кошелев положил лицом вниз старика и парня. Увидев карабин, стоявший у стены, выдернул затвор и разбил приклад о подоконник.

- Еще оружие в доме есть? - спросил он.

- Нет, - замотала головой пожилая женщина, испуганно застывшая у печки.

Кошелев быстро осмотрел остальные комнаты. Больше в доме никого не было. Он выскочил наружу и побежал ко второму дому, откуда доносились выстрелы.

Он успел сделать лишь несколько шагов. Что-то с силой ударило Кошелева в живот и плечи. Как сквозь вату, далеко и приглушенно, трещала длинная очередь. Пули подбрасывали лежавшее на вытопанной земле тело, и боли от ударов Саня уже не чувствовал.

Боевик стрелял из кирпичного сарая. Женя Иванов его не видел. Стрелявшего заглушала глухая стена из красного кирпича. Иванов сменил магазин, израсходованный на колеса автомашин, и пополз по крыше вправо. Добравшись до края, увидел лишь узкую щель раскрытой двери. И с этой позиции пулеметчик оставался вне зоны его обстрела.

Юрченко и Морозов били из окон по сараю короткими частыми очередями. Амелин, единственный в группе, у кого имелся гранатомет (доставшийся от "волка пустыни" Юлчи), полз вдоль стены дома, выбирая место, откуда можно выпустить гранату.

Пулеметчик не жалел патронов и молотил по дому, откуда стреляли Юрченко и Морозов. Пули калибра 7,62 мм с легкостью прошивали саманные стены и дощатые перегородки. Глинистая пыль запылила комнаты. На одной из кроватей тлела подушка, пробитая зажигательной пулей.

Морозов с руганью отскочил от оконного проема. Осколок стекла вонзился ему в щеку.

- Витя, ты в порядке? - окликнул его Юрченко.

- В порядке. Береги башку, тут стекла по всей комнате летают.

Со стены с грохотом сорвался посудный шкаф, пули крошили кирпичный бок небольшой приземистой печки.

- Бой в Крыму, все в дыму, - бормотал Юрченко, загоня магазин в автомат левой ладонью, перемотанной обрывком тряпки.

Морозов выдернул из щеки стекло и снова на корточках подобрался к оконному проему.

- Грамотно бьет...

Приподнявшись на локте, Амелин поймал в прорезь прицела освещенную вспышками дверь сарая. В лицо, мешая целиться, сыпала мелкая снежная крупа. Гранатомет ударил звонко и коротко, а через секунду эхом отозвался взрыв выпущенной гранаты. Пулемет замолк, из открытой двери пополз сероватый слоистый дым.

- Готов, сучий сын, - подождав минуту, сказал Юрченко и подмигнул Морозову: - Каков командир!

Морозов, чертыхаясь, ощупывал щеку.

- Еще один осколок, - пожаловался он. - Глубоко засел, пинцет нужен...

Тяжело раненный пулеметчик лежал в глубине кирпичного сарая. Приподнявшись на локтях, он, тяжело дыша, наблюдал за Амелиным и Морозовым, которые подходили к нему, держа наготове автоматы.

Амелин осветил лежавшего электрическим фонариком. Камуфляжная куртка была в нескольких местах разорвана осколками, перебитая правая нога неестественно вывернута. Молодой, лет двадцати, с редкой темной бородкой, боевик беззвучно шевелил губами.

- Не стреляйте, - почти неслышно прошептал он.

- Сам сдохнешь!

Морозов отшвырнул лежавший рядом с ним пулемет. Пол был усыпан стреляными гильзами.

- Целый магазин по Сашке выпустил. И бронезилет не помог.

Сарай использовался в качестве склада. Громоздились ящики с патронами и гранатами. В углу стояло несколько огромных брезентовых мешков с камуфляжным обмундированием. На стенах гроздьями висели армейские шипованные ботинки, запасные автомобильные камеры, нагрудники с карманами для автоматных магазинов и ручных гранат. В четырех продолговатых ящиках лежали хорошо смазанные автоматы АК-74.

- А вот это уже серьезно!

Амелин показал на стоящие у стены 82-миллиметровые минометные стволы, видимо, приготовленные для транспортировки, и отдельно к ним двуноги и опорные плиты.

Разобранные крупнокалиберные пулеметы в густой смазке лежали, накрытые брезентовым пологом.

Морозов откинул крышку металлической коробки и вытащил тяжелую патронную ленту с разноцветными пулевыми головками.

- Крутой мужик Абазов! Скоро здесь будет жарче, чем на южных границах.

Николай, возьми Иванова и облейте бензином все хозяйство. - Амелин посмотрел на раненого пулеметчика. - Давай вытащим этого орла, пусть дед его забирает. А сарай подожжешь, когда будем уезжать.

Вместе с Морозовым они отнесли боевика к дому, где жил с семьей хозяин точки.

- Выживет - его счастье, а нет - туда ему и дорога.

Амелин подошел к Юрченко, который о чем-то разговаривал с Лагутиным.

- Где Решетков? - спросил Сергей.

- Да тут такое дело, - замялся Юрченко. - Это не Лагутин. Не летчик...

- Как не Лагутин, а кто ж тогда?

- Я, Витя... Братчиков...

Только сейчас Амелин разглядел, что это совсем молодой парень.

- Откуда ты, Братчиков?

- Из автобата. Водитель сто шестого отдельного автобатальона, рядовой. А в плену - с октября прошлого года. Скоро четырнадцать месяцев будет. Господи, не приведи Бог кому другому... - он заплакал.

- Ладно, успокойся, Витя.

- Я знал... знал, что меня все равно освободят. Вы меня долго искали?

- Долго, - помедлив, отозвался Амелин.

Ему не хотелось рассказывать рядовому Братчикову, что искали совсем не его, вычеркнутого из всех списков и уже никому не нужного, кроме своих родителей.

- Не плачь, все позади, - обнял его за плечи Сергей. - Ты думал, мы тебя не найдем? Плохо ты спецназ знаешь!

- А мама, отец? Как они?

- Нормально. Послушай, Витя, здесь, кроме тебя, были еще пленные?

- Были. Два летчика. Их привезли четыре дня назад. У

одного, который постарше, был сломан позвоночник. Он в первую ночь умер. А второй, старший лейтенант, его звали Женей, убежал. Он и меня уговаривал бежать, но я испугался.

Юрченко сидел на крыльце, подняв растопыренную ладонь. Иванов, высунув язык, бинтовал ему руку. Саня Кошелев лежал у стены дома. Лицо было накрыто шапкой. Ватная куртка и брюки были занесены тонким слоем снежной крупы.

- Только они его сразу поймали, - продолжал Братчиков. - По следам нашли. Сюда привезли. Заставили раскопать могилу, где лежал старший летчик, и здесь же застрелили.

- Кто стрелял? - спросил Морозов.

- Вон тот, - Братчиков показал на боевика, убитого Амелиным. - И еще хозяйский внук, Рахим. Он не хотел, но его заставили уже в мертвого выстрелить пять или шесть раз.

- Где могила, покажешь? - поднялся Амелин.

- Покажу. Они за кошарой лежат...

Когда раскопали яму и положили обоих летчиков в пластиковые мешки, Амелин, морщась, как от зубной боли, спросил Морозова:

- Вы этих гробов целлофановых много с собой набрали?

- Пять штук.

- Ты выбрось пятый. Хватит трупов.

- Выброшу, - пообещал Морозов. - Я понимаю.

Они пересекли границу на одном из небольших пропускных пунктов в стороне от Чемкара. Полицейский, перебрав стопку паспортов и виз, взялся было сверять фотографии. Амелин вложил ему в руку несколько десяти- и двадцатидолларовых ассигнаций.

- Все нормально?

- Нормально, - ответил полицейский, возвращая документы. - Проезжайте.

Пограничники на российской стороне заглянули в будку.

- Что везете?

- Груз двести...

Молодой лейтенант, предупрежденный о возможном возвращении группы на его участке, посмотрел на Амелина, потом на Морозова, сидевшего за рулем. Хотел было сказать

что-то сочувственное, но, перехватив жесткий, почти враждебный взгляд небритого человека, сидевшего за рулем, козырнул, пропуская машину.

Шел снег. Барханы по обочинам дороги превратились в бело-голубые холмы. Зелеными темными шапками торчали кусты таволги. Редкие придорожные тополя роняли последние листья. Снежная холмистая равнина тянулась от горизонта до горизонта.

Владимир ХРИСТОФОРОВ

ГРИБНОЕ ЛЕТО В ВЯЗЬМЕ

ОТ АВТОРА

Для некоторых читателей описываемые события будут узнаваемы не только географически, но и фактологически. В своих домыслах они окажутся, однако, не совсем правы, здесь есть смещение не только во времени, но и в местонахождении персонажей, ибо живут и здравствуют свидетели, жизнь которых подвергать возможной опасности автор не вправе.

Те читатели, которые подумают, что описываемые события происходили где-то рядом с Вязьмой, будут, несомненно, более близки к истине. Хотя истина известна только автору, да и то не до конца.

ДЯДЯ ВАСЯ СОЛИДОЛ

Апрельским солнечным деньком 1994 года из маленькой полузаброшенной деревеньки, что расположена в западной части Вяземского района, вышел человек, известный всей округе как дядя Вася Солидол. Работал он некогда колхозным механизатором и на любые неисправности сельскохозяйственной техники глубокомысленно изрекал: “Солидолу, стервцы, жалеете, вот и гробите механизму.” Отсюда и прозвище.

Итак, шурясь с похмелья на нетронутый снег в ближнем леске, Вася Солидол бодро шагал в этот самый лесочек, чтобы вырубить новый шест под телеантенну.

Прислушиваясь к гулу близкой автотрассы, он остановился, чтобы сладить самокрутку, и тут взгляд его остановился

на человеческой руке, торчащей из-под весеннего снега. Сморгнув видение, Вася Солидол отвернулся и крепко выругался в том направлении мысли, что бабкин самогон, для духовитости сдобренный пригоршней махорки, может и до кондрата ивановича довести. Однако краем глаза скопил туда, где привиделось это. Рука, она и осталась рукой, сжатая притом в кулак, почерневшая и как бы побитая молью. Должно быть, птички поработали...

Бывший механизатор осторожно, шагок за шагом, приблизился, пытаясь разглядеть под снегом то, что должно быть рядом с рукой согласно анатомии человека. И разглядел, вернее уловил, под оплывшим снегом очертания этой самой "анатомии". Стремительно и троекратно перекрестившись, присел, достал из голенища кирзача нож, стал соскабливать снег там, где предполагалась голова. Ему хотелось увидеть лицо: а вдруг кто из знакомых, хотя вроде никто за эту зиму в округе не исчезал.

Вася Солидол не знал, что по криминалистическим соображениям как раз этого делать было нельзя: вытяившая ткань тела на солнце быстро разлагается. Но свое вполне естественное любопытство он осуществил с предельной аккуратностью, даже увлекся работой, пожалев, что нет под рукой кисточки. И вот на свет выявилось лицо мертвеца, слегка повернутое на левую сторону. Лицо молодое, отрешенное, с плотно сжатыми губами, усы и волосы черные. А слегка сдвинутые густые брови словно говорили о предсмертной моментальной удивленности.

- Кто ж тебя, мил-человек, и за что? - пробормотал Вася Солидол, но, вспомнив вчерашнюю газетную статейку о разборке двух мафий в Самаре, подумал: "А можа, свои своего? Можа, за дело".

Тут ему пришел на память случай, вколыхнувший весь район. Ровно пятнадцать лет назад бесследно пропал в лесу его дружок-пастух, такой же забулдыга, как и он. Царствие ему небесное! Искали, предполагали всякое - тщетно! Как в воду канул. О пастухе забыли все, только не он, Вася Солидол помнил. Тот случай напомнил совсем другой, происшедший несколько месяцев назад. Короче, был пойман зверюга в образе человека: затащив (опять же с той же трассы) молоденькую девчушку в лесок, он изнасиловал ее, потом зверски убил. Вся беда в том, что и его Вася Солидол хорошо знал: пятнадцать лет назад он работал в этой же округе пастухом,

потом приезжал-уезжал, и в последнее время, говорят, вернулся окончательно в свою деревню. С тех пор Вася Солидол его не видел...

То, что убийца пятнадцать лет работал пастухом, профессионально насторожило майора Фидинеева, талантливого сыщика, обладающего феноменальной памятью, к тому же уроженца этих мест. За давностью лет пропал у людей свидетельский страх, и кое-кто вспомнил, что в тот злополучный день, уже под вечер, пастух с женой подались зачем-то в лес. Вспомнил, что на следующий день женщину видели в Вязьме, в Троицком соборе, где она ставила поминальные свечи.

Это, естественно, не улики, тем более пятнадцатилетней давности, но Фидинеев на всякий случай провел стремительную психологическую атаку, сыграв на женском самолюбии супруги убийцы-насильника, в том плане, что тот, возможно, никогда не был удовлетворен совместной жизнью, что, дескать, есть такие женщины. Прием грубоват, но тут уж было не до деликатности. И без того горящая ненавистью к мужу-насильнику женщина, что называется, сломалась, сгоряча закричал: "Это я-то?! Да вы еще найдите такую... Что б он сдох, изверг! Я ему эту девчонку не в жисть не прощу, она же ему, кобелю, во внучки годилась... Я знаю, дадут лет десять, а отсидит половину. Уже было такое на памяти. Ни черта, к стенке его! Это он, он тогда по ссоре застрелил своего сменщика-пастуха. А закапывали тело в лесу вместе. Могу показать. Пожалела тогда, изверга, на свою голову..."

...Этот случай раскрытия убийства пятнадцатилетней давности настолько поразил Васю Солидола, что он тут же уверовал, пусть с изрядной долей религиозности, в неотвратимость возмездия. К тому времени он ударился в веру. Факт этот повлиял на него и с другой стороны: больше всего он стал бояться нечаянного воровства с коровьей фермы, которую охранял. Не говоря уже о других возможных проступках.

...Еще раз взглянув на застывшее лицо мертвеца, дядя Вася Солидол хотел было уже бежать в деревню, но его взгляд снова приковала торчащая рука. Она подтаяла на весеннем солнце и приоткрылась. Ему почудилось, что в уголке ладони что-то сверкнуло. Еще раз трижды перекрестившись, тыльной стороной ножа он тихонько отогнул пальцы - на снег упала белая монетка. Вася поднял ее, отер о штанину: это

была не монетка, а какая-то медалька, с колечком на ободке. На одной стороне просматривался женский профиль, а на другой - нерусские буквы.

- Да это же иностранец, - прошептал Вася. - Я сразу по обличью подумал. Во, дела! - Сунув медальку в карман, он затрусил в сторону деревни, потом остановился отдышаться, еще раз посмотрел в сторону леса и по каким-то своим неведомым приметам подумал: "А лето нынче обещает быть грибным. Ох грибным..."

Уже дома, переодеваясь в чистую верхнюю одежду, чтобы идти в соседнюю телефонизированную деревню, Вася Солидол вспомнил о медальке. Карман телогрейки оказался пуст, вывернув его, он обнаружил небольшую дырку. Успел походя наорать на старуху за нерадивость, но возвращаться искать было недосуг. "Прочешу местность после звонка", - решил он.

МАЙОР ФИДИНЕЕВ

Звонок о трупе в весеннем лесу раздался у майора Фидинеева - средних лет блондина огромного роста и такой же силы - в 13.50.

"Как всегда, бутерброд падает маслом вниз", - сокрушенно подумал он и с тоской посмотрел на 20-литровую канистру в углу кабинета. Она была пуста. А в его отделе лимит на бензин кончился еще три дня назад. Перебивались дружескими связями, а то и собственным карманом. Бензин будет завтра, Фидинеев смотрел на часы: а вдруг сегодня пронесет и не будет дальних срочных выездов. Нет, проклятый бутерброд падает в голодные времена именно маслом вниз. Он любил мудреные афоризмы, но на ум приходил всегда почему-то этот, простейший как кирзовый сапог.

Между тем его мозг, как бы независимо от его хозяина, обрабатывал всю полученную информацию о трупе, хотя телефонные звонки трещали ежеминутно.

Телефон уже давно стал бедой майора. Вернее, телефон тут был ни при чем. Причина заключалась в свойстве характера Фидинеева: его знала в городе (как тут не прибегнуть к избитой фразе?) каждая собака. А учитывая еще его стремление к справедливости, изначальное человеческое участие и, наконец, просто мужское обаяние, майор стал для одних сво-

его рода “телефоном доверия”, для других - “скорой помощью”, для третьих - “ходячим городским справочным бюро”, для четвертых... Впрочем, об этой категории пока помолчим... Достаточно и этого набора, чтобы служебный телефон майора к концу дня раскалялся, словно ствол крупнокалиберного пулемета. Фидинеев злился на себя, но не мог никому отказать в совете или практической помощи.

А кроме того, у него была еще и основная работа. Удивительное заключалось в том, что эти “помехи”, с одной стороны, мешали основной работе (в том смысле, что приходилось работать чуть ли не круглые сутки), а с другой - помогали.

Вот и сейчас, отвлекаясь на второстепенные звонки, он непрерывно думал о найденном трупе в нескольких десятках километрах западнее Вязьмы.

Особенно раздражал второй звонок - бывшего одноклассника Тольки Завихряева. Нынешней ночью с его мотоцикла, который, кстати, можно назвать мотоциклом лишь в минуту сильного воображения, сняли заднее крыло. Толька был в глубоком трансе и нудно ныл в трубку:

- Как же я теперь? Он мне как друг... Я ему даже имя дал - Жамочка. Жамкнешь по педали, а он уже из-под тебя, подлец, норовит выпрыгнуть.

Зная все это, Фидинеев направил к Тольке опытного участкового. Нет, тот опять звонил, интересовался, как идут розыски, достаточно ли задействовано агентов и милицейских сил. Кое-как отвязался от этой Жамочки.

“А труп этот - безнадега, висяк, - размышлял майор, - не наш труп”.

Вообще к трупам Фидинеев относился как к своим законным клиентам, если так можно назвать убитых. Он даже их как бы любил, как может врач любить своих пациентов... Аналогию можно продлить, если включить в этот список патологоанатомов, но не станем продолжать эту скользкую тему.

Телефон снова затрещал:

- Это я, Татьяна Николаевна...

Она же - Танька Блеф, проходившая по делу подростков-рэкетиров. На этот раз Татьяна Николаевна трезвым, слегка плачущим голосом сообщила: ее квартиру обчистили до нитки.

- Золотая моя, ты сначала скажи: давно “сошла со стакана?”

- Вот те крест, бриллиантовый мой! В глухой “завязи” с

прошлого месяца. Аж самой стыдно за бесцельно прожитые дни и трупы поклонников у ног.

- Про трупы молчи, мне и без тебя хватает. С кем сейчас тусуешься?

- Все те же, но реже: возраст, дорогой. Помоги, я так нищенствую, а тут последнее...

- Конкретнее - что пропало?

- Видак, посудешка хрустальная, главное - тряпки...

- Родная моя, найдем мы твои "лантухи". К четвергу. Сейчас некогда. Кстати, твой Герман получил квартиру. Вполне могло туда перекочевать твоё барахло.

- Да-а?! Вот новость! А он мне - ни-ни и к тому же слинял дню три назад. Спасибо, миленький! Чао!

"А труп не наш, - сверлило мозг. - Пропавших с такой внешностью не было ни в прошлом, ни в позапрошлом году. Этот-то лежит с зимы, ну, может быть, с поздней осени".

Опять звонок, на сей раз из морга.

- Товарищ майор, думаю задержать по некоторым прикидкам Коровина...

- Кольку Коровина? - переспросил Фидинеев. - Нет, этот парень такое не сделает. Я его знаю. Если кто и решится чем-то поживиться с трупа, то иди к Спиридонову Витьке. Коровина не трогай...

Близкая автотрасса нередко поставляет в местный морг жертв дорожно-транспортных происшествий. Вот и находятся любители поживиться с еще теплого покойничка.

"А выезжать, как ни крути, надо. И чем быстрее, тем лучше", - с грустью решил майор. Он взглянул на часы, прикинул: пока бензин, пока дорога, а темнеет быстро: что там в темноте разберешь? Нет, пролежал зиму, пролежит еще до утра, лишь бы в деревне не нашлись свои спиридоновы...

Утром Фидинеев ехал на место происшествия с обычным чувством профессионального интереса: что на этот раз?

Оперативная группа собралась приличная - на двух машинах: сам начальник вяземской милиции, начальник уголовного розыска, судмедэксперт, криминалист, старший оперуполномоченный...

Фидинеева сразу чем-то очень насторожил дядя Вася Солидол. Во взгляде из-под шапки, напоминающей брошенное воронье гнездо, таилось какое-то дополнительное беспокойство, испуг. Так бывало почти со всеми, кто обнаруживал трупы, но здесь было что-то еще, чего майор понять не мог.

Господи, извечный страх стать свидетелем, а то и соучастником... Живет в народе проклятый 1937-й...

Вася Солидол повел всю оперативную группу к месту происшествия.

- Сколько же ты раз, дядя Вася, бегал туда-сюда? - вдруг спросил Фидинеев, рассматривая следы на снегу.

- Два, - выдавил старый механизатор, - р-рогожкой лицо покрыл. Воронье тут... По-честному, гражданин начальник, то три. Приглядывал, мало ли что...

- Сторожил, выходит? - улыбнулся Фидинеев.

- Так точно, товарищ командир! - радостно выпалил Вася Солидол, уловив в интонации майора шутливую нотку.

- А зачем же ты ползал вокруг трупа? - строго спросил Фидинеев.

- Это самое... улики искал. А вдруг чего потеряли. Да вы не сомневайтесь, трупик целехонек, как огур... кхе-кхе, - мужик смутился.

- Вижу, что не тронут, - вступился начальник милиции, - только зря вы его так раскопали, видите, что с лицом стало. А нам опознавать. Тут работа не фотографу, а специалисту из мастерской Герасимова. Слыхали про такую?

- Никак нет!

- По костям восстанавливают. Впрочем, нам ли до мастерской Герасимова...

Вся группа невесело заулыбалась. Кроме Васи Салидола, которого мучила совесть. А как сказать? Взял, именно взял с трупа эту проклятую медальку, считай - украл. И потерял. Сегодня исползал все свои следы... Может, обойдется?

Стреляли в затылок, пуля вышла через левый глаз и лежала тут же. Видимо, заряд был старый, а стреляли в упор, пороховые следы видны невооруженным глазом.

Тем временем каждый занимался своим делом, не будем на этом останавливаться: ничего интересного. Ну просто ничего. Карманы куртки и джинсов пусты, как и положено. Одежда иностранного производства, а кто сейчас в нее не облачается с ног до головы?!

И тут кто-то заметил почти невидимый небольшой карманчик на брюках убитого. Палец прощупывал нечто тонкое и постороннее. Осторожно спорили клапан кармана, и взору предстал серенький, вчетверо сложенный листок. "Проколотись убийцы, всего обыскали, а этот карманчик и не заметили", - подумал привычно майор.

Листок неплохо сохранился. Развернули. Фидинеев прочел крупные печатные буквы сверху: "Декларация".

- На болгарском языке. Хорошо, остальное мы расшифруем, здесь не так сильно размыто...

Почти поголовный опрос жителей двух деревень ничего не дал: сюда до сих пор заруливают на ночь шоферы, спасаясь от рэкета на трассе.

Фидинеев долгим взглядом посмотрел за кромку леса, туда, где натруженно гудела трасса, и подумал: "Вот и все. Этот человек оттуда. Убили и смылись. Не наше это "дело". Декларация - на груз, а груз ушел в Москву или далее. Если бы болгарин возвращался из России, то и декларация была бы на русском. Мы сделали важные поддела: труп опознают. Вторая половина дела за другими службами, центральными, международными"...

Весь обратный путь майор думал о найденной пуле. В этой ситуации она вряд ли что даст. В той же маленькой Вязме бродит по рукам, уходит-приходит немало стволов. А сколько их по стране?! Такого вооруженного времени Россия не знала никогда. Делают стволы одинаково во всем мире, но каждое оружие, как и отпечатки пальцев, имеет свои тончайшие особенности. Посмотрите в микроскоп на лезвие бритвы - зубцы одни, но расположение и размер их у каждого лезвия различны.

ДОБРОМИР РАЧЕВ

Полумиллионный Пловдив - один из древнейших и прекраснейших городов Европы. На его месте существовал древнефракийский город Эвмолпиады, который Филипп II Македонский за 400 лет до н. э. переименовал в Филиппополь. Название же "Пловдив" появилось на географических картах лишь в XVII веке. Теперь это второй по численности населения город в стране, раскинувшийся на берегах реки Марицы. Из промышленности интересны здесь точное машиностроение и цветная металлургия. Есть в Пловдиве хорошо сохранившийся античный театр, музей французского писателя Ламартина, памятник русскому солдату Алеше, который "демократы" решили снести...

Но не это нас сейчас интересует. В Пловдиве с 1933 года ежегодно проводятся крупнейшие международные ярмарки.

Они собирают не только коммерсантов со всего мира, но и представителей мафиозных структур - в этом плане русская бригада далеко не на последнем месте.

А пока мы спускаемся по крутой узкой улочке от угла Музея Ламартина к центру, потом сворачиваем в еще более узкий булыжный проулок и попадаем в дом Добромира Рачева. Вот уже полгода, как здесь воцарилась гнетущая тяжелая атмосфера, которую время от времени безуспешно пытается разрядить хозяин дома Богумил Рачев. Это случается, когда к ним приходит Георгана - невеста Добромира. Тогда усилием воли преобразается и Румяна - мать Добромира. О пропавшем в России сыне уже не говорят: все переговорено, все передумано. Но каждый раз в черных бархатных глазах Георганы с первой секунды горит немой вопрос: "Что из России?"

А ничего. Богумил уже до дыр изучил ту часть карты России, где пролегал маршрут сына. Иззвонил посольства и консульства, истер пороги разных организаций, извел горы бумаги на заявления в прокуратуры и полиции, истратил немало левов на международные переговоры, особенно с московским торговым домом "Сталкер". Именно туда предназначался груз Добромира - несколько тонн аудио- и видеотехники.

Туманную надежду вселила ясновидящая Ванга. "Он вернется", - только и сказала она Богумилу.

Биография Добромира обычна для тридцатилетнего добропорядочного болгарина: школа, армия (в Болгарии солдаты приезжают на выходные домой), завод по производству линейных и оптических датчиков, перестройка... Именно она изменила в корне жизнь токаря Рачева (по-болгарски это звучит очень ласково - "токарчик"). Пошли сокращения, низкая зарплата - это вынудило отодвинуть свадьбу, и Добромир с большим трудом устроился водителем на международных рейсах. Все!

Но у Добромира быда другая слава на весь Пловдив - альпинистская. Он покорял вершины мира, о нем много писали, и он являлся президентом местного клуба "Любители гор".

И вот настал день... Богумила вызвали в криминальную полицию. А через некоторое время многие газеты Болгарии вышли с кричащими заголовками: "Под Смоленском найден труп известного альпиниста Рачева", "Болгарская земля ждет тебя, Добромир", "Опять Ванга оказалась права". Были и такие: "Россия - страна убийц", "Мы прикончим здесь пятых русских"... Заслуживала внимание, однако, статья в не-

большой частной газете “Навсегда”. Что стоит один подзаголовок, набранный мелким шрифтом: “Нити убийства Рачева тянутся к русско-турецкой мафии в Пловдиве”. Есть там такие слова: “Существует русская бригада, занимающаяся переброской оружия в Россию. Во главе ее стоит турок болгарского происхождения Осман. В его обществе однажды видели Добромира Рачева. Что бы это значило?”

В тот же день Богумил, Румяна и Георгана расклеили по городу ксерокопированные траурные сообщения о смерти сына и жениха, а утром следующего дня Богумил уже был в софийском аэропорту.

Еще спустя неделю запаанные в цинк останки Добромира похоронили неподалеку от Пловдива. Пройдет время, и прах его смешается с прахом древних фракийцев, римлян, славян, турок...

Печальный круг замкнулся и начался другой, мучительный и долгий. Продав виноградник на берегу реки Марицы, Богумил Рачев решил вернуться в Россию, чтобы провести собственное расследование загадочной гибели сына. Это было безумием, ведь по профессии Рачев - станкостроитель, кстати, не раз бывал у своих коллег в Иванове. Отлично знал русский язык.

В Россию Рачев прибыл как бы не один. Днем раньше и почти с такой же целью прилетел в Москву бывший гражданин СССР, специалист по теле- и радиоаппаратуре Майстер. Его не столько интересовал убитый Рачев, сколько исчезнувший груз.

Здесь пора раскрыть основную тайну. В видеотехнику были искусно вмонтированы приборы дистанционного управления взрывными устройствами. Изготовили их подпольно на Пловдивском заводе линейных и оптических датчиков. Эти симпатичные механизмы, чем-то напоминающие обычные шоферские антирадары, прозвали “гномами”. Задача Майстера заключалась в следующем: обследовать Москву и Вязьму - а вдруг там осела часть видеотехники с пропавшей фуры? Маловероятно, но... Рядовой потребитель ничего не поймет и примет характерную сетку на экране за помехи местного ретранслятора. А вот если ему вздумается показать аппарат телемастеру - лишняя деталь может озадачить любого.

В случае удачи эстафету у Майстера принимали головорезы “фирмы” Османа. Требовалось лишь дать шифрованное сообщение по факсу фиктивной пловдивской фирме “Арена”

такого содержания: "Контракт состоялся, ждем инвестиций".

В этой трудновыполнимой акции не просматривалось особой заботы о сохранении технического секрета "гномов", все равно рано или поздно их скопируют российские электронщики. Интерес был чисто финансовый. Главарь русско-турецкой мафии Осман просто жаждал отыскать грабителей ценного груза. На этой недопоставке, пусть и застрахованной, он терял несколько миллионов долларов.

А в московском торговом доме "Сталкер" о "гномах" знал лишь один человек - Васильчиков, за которым стоял целый подпольный синдикат по производству взрывных устройств. Эта "фирма" выкинула немалую сумму в виде половинной предоплаты, "гномы" ей нужны были позарез: от отечественных они отличались малым весом и повышенной надежностью.

Подпольный синдикат по изготовлению взрывных устройств работал на армейской и самодельной технике. Глубоко законспирированная и разветвленная банда носителей смерти обслуживала горячие точки СНГ, не гнушалась заказами мелких террористических групп внутри России. Структура синдиката была устроена так, что разгром одного филиала, скажем в Туле, не влиял на целостность оставшихся других. Вовсю шла вербовка новых специалистов из числа безработных и малооплачиваемых оружейников. Взрывчатки хватало в избытке, она шла непосредственно с заводов и армейских складов.

Прокол с "гномами" был губителен для синдиката еще с одной стороны. Это был пробный шар, такой канал открывал новые возможности в будущем, когда потребуется заниматься ядерными делами. А это время надвигалось, пресса уже захлебывалась от скандалов, связанных с утечкой плутония. Ну и, конечно, наркотики...

С момента исчезновения фуры служба контрразведки синдиката искала следы, зацепки. Сообщение болгарских газет подтолкнуло к новым усиленным розыскам.

Это же известие подняло на ноги еще одну, совершенно самостоятельную, группу банальных грабителей машин на автодороге Брест - Минск - Москва. Совершенно случайно она "положила глаз" на фуру Добромира Рачева, не догадываясь ни о каких "гномах". Пасла ее от самой границы, действовала примитивно и нагло, наняв убийцу по кличке Марафон. Но этот Марафон, похоже, перехитрил всех, исчезнув вместе с фурой.

А вот капитан милиции Шелегеда из Московского областного УВД приступал к расследованию преступления почти с чистого листа, имея на руках лишь труп да листок декларации. Удалось узнать фамилию водителя, страну, откуда он выехал, дату выезда, время проезда таможен, характер груза. Это была шарповская техника с испанского конвейера, причем многое из того, чего еще не знал в широком масштабе российский рынок, - скажем, цветной подвижной дисплей, позволяющий наблюдать снимаемую картинку из любого положения. Были очень дорогие экземпляры - по 1300 долларов, получившие приз "Золотая награда Эдисона". Груз оценивался в баснословную сумму.

Шелегеда пока ограничился сложнейшими по своему исполнению запросами. Первый: кто из фирмачей Москвы начиная с декабря - время убийства водителя - скупал и покупал партии аудио- и видеотехники.

Как же, открывай рот шире - так тебе и выложат информацию о товаре, да еще левом. Второй запрос по линии ГАИ: сколько и у кого зарегистрировано машин-фур марки "Мерседес". А как узнать ту единственную? Скорее всего, она или разобрана, уничтожена, или преспокойно наматывает километры где-нибудь в Чечне или Прибалтике. Как туда дотянуться?

ДАЧНИК

С середины апреля потянулись первые дачники. Их в округе немного - на каждую старую деревню по две-три семьи. Но и это как-то разнообразило довольно скучную жизнь селян. Дачники первыми вскапывали землю под картофель. Обычно последним днем посадки картофеля считалось 9 мая. Дядя Вася Солидол, однако, в этот день усиленно отмечал День Победы, а потом пошли дожди, и только тринадцатого он взялся за посадку. Ему помогал постоялец с Закарпатья - мужчина в годах, степенный. Напросился на месяц-другой, заплатил хорошие деньги, сказал, что собирается перебраться в Россию и вот думает присмотреть хорошую деревню. Говорил с акцентом, хорошо разбирался в технике, но, по понятиям Васи, ни бельмеса не понимал в политике. Приятный, вежливый. Пусть живет.

С помощью болгарского посольства Богумил Рачев вышел

на следователя Шелегеду. Тот как раз принял к производству дело об убийстве водителя. Он был поражен странным решением болгарина пожить возле места, где нашли сына. Сразу проникся к нему невольным уважением, понимая, сколь сложно это все оформить. Напрямую спросил Богумила:

- Сами решили расследовать?

- Не знаю, но постараюсь, - уклончиво ответил тот, - просто тянет туда.

- Тогда вот вам телефон в Вязьме. Есть там майор Фидинев, я с ним на курсах сдружился. Мировой мужик! В случае чего - к нему. А я ему позвоню.

Стоя у окна, он понаблюдал еще некоторое время за крепкой фигурой болгарина, пересекающего мокрый асфальт, покачал головой, вздохнул. Убит под Вязьмой, груз шел в Москву... А если преступление планировалось еще в Болгарии или где-нибудь в Белоруссии? И вообще, чья это прерогатива - уголовного розыска с прокуратурой или контрразведки? Одни вопросы.

Пока же Шелегеду удалось выяснить, что под конвоем фура прошла Польшу (почему Польшу?), а на таможне Бреста Добромир Рачев позвонил в торговый дом "Сталкер", и в тот же вечер поездом выехал в Брест охранник. Он прибыл вовремя, но фуры на месте не оказалось. Белорусские таможни, а также посты ГАИ прохождение грузового "Мерседеса" не зафиксировали. Допрос охранника ничего не дал.

ИНОСТРАНЕЦ В ВЯЗЬМЕ

Борис Борисыч - так назвался Богумил - взялся отремонтировать Васе Солидолу старую швейную машинку и теперь целыми днями сидел, изучая внутренние органы механизма.

- Это "Зингер". Вечный двигатель, - говорил он, снимая очки. - А у меня, Васил, не выходит из головы случай, о котором ты рассказал...

- Сам, мил-человек, все думаю. Майор мне аккурат поручил дознаться, всем учинить допрос, с этим... как его... пристрастием. Да только народец несознательный - регочут, мол, давай "корочки".

- Какие "корочки"?

- Да ксиву, удостоверение. Ничего, я поеду в Вязьму, так ему и скажу: давай, командование, мандат.

- Неужели никто выстрела не слышал? - опять принялся за

свое Богумил. - Ночь. Зима. Тихо. Машина тяжелая, разбу-
дит всю деревню...

- Мало ли сколько их тут проезжает... Может, его, беднягу,
на легковушке привезли, а машину оставили на трассе. - Вася
Солидол влил в себя стопку "первейшего", покосился на
печку, где дремала бабка, перешел на шепот: - Грех на мне,
Борисыч. Взял я что-то. Сначала потерял, потом, когда снег
стаял, нашел на кочке. Исползал все поле. Щас покажу, так
и быть...

Дядя Вася Солидол полез за икону, достал что-то в тря-
почке, развернул. Богумил вцепился взглядом в вещицу, ост-
орожно взял ее и сжал в кулаке.

- Георгана... Брелок на память Добромиру, - пробормотал
он по-болгарски.

- Что-что-что? - зачастил обеспокоенно Вася. - Какой Геор-
гий? Богумил разжал пальцы, улыбнулся хозяину дома:

- Это брелок на счастье. Для ключей зажигания. А здесь
профиль Георганы... Есть такая женщина...

- Богиня, вроде Венеры?

- Да, богиня... Налей-ка еще. За удачу! Продай мне брелок,
Васил.

- Ишь, какой шустрый! Тут серебро - раз, память - два,
вещь непродажная - три, - отрезал довольный собой Вася
Солидол.

- Зачем ты утаил от следствия? Плохо, очень плохо, - уко-
ризненно покачал головой Богумил. - А вдруг здесь вся раз-
гадка?

- Сам мучаюсь, Борисыч. Не хотел утаивать, да так вышло.

- Сейчас же отдай, - предложил Богумил. - Скажи, нашел
только. Хочешь, вместе поедем? Или я сезу в Вязьму, мне
все равно в сберкассе надо. Решай.

- Некрасиво получилось, очень некрасиво. Не, самому со-
вестно ехать. Поезжай ты и расскажи майору, как дело было.
Может, простит.

С утра пораньше Богумил отправился в путь, намереваясь
выйти к трассе к семи: именно в это время проходит рабочий
автобус дорожно-ремонтной службы. В который раз оглядел
окрестности. Лесной мир встречал лето, у обочины уже вов-
сю пробивалась щетинка изумрудной травки, но общую кар-
тину пока оживляли лишь вечнозеленые кусты елей и редкой
сосны.

Воображение рисовало всегда одно и то же... Вот дорога,

которая идет до дальней деревни Яминской, далее - тупик. А здесь, где стоял Богумил, находится первое ответвление до деревни, где он поселился. Далее - опять тупик. Казалось, не было никакого смысла убийцам сворачивать в этот тупик, стоило еще проехать по прямой километра два, где нет ни одной души.

Что же заставило убийц вдруг резко свернуть вправо, проехать крошечную деревеньку и сразу остановиться, чтобы увести (унести) еще живого (?) Добромира в ближний лесок?

Только одно - впереди стояли машины, вот здесь, где, по рассказам жителей, обычно останавливаются на ночь шоферы, опасаясь рэкета на трассе. Убийцам пришлось выбрать не самый лучший вариант, прекрасно сознавая: весной труп будет обязательно обнаружен.

С этими мыслями он приехал в Вязьму, сошел на перекрестке у Андрейкова, сел на автобус и вышел на площади Советской. Вверх по улице шел не спеша, заглядывая в каждый магазин: сначала в книжный (купил буклет о Вязме), затем в "Эдельвейс" (для Василя взял бутылку водки), в продовольственный... Набор в коммерческих лавках был беднее болгарского: там рынок оккупировали Греция, Турция, Румыния, хотя хватало товара со всего света.

Фидинеев, как обычно, был занят по горло, но, узнав, кто этот человек, сразу отключил телефон - что делал в очень редких случаях. Порасспросил о жизни дачников, умолк, не зная, что сказать.

- Шелегеда мне звонил, - наконец сказал он. - Пока ни одной зацепки, страна огромная. Будем надеяться...

- Я понимаю... Н-да, вот вам еще вещица, принадлежавшая моему сыну, - он все рассказал о брелоке и Васе Солидоле.

Разглядывая брелок, Фидинеев покачал головой:

- Мне сразу в нем что-то не понравилось, суета какая-то. А брелок может кое-что рассказать, например, о борьбе в кабине. Ваш сын, очевидно, ухватился за ключи зажигания и оборвал цепочку колечка, на котором были ключи. Оставьте пока у меня.

На прощание Фидинеев вдруг сказал:

- Если там постоянный отстой машин, значит, должны крутиться пацаны, летом их наезжает немало, а есть ли зимой - не знаю. Клянчат всякие баночки, иной раз могут что-то стянуть или отвинтить. Поинтересуйтесь.

СОБИРАТЕЛИ БАНОЧЕК

На улицах Вязьмы всюду весело поблескивали весенние лужицы, дробя солнце на мириады ослепительных осколков. Люди, надев после зимы легкие одежды, зябко поеживались, но на лицах так и читалось: слава Богу, тепло, скоро лето...

Богумил постоял возле старой пятиглавой церковки с сохранившимися чугунными решетками. Сбоку из ворот выкатилась пожарная машина - точно такие, сработанные в СССР, до сих пор есть и в его Пловдиве. Богумил любил рассматривать архитектуру храмов, понимал в этом и сразу безошибочно определил век. У него на родине, стране туризма, такие памятники давно отреставрированы, освобождены от ненужных соседних построек - вокруг размещены многочисленные летние кафе, магазинчики, скверы.

Он не спеша пошел в сторону автостанции, заглядывая во все магазины. Когда-то туристы из Советского Союза везли в Болгарию вот эти самые утюги, электрозажигалки для газовых плит, кипятильники и, конечно же, обязательные две бутылки водки. Теперь такая нужда отпала, меняй рубли на левы, сколько хочешь, а еще лучше - на доллары.

Привокзальная площадь встретила Рачева "развалом" стихийного белорусского рынка. Чего тут только не было! Он задержался у пирамиды баночек с пивом и безалкогольными напитками. Сразу вспомнилось замечание майора Фидинеева о мальчишках, собирающих пустые баночки. Выбрал пять самых ярких, купил.

Прежде чем сесть на смоленский автобус, вынул из кармана заграничный паспорт, пачечку долларов и сунул в тайник сумки, устроенный им еще дома в двойном дне. На всякий случай: никто не должен знать, кто он и зачем здесь.

Рачев, конечно же, перезнакомился со всеми ребятами, проживающими в соседней деревне. Расспрашивал их о машинах, заезжавших зимой, но ничего конкретного не узнал. Теперь он решил зайти с другого конца...

Лишь три подростка, учащиеся Андрейковской школы-интерната, наезжали в деревню зимой на каникулы, изредка по пятницам и субботам.

С одним из них, Славкой, Богумил разговорился возле вагончика-магазина. Начал с излюбленной мальчишеской темы - оружия, затаившегося в окрестных землях с времен последней войны.

- Его тут навалом, надо только места знать, - сказал равнодушно Славка, парень лет четырнадцати. - Плугом часто выпахивают, да только все забирает себе агроном, у него оружия уже полный чердак. Если вам надо, сходите, за пару бутылок подберет приличную винтовку.

- Лучше и безопаснее собирать баночки, - сказал Рачев и вынул из сумки одну, под цвет апельсинового сока.

Славка оценивающе оглядел баночку, улыбнулся:

- Мы все тут ∞ трассе "банкуем", потом вымениваем или продаем другим пацанам. У Сереги полсарая этих банок.

- Пойдем к нему, - предложил Богумил.

- Не, идите один, мы сейчас с ним того... Да вон он.

Сережка, вечно нмыгающий простуженным носом подросток с плутовски бегающими глазами, сразу загорелся, увидав в руках Рачева новую баночку.

- Такой у меня нету. Махнем? Я вам дам пять из-под баварского пива.

- Идет. Пошли посмотреть твое баночное хозяйство.

Они прошли двор небольшого домика. Вышла мать, заинтересованная появлением постояльца дяди Васи Солидола.

- Мы баночки посмотреть, - крикнул Сережка, - меняться пришел.

"Вот дурни-то, - подумала про себя женщина, - что стар, что млад. Совсем свихнулись на этих баночках".

Пока Рачев перебирал завалы банок в Сережкином сарае, удалось кое-что выведать. Да, Сергей в прошлую зиму приезжал в декабре, выклянчил несколько баночек у заезжих шоферов-иностранцев. Рачев попросил вспомнить о каждом слу-чае отдельно. Паренек насторожился, ушел в себя.

ГАЗОВЫЙ БАЛЛОНЧИК

- Вспомни, Сережа, все случаи, когда тебе давали баночки, - снова попросил Рачев паренька.

- Ничего такого, - шмыгнул носом Сережа. - Если есть - из кабины выкинут. Гонять стали...

- Почему? Что тут такого?

- Ай, все из-за Кости. Раз он задний подфарник отвинтил, потом брезент разрезал - коробку с мылом свистнул, еще раз в кабину залез, ключи стянул. Шоферы иногда собираются в одну кабину поесть, вот он и...

- А где этот Костя? Не бойся, я не из милиции. Хочешь, все баночки отдам за так - полные!

- Полные?! - глаза паренька расширились. - Не врете? Костя с матерью уехал совсем. Вон тот дом продали. На Украину подались, к бабке, говорят. Перед отъездом все мне отдал - баночки, подфарники, канистрочку...

- Ладно, Сережа, ты сам вспомни: от нашей деревни в ту зиму кто-нибудь выезжал на основную дорогу?

- Зачем вам это? - опять насторожился Сережка. - Ищите кого-то?

- Ищу, - признался неожиданно Рачев, - ищу убийцу того болгарина, которого нашел дядя Вася Солидол.

- Вы из милиции? Так бы и сказали.

- Не из милиции, частный я сыщик, понял? Тебе ничего плохого не будет. Вот моя рука.

Польщенный Сережка осторожно пожал протянутую руку:

- В вашу деревню машины не заходят, там плохой разворот - прямо по полю, а здесь, сбоку от бывшего химсклада, осталась асфальтовая площадка. Поляки про нее знают, больше никто. А в тот день мы с Костей потемну, как обычно, вышли на добычу. Стояло три фуры. Две - на площадке, а третья, последняя, съехала в кювет и забуксовала, перекрыв дорогу. Ее можно было вытолкнуть только сзади, а никак не объехать - с этой стороны тоже канава. Один поляк приходил в деревню трактор искать, сказали - утром вытащим. Мы подошли к застрявшей фуре, все трое шоферов что-то под передние колеса пихали. И вот со стороны вашей деревни сверкнул свет фар. Поляки бегом кинулись к повороту, замахали руками. На дорогу выползла огромная белая фура, остановилась. Через некоторое время прыгнул шофер, пошел с поляками к застрявшей машине. А мы с Костей зашли с тыла, фура оказалась цельнометаллической. Костя с ходу принялся откручивать задний подфарник, а я с правой стороны открыл кабину и сразу увидел на полу баночку. Схватил и услышал от Кости: "Атас! Идет!" Короче, белая фура вытащила машину поляков, потом задом снова подалась до поворота, развернулась и уехала. Мы - домой. Баночка оказалась газовым баллончиком, мы похожие видели в Вязьме, в "комках". На следующий день Костя проверил баллончик на кошке: пшикнул - и та сразу лапами кверху. Так и не отошла. Хотели еще спробовать на крысиной норе, да весь газ вышел.

- Есть этот баллончик? - почти вскричал Богумил Рачев.

- Есть, я берегу его для обмена, - Сережка полез сдвигать банки на полках, вытащил узенький баллончик ядовито-желтого цвета.

Рачев осторожно взял баллончик, рассмотрел со всех сторон, даже понюхал отверстие. Крупно выделялась цифра "1" с бесконечными нулями.

- Миллиард! - вслух пробормотал Рачев. - Такова концентрация этого нервно-паралитического газа. Человек выходит из строя часа на два, возможен смертельный исход. У нас такие продают тайно...

- Где у вас?

- Там, далеко, - отмахнулся Рачев. - Я у тебя его забираю. Теперь вспомни, как выглядел шофер белой фуры.

- Высокий, тощий. Без шапки. В куртке с молниями, как у летчиков, воротник меховой. Лица мы не видели, темно было.

- А голос, голос слышали?

- Вроде он крикнул: "Спешу, мужики". По-русски. А поляки ему загродили дорогу...

- Какого числа это было? Вспомни, дорогой!

Сережка наморщил лоб:

- Так, погодите. Пятнадцатого, значит, к деду пришел Вася Солидол - мой день рождения справляли, мать пельмени лепила. На следующий день я ремонтировал тележку, возил из колодца воду скотине, вечером телек смотрел, никаких машин не было. На другой день мы махались с Костей банками, он мне еще старые электронные часы дал. Точно, а вечером мы пошли на добычу.

- Значит, это было семнадцатого декабря, - сказал Богумил и снял шапку.

НЕЗНАКОМЕЦ С ПИСТОЛЕТОМ

Утром следующего дня Рачев снова голосовал на трассе, вызвав немалое удивление у Васи Солидола. Он, кажется, что-то заподозрил. А днем, узнав от матери Сережки про баночки, крепко задумался. Станный, странный этот Борис Борисыч. Надо бы документик глянуть, все что-то вынюхивает, бродит днями в лесочке, где нашли труп, деньгами сорит, а домами совсем не интересуется. Коли решил подобрать для жителя деревню, так и надо ездить по округе - что время терять? Вчера сказал, что хочет проехать по трассе, заглянуть в деревни, а сам даже резиновые сапоги не надел - кругом сейчас грязюка...

Так размышлял Вася Солидол, разглядывая починенную Борис Борисычем швейную машинку. "А башка у него по технической части варит, ничего не скажешь, не грех от такой свой "чердак" мозгами поднабить", - подумал он.

Внимание дяди Васи отвлек лай собаки и мелькнувший силуэт за окном. Кого это еще несет? Он вышел на крыльцо и чуть нос к носу не столкнулся с парнем в кожаной куртке. Вдали на повороте заметил красную легковушку.

- Дед, попить дай, - требовательно попросил незнакомец, уставившись тяжелым взглядом на хозяина дома.

- Не лень было сюда топать? Вон у дороги изба, там свой колодец...

- Да мне бы бутылочку самогончика. Сказали, ты балуешься. Сам понимаешь, "колосники" со вчерашнего дня горят.

- Ничего у меня нету! - вдруг разозлился Вася Солидол, а про себя подумал: "Я этой стерве Матвеевне язык-то подрежу. Самогончика нашла... "Колосники" горят... Кому лапшу вешать? С трассы едут, а там в каждой деревне по коммерческому ларьку - хоть залейся! Не те времена".

- Ну попить дай! - напирал парень в кожанке. - Чего это ты волком смотришь?

- Пить дам. Погоди...

Парень нахально вошел вслед, огляделся:

- Один?

- Придут сейчас. За хлебом пошли, - ответил туманно во множественном числе Вася Солидол.

- Говорят ты труп нашел?

- Нашел, сейчас по Рассее таких трупов...

- У нас дружок где-то тут пропал без вести, - сказал "кожан", - может, наш. Что нашли при нем?

- Ничего не нашли, - отрезал Вася Солидол, предчувствуя что-то неладное. - Приехала милиция и увезла в морг. Ограбление, оно и есть ограбление - карманы пусты.

-"Кожан" порылся за пазухой, вытащил пятидесятитысячную:

- Купи пузырь себе. И давай рассказывай: что нашли, как был убит - пулей, ножом?

- Не знаю. Подняли и - в машину.

На лице незнакомца обозначились желваки, лицо враз посерело, он вдруг схватил мужика за горло, притянул к себе:

- А врать ты, дед, горазд. Нам старуха и про пулю рассказала, и про бумажку из кармана. Сам и разболтал по всей

деревне. Говори, старая рухлядь, а то придушу - не пикнешь!

Вася Солидол, словно курица, закатил глаза, обмяк.

- Ну! Какая бумажка?

- По-ихнему написано, - выдавил он из себя, - отпусти, задушишь.

- Что прочитал на бумажке мент?

- Н-ничего, размыто все, экспертиза...

"Кожан" толкнул его на стул, вытащил пистолет, приставил ко лбу обомлевшего старика:

- Заруби на носу, дед. У нас в ментовке свои люди, только пикнешь кому - спалю хату с тобой и бабкой. Понял?

Минут пять Вася Солидол сидел, тупо уставившись на дверь, за которой скрылся незнакомец с пистолетом. Перевел взгляд на пятидесятитысячную, недопитый ковш. "Ковш надо сохранить, - подумал он, - теперь-то я не промахнусь. На нем могут быть отпечатки пальцев".

ПОД КОЛПАКОМ КОНТРАЗВЕДКИ БОЛГАРИИ

Сделку с испанскими поставщиками аудиовидеотехники на Пловдивской международной торговой ярмарке заключала небольшая подставная фирма "Арена", только недавно получившая государственную лицензию. Налоговая полиция была удивлена столь крупной закупкой, ибо уставный капитал "Арены" не позволял ей приобрести и четвертой части дорогостоящего товара. Но по бумагам все было гладко: немалый банковский кредит, свалившийся вдруг на "Арену", говорил о каких-то больших связях в Софии.

На всякий случай налоговая служба поделилась информацией с экономическим отделом полиции, те - с контрразведкой. А здесь без труда выяснили, что за "Ареной" маячит небезызвестная фигура Османа. Была установлена за ним слежка - в который уже раз! - но она ничего не дала. "Арена" на законных основаниях арендовала прилегающий к Пловдивскому заводу линейных и оптических датчиков склад-ангар, куда и поступила из Испании закупленная партия аудиовидеотехники. Осман отправился в Турцию, но и там наружное наблюдение агентов болгарской внешней разведки ничего не дало: банки, отели, рестораны, кутежи на загородных виллах, снова отели...

Мелкий конторский чиновник с Пловдивского завода дат-

чиков, работающий на контрразведку, время от времени сообщал: товар на складе, под охраной, днем бывает много людей - видимо, потенциальные покупатели. Не мог он знать, что на ночь в закрытом складе оставался некий Майстер, классный специалист по электронике, бывший гражданин СССР. Это он в ночной тиши начинал телевизоры "гномами", восстанавливал заводские пломбы, заново упаковывал.

Сами "гномы" разрабатывались, совершенствовались и собирались в экспериментальной лаборатории завода, в чем, естественно, совершенно не разбирался мелкий конторский служащий-агент, хотя нос сюда совал под разными предложениями почти через день. "Гномами" занималась небольшая группа специалистов, купленная Османом. В связи со свертыванием основного производства лаборатория уже давно выживала за счет заказов со стороны. Начальник лаборатории всячески поддерживал эту практику, не особо вдаваясь в суть заказов - лишь бы платили. "Гномы" проходили под видом каких-то новых датчиков для вязального оборудования. Другая группа собирала оптические приборы для секретных служб Болгарии. На ночь все опечатывалось, выставлялась охрана, так что посторонний глаз - даже самого начальника лаборатории - совершенно исключался.

"Арена" через заводских ребят подыскала в трансгентстве водителя, им оказался Добромир Рачев, которого знал и любил весь коллектив. С ним пожелал встретиться вернувшийся из Турции Осман.

Встреча состоялась за кофейным столиком прямо на тротуаре оживленной улицы - как бы случайно: шли и присели выпить по чашечке кофе. С Османом был лысый мужчина средних лет, в очках. Добромиру в "Арене" сказали, что за неимением приличного офиса с ним желает увидеться в летнем кафе человек, занимающийся частными грузовыми перевозками в странах Ближнего Востока, жди за таким-то столиком. Осман с лысым очкариком пробыл за столиком ровно две минуты, он только успел сказать Добромиру: "После России заключу с тобой очень выгодный контракт. Желаю удачи в заснеженной России. Увидимся."

Всех троих успела сфотографировать "наружка" контрразведки.

А утром следующего дня мелкий конторский служащий через своего человека, заводского вахтера, получил странную информацию: к складу подъехали в "Пежо" двое, он разгля-

дел это с третьего этажа, убивая скуку созерцанием заводского пейзажа. Они открыли дверь в воротах, вошли, побыли на складе недолго и вышли с третьим спутником - лысым мужчиной, в очках, в куртке цвета ржавчины.

Лишь к обеду мелкий конторский служащий дозвонился до полковника... И именно к этому времени закончилась укладка коробок в грузовой "Мерседес" Добромира Рачева. Эти факты привели полковника к глубоким раздумьям, и он принял рискованное, но единственно правильное решение в данной ситуации: задержать фуру на софийской таможне и проинформировать тщательный досмотр.

СКАНДАЛ НА СОФИЙСКОЙ ТАМОЖНЕ

Задержание на таможне взволновало Рачева и представителя "Арены", выделенного для сопровождения груза до границы с Украиной. "Мерседес", что называется, вывернули наизнанку, обнюхали собаки, прощупали приборами на радиоактивность. Срочно вызвали президента "Арены", сняли с фургона пломбы, выгрузили коробки с аппаратурой, простукали пол, стены - ничего!

Почти в шоковом состоянии начальник таможни связался со своим руководством в Софии, те через центральный аппарат контрразведки позвонили полковнику в Пловдив. Состоялся неловкий разговор, и все же полковник настоял:

- Надо искать. Выставьте на ночь усиленную охрану, а утром займемся колесами и самой аппаратурой.

Добромир Рачев сам снимал резину, проклиная все на свете. Пусто! Из софийской контрразведки прибыл электронщик, проверил заводские пломбы. Президент "Арены" тоже не сидел сложа руки: он вызвал из города арбитра и адвоката, а начальнику таможни в присутствии полковника объявил:

- Включаем счетчик компенсации за причиненный моральный ущерб фирме, не говоря уже о материальном, - потом что-то о графиках поставки, аренде машины, напоследок добавил: - Ваша таможня понесет значительный убыток, а кое-кого снимут звездочки...

Положение оказалось аховым. Электронщик не рискнул трогать пломбы на аппаратах - это грозило миллионным штрафом, - только попросил проверить в работе любой попавшийся на глаза телевизор.

- Модель шикарная, - заявил электронщик, - вот только слегка реагирует на соседнюю радиолокационную станцию, видите сеточку? Этим грешат телевизоры из Сингапура.

Полковник с мрачным видом сел в свою "Ауди-80", пробормотав: "Это - скандал! Пора, кажется, уходить на пенсию".

Президент фирмы "Арена", наделенный Османом чрезвычайными полномочиями и необходимыми документами, вручил Рачеву визовые и прочие бумаги на проезд транзитом в Польшу, а оттуда - в Брест.

- Чем это все вызвано? Зачем такой круг? - недоумевал встревоженный Рачев.

- Все о'кей! Они прокололись, и теперь не оставят тебя в покое, на румынско-украинской границе или еще где-нибудь поближе устроят провокацию. Мы оплатили конвой до самого Бреста. Короче, ты въедешь в Россию совсем с другой стороны и через другое государство. Вот, получи дополнительную валюту.

Спустя пять дней возле своего дома выстрелом в затылок был убит неизвестными лицами мелкий конторский служащий с Пловдивского завода линейных и оптических датчиков, он же - секретный агент местной контрразведки.

Его вычислила собственная служба безопасности Османа. Обыск на таможне - а это был самый настоящий обыск под видом досмотра - заставил главаря банды Османа задействовать все свои рычаги во властных структурах Пловдива. Удалось выяснить главное: контрразведка ничего конкретного не знает, действует в профилактических целях на основе каких-то предположительных донесений рядового стукача с завода датчиков. Свои люди в экспериментальной лаборатории сразу выдали агента, еще и добавили: "Да это ежу понятно - кто; все он тут что-то вынюхивал, набивался в друзья".

Сначала Осман решил выкрасть стукача, попытаться его перекупить или выведать секреты под пытками. Но решил не рисковать - исчезновение всполошит шефа разведки, а тут - банальное бандитское нападение в день зарплаты.

Тем временем полковник связался с румынскими коллегами и получил ошеломляющий ответ: Рачев границу не пересекал. Опять запросы... Наконец, кончик ниточки высунулся у пограничного поста с Беларусью: да, здесь "Мерседес" с аудио- и видеотехникой пересек границу пятнадцатого декабря.

"Уплыла рыбка!" - в сердцах стукнул полковник по столу и закрыл папку.

А еще через некоторое время он узнал об исчезновении Рачева с машиной.

“Я был прав, - писал полковник в рапорте, - только не сумел довести дело до конца... Следует объединить усилия спецслужб государств по розыску болгарского гражданина Добромира Рачева”.

ВАСЯ СОЛИДОЛ ВООРУЖАЕТСЯ

А к вечеру вернулся постоялец.

Дядя Вася Солидол аккуратно правил на тисках дуло своей “ижевки” 32-го калибра выпуска 1924 года. Досталась она ему от отца, верно служила все годы и умолкла лишь в семьдесят восьмом, когда на охоте попала под гусеницу трактора. Ствол напоминал нечто вроде восклицательного знака, но нигде не дал ни трещинки. Оставалось стянуть цевье сталистой проволокой да вбить пару гвоздей...

Постукивая молотком по изгибам дула, Вася Солидол сосредоточенно думал о недавнем разбойном нападении вооруженной банды - так он окрестил появление незнакомца с пистолетом. “Вот, значит, как? - бормотал он в усы. - Пистолетом в лоб? А мы в ответ шквальным дробовым огнем. Надо только брать с полметра правее цели”.

Он приложил приклад к щеке, нацелился в окно - и сразу над медной мушкой мелькнула голова постояльца. Пока Борис Борисыч обтопывал ботинки в сенях, Вася Солидол вошел в магазин латунную гильзу с зарядом дроби “двадцатки” и сунул под кровать. Его подозрительность распространилась и на Бориса Борисыча. “Все они крутятся вокруг трупa. Одна шайка”, - решил Вася Солидол, однако гостя встретил подчеркнуто внимательно.

- А-а, вернулись? Вижу по лицу - нашли деревеньку. Позвольте узнать, в каком таком местонахождении? И ботиночки вон не загрязнили...

Богумил Рачев подмигнул хозяину, щелкнул себя по горлу - мол, принял уже?

- Нельзя! - серьезно отрезал Вася Солидол. - Участковый приходил. - Он пожевал губами и зачем-то добавил: - С пистолетом приходил. Н-да, паспортами интересовался. А вы мне не изволили даже показать. Непорядок! Выговор схлопотал... Так что, извиняйте: или паспорт, или... кхе-кхе...

- Понял, Васил, понял. Завтра я уезжаю совсем, а паспорт в милиции - я же из другой республики.

Это еще больше испугало Васю Солидола, он тут же связал эти два факта - приезд бандюги с красной рожей и отъезд постояльца. А если и он вооружен? Мелькнула мысль: напоить до упора и связать вожжами.

- Вы это... Борис Борисыч, отдохните чуток, а я сгоняю к Матвеевне за "перваком". Примем на "ниточку" за отъезд, по-людски, а? Бабка, грибочков по такому случаю...

- Не уродились еще грибы, - раздалось из-за печки скрипуче, - капустой обойдетесь, а сало - сам знаешь где... Скрутило что-то меня.

Вася Солидол, мысленно перекрестившись, выбежал из избы. Матвеевна открыла не сразу, долго гремела засовом, чертыхалась.

- Какого лешего язык распустила? - накинулся с ходу Вася Солидол. - Зачем про труп ляпнула, да еще меня втянула? Шайка это. Тот, мордатый, хотел сначала меня придушить - вот так! А уж потом пристрелить - вот так! - Он ткнул пальцем в лоб Матвеевне. - А уж после сжечь всю деревню.

- Господи! Чего ты к ночи мелешь? - зашаталась от страха бабка. - У меня же сердце...

- Ладно, разбираться сейчас буду. Давай бутылку!

- Так бы и сказал, - враз успокоилась Матвеевна. - Вечно причину выдумываешь: то у тебя дыхание перехватывает, то бабке своей ревматизму растереть, теперь выдумал банду... Зашел человек попить, слово за слово, а чего ж про труп не сказать, секрет, что ли, какой?

- Тьфу, дура старая! Завтра увидишь, сколько милиции понаедет. Я звонить бегу.

- С бутылкой?

- Бутылка для дела, - перешел на шепот Вася Солидол. - Постоялец мой замешан. Надо его вырубить до утра...

- Ах! Ах! - заахала Матвеевна и прикрыла рот рукой. - А не врешь? Твой постоялец - тип подозрительный, я давно заметила. Погодь, достану одну "смертельную", на дусте и табачном листе - коня свалит. У меня еще с тех пор, когда жив мой-то был, этой отравой его утихомиривала от дебошей. Только сам не пей...

- Тогда давай вторую, нормальную, - потребовал Вася Солидол.

- Дам, дам... Царица Мать Небесная, я же глаз не сомкну...

Вася Солидол, отоварившись, вышел на улицу и услышал за собой грохот, подумал: "Видать, бочкой с капустой решила припереть дверь. Откуда и силища взялась, а все ноет про общую немощь и скудоножие"...

МАЙОР НЕРВНИЧАЕТ

Телефонный звонок застал Фидинеева дома за несвойственным для него занятием - исследованием школьных тетрадей сына-пятиклассника на предмет выявления возможных и неизбежных двоек.

Жена ходила на цыпочках, подчеркивая великую значимость текущего момента: наконец-то отец впервые за весь учебный год взялся за сына. Сам сын сидел напротив, гадая, ка́кая последует кара, когда многое обнаружится.

Но дело не дошло даже до степени воспитательного монолога, потому что раздался звонок.

- Как быть? - бубнил в трубку дежурный по райотделу. - Это по поводу трупа болгарина... Требуется именно вас. Срочно!

...Спустя некоторое время майор услышал далекий неясный крик, потер лоб, закурил сигарету "Ява", заметив боковым зрением, как жена смела тетрадки со стола и подчеркнуто громко хлопнула дверью.

Пока он ничего толком не мог понять, но вдруг почувствовал всей кожей - началось!

А в трубке с хрипом и кашлем раздавалось:

- Этот... с пистолетом... заодно, видать, с постояльцем. Может, его вырубить? Я от Укусникова, пенсионера-фронтовика... У него с войны еще граната... Тьфу, гранаты нет, но ежели чего...

- Говоришь, с гранатой приходил? И пистолетом? А укус зачем? И что ты рубить собрался? Давай, дядя Вася, все с самого начала, спокойно, не нервничая.

- О, Господи! Не рубить, а вырубить, ну, по-вашему, замочить... В смысле отключения через алкоголизму до исключительного вырубона. Погодь, тут Укусников трубку рвет...

Наконец с помощью пенсионера-фронтовика Фидинеев разобрался в ситуации, приказал постояльца не трогать, а следы протекторов машины сохранить до утра.

Тем временем там, в деревне, Укусников, положив трубку,

чуть не двинул по физиономии Васе Солидолу:

- Чего ты, стервец, про гранату выдумал? Статья же...

- Звиняй, сорвалось... Ты же прошлым летом рыбу глушил гранатой...

- Пень ты чумелый. Еще и про это вспомни... Иди и умолкни до утра, следы карауль, чтоб дождем не размыло. Постояльца "мочить" не надо, но на всякий случай успокой самогонкой - все польза будет, да и сам меньше надерешься...

Вася Солидол благополучно добрался до своего поворота, обошел следы машины, тихо проник во двор Матвеевны. Там содрал с теплицы несколько лоскутков пленки, укрыл следы - они хорошо сохранились на съезде с основной дороги.

...А ранним утром, пока криминалист изучал следы протекторов, майор застал в избе такую картину: на кухне, опутанный вожжами, спал Богумил Рачев; на лежанке в обнимку с искривленной одностволкой храпел сам Вася Солидол. Бабка выглянула из-за печи и снова скрылась. В воздухе нестерпимо воняло сивухой и еще чем-то, отдаленно напоминающим полузабытый и родной запах клопиной отравы.

Первым делом майор освободил болгарского гостя - тот кулем свалился на пол. Вася Солидол очнулся, попытался отдать честь, а после кружки капустного рассола враз отрезвел, правда, все еще не выпускал дробовика.

Постепенно вырисовывалась картина в мельчайших подробностях. Труднее всего оказалось с приметам незнакомца.

- Рожа - во, - твердил Вася Солидол. - Будто скотинной крови опился. Сам со шкаф, а на клешнях наколки в виде перстней...

Фидинеев тоскливо посмотрел в окно, потер лоб:

- Давай по порядку... Глаза, лоб, уши, шрамы... Так, теперь с ростом определимся.

- А что будем делать с сообщником? - кивнул на лежащее тело Вася Солидол.

- Уложи по-человечески, немного поправь... Это наш человек. Он действительно не сегодня-завтра уедет. Проводи как положено. Главное, не бойся никого. Но будь начеку! А вот за ковшик спасибо, мы проверим на нем пальчики в лаборатории. Самопал свой береги, он пригодится еще вместо кочерги. Бывай! А разговор у нас еще будет...

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА КОНТРАЗВЕДКИ ВЫХОДИТ НА МАЙСТЕРА

Специалист по телеаппаратуре Майстер, начинивший шарповские телевизоры “гномами”, прибыл в Москву под видом представителя болгарской фирмы “Арена”, но под другим именем. В торговом доме “Сталкер” он встретился со своим коллегой Васильчиковым - человеком, который знал о “гномах” и который обязан был выбрать их из телевизоров, затем передать подпольному синдикату по изготовлению взрывных устройств.

Васильчиков связался с контрразведкой синдиката - те установили тщательное наблюдение за прибывшим электронщиком из Болгарии, однако никакого “хвоста” не обнаружили. А он тем временем уныло прочесывал все комиссионные магазины Москвы, приценивался к шарповским телевизорам, внимательно осматривал их задние стенки. Впрочем, ему было достаточно мельком взглянуть на нижнюю планку, чтобы сказать: есть в аппарате “гном” или нет.

Наконец контрразведка подпольного синдиката в лице двух накачанных парней решила встретиться с Майстером и Васильчиковым, а заодно и покутить в полутемном круглом зале загородного ресторана “Иверия”.

Под шашлык, коньяк “Наполеон” и акробатические номера полуголых девиц четверка распределила обязанности: Майстер продолжит прочесывать все магазины и фирмы, торгующие телеаппаратурой; Васильчикову выпали телеателье - а вдруг кто сдаст забарахливший “Шарп”, начиненный “гномом”. Парни-качки взяли на себя роль телохранителей-пробивал, наводчиков на нужных людей.

Но читатели, конечно, догадываются, что в зале ресторана находилась и группа сотрудников Федеральной службы контрразведки. Дело в том, что она давно уже занималась розыском синдиката по производству взрывных устройств. Анализ многих терактов в России и за ее пределами наводил на мысль: взрывные устройства сработаны одной фирмой, нити тянулись в Москву. Через одного задержанного исполнителя удалось сесть на “хвост” этим двум парням из так называемой контрразведки синдиката. Уже целый месяц руководитель группы полковник Шумков пас их повсюду, шаг за шагом, ночь за ночью, прослушивал все разговоры, проверял окружение, однако ни разу эти спортивные амбалы не проколо-

лись, не вышли на связь со своим непосредственным руководством. Было ощущение, что они живут сами по себе, веселятся, заводят новых и новых девиц, дружков.

Так на самом деле и было, если не считать, что им было поручено подыскивать кандидатуры для будущей вербовки: требовались люди-курьеры в разные точки СНГ, включая Дальний Восток и Китай...

Полковник Шумков много лет проработал во внешней разведке КГБ, на положении нелегала жил долгие годы в одной из западноевропейских стран, был профессионалом высочайшего класса. Ему ничего не стоило так обустроить наружное наблюдение, что доморощенные контрразведчики, несмотря на всю серьезность этих слов, ни разу не почувствовали за собой "хвоста".

Однако эта долгая рутинная работа начинала надоедать, да и вызывала скрытое неудовольствие генерала, начальника отдела ФСК.

И вот в поле зрения разведки попали два совершенно новых лица - лысый мужчина в очках и франтоватый пижон с модной бородкой. Интуиция нашептывала полковнику: эта встреча не рядовая, коли она происходит в "Иверии" - за этим рестораном водилась самая дурная слава, с точки зрения контрразведки. И потому полковник вызвал на всякий случай еще две машины, двух миловидных сотрудниц... Короче, подкрепление.

Тем временем вечер набирал силу. Под неопикуемый рев жующей и пьющей публики очень известная своей вульгарностью полуголая каскад-певица исполнила в третий раз популярную дореволюционную песенку "Маленький, малюсенький, вот такой"... К ее ногам летели доллары, лилось шампанское. Сбивая столики, толпа неистово прыгала и скандировала: "Еще! Еще!"

"Вот так, наверное, начинался нэп", - подумал полковник Шумков и перевел взгляд под арку массивной, под старину, двери. Там уже стояли две сотрудницы в вечерних нарядах, их сопровождающие. Несмотря на такой соблазнительный "арсенал", знакомства с четверкой завести так и не удалось: никто из них ни разу не вышел из-за стола, не соблазнился на танцы и прочие искушения. Это было совершенно непохоже на парней, в других менее дорогих местах они вели себя вольно, если не сказать развязно. Это усилило подозрения полковника. Четверка изрядно выпила, глазела на сцену и почти весь вечер промолчала, если не считать самого начала вечера.

В ту же ночь удалось выяснить адреса лысого и пижона. Первый обитал в некогда заштатной гостинице на Тверской, где раньше проживали бедствующие эмигранты, подвергшиеся у себя на родине преследованиям за убеждения. “Куда же он полез? - удивился полковник. - Там же до сих пор все насквозь “просвечивается”. Второй жил возле станции метро “Водный стадион”, в доме, как говорили раньше, с улучшенной планировкой.

К обеду следующего дня Шумков имел на столе почти все, что можно было узнать. И сразу все встало на свои места: двое качков из подпольного синдиката дважды наведывались в торговый дом “Сталкер”, уединялись с Васильчиковым... Вот где возможная тропинка прямо в логово фабрики смерти! А с этим представителем болгарской фирмы “Арена” пока хоть и было все туманно, но ведь не для молчаливого же развлечения поехал он в “Иверию” в обществе малознакомых людей.

Самым загадочным оставалось одно: что так усиленно ищут эти двое в магазинах, телеателье Москвы? Ясно: их интересуют только телевизоры “Шарп”. Но почему, что в них такого?

Господи, как сложно было сейчас достучаться до коллег из некогда дружественной Болгарии! Официальные запросы могли дать результат лишь через определенное время, а полковнику нужен был этот лысый с фальшивым паспортом сейчас, немедленно. Как всегда, выручило посольство и старые связи. Полученные сведения открывали многое и неожиданное: лысый оказался Майстером, бывшим нашим гражданином, в поле зрения пловдивской контрразведки он попал как раз в связи с партией телевизоров “Шарп”, которая вместе с водителем пропала где-то между Смоленском и Вязьмой.

Но при чем здесь неуловимый синдикат по производству взрывных устройств?

Естественно, что об исчезнувшей фуре и водителе полковнику Шумкову не представляло никакого труда узнать. Его сотрудник, не залезая в дебри МВД, просмотрел за ноябрь - декабрь все аналитические и еженедельные обзоры, составленные по сводкам преступлений, которые каждый понедельник ложатся на стол первого вице-премьера правительства России.

Шумкова интересовала аудио- и видеоаппаратура, и здесь он был просто поражен: обзоры через строчку пестрели преступлениями, связанными с кражей этих заветных “ящичков”, призванных всего-навсего развлекать людей. Да, прав был народ Рима, когда требовал: “Хлеба и зрелищ!”

Полковник Шумков нашел капитана Шелегеду из областной московской милиции, который занимался исчезнувшей фурой и водителем. Встреча их, как принято говорить, была конструктивной: решение объединить усилия было принято сразу и бесповоротно. Шелегеда похвастаться пока ничем не мог: поиски машины ничего не дали, аппаратура исчезла. Вот только звонок майора Фидинеева из Вязьмы подавал какие-то туманные надежды. Появление в деревне, где был убит водитель, незнакомца с пистолетом заставляло о многом задуматься... Ясно, что это было звено одной цепи.

Второе звено высветилось при прослушивании очередной записи разговоров Майстера, Васильчикова и двух телохранителей. Вот уж чего не ожидал полковник, так это предполагаемой поездки Майстера в Вязьму - и опять по поводу телевизоров "Шарп". Электронщики ФСК уже выборочно разобрали на мельчайшие составные несколько телевизоров - ничего особенного! Вывод напрашивался сам собой: значит, в болгарских телевизорах находилась "начинка". Но какая? Запросы на пограничную таможню подтверждали: возможные наркотики при самом тщательном досмотре не обнаружены. Но что можно всунуть в телевизор? Оружие? Исключено. Радиоактивные вещества? Опять же досмотр с этой стороны ничего не дал. Выходит, какие-то детали, наконец, золото, драгоценные камни? Мог знать лишь Майстер и Васильчиков, но их ведь не спросишь...

Шумков понимал: разгадку надо искать в Болгарии, в Пловдиве. Начальство, однако, опасалось, что Шумков "уйдет" в чисто уголовное дело, а ФСК нужна была подпольная смертоносная фабрика. И как можно быстрее. С поездкой в Болгарию решили повременить, а все внимание сосредоточить на поездке Майстера в Вязьму - до его отъезда, как показало прослушивание, оставалось чуть меньше недели.

"КРЕСТНИК" МАЙОРА ФИДИНЕЕВА

Сыщик Фидинеев, собиравший пословицы русского народа, всегда, когда ему приходилось обращаться за помощью к авторитетам уголовного мира, вспоминал следующую глубокомысленную сентенцию: "Не важно, как действует хирург скальпелем, - лишь бы больной ушел с "верстака" живым". На что жена его, преподаватель-русист, говорила: "Эта, с по-

зволюния сказать, поговорка, родилась в твоей голове. Как оправдание”.

Встречи с авторитетами уголовного мира не были такими уж частыми - только в крайнем случае. За них надо было платить, а точнее, на что-то закрывать глаза. Речь шла не о сокрытии каких-то преступлений - нет! Здесь все сложнее и проходило, как говорится, по линии чисто психологической. В том мире считается высшим шиком, если кому-то из авторитетов позволено свободно проходить в “ментовку”, беседовать с Самим на разные темы. Предполагалось, что такие “дружеские” связи как бы равняют и тех и других, открывают возможности для честного противостояния, без нарушений каких-то джентльменских правил игры, вернее, - борьбы.

Так, однажды Фидинеев пригласил к себе одного из авторитетов по поводу совершенного в городе тяжкого преступления “не по правилам уголовного мира”, а точнее, надругательства над малолетней девочкой. Беседа их длилась около четырех часов. На следующий день к нему в кабинет явился (уже одетый к отсидке) преступник.

На этот раз Фидинеев поехал сам. Он сошел ранним вечером на привокзальной площади, потолкался среди белорусских “рыночников”, попутно удивился тому, что те не поленились привезти первые грибы... Грибы майор просто обожал, любил их собирать, сам обрабатывал, жарил-парил и даже солил - отпуск на это время брал. Ему и сейчас захотелось купить кучку первых белорусских грибов, но тут боковым зрением Фидинеев увидел, как к скверику припарковался темно-вишневый “Трабант”. Майор быстро пересек улочку, зашел с правой стороны, открыл дверцу и сел рядом с водителем - мужиком с грубым крестьянским лицом в фиолетовом спортивном трико. “Трабант” тут же рванул с места, круто взял у самой автостанции и помчался по Красноармейскому шоссе.

- Так не годится, майор! - возмущенно прогудел водитель. - Кругом народ - биографию можешь испортить.

- Где же тебя искать? - усмехнулся Фидинеев. - Ты опять в бегах от законной супруги, а твою подругу искать нет времени, хотя прописана она на Московской.

- Язвы вас! В постель готовы заглянуть... Ладно, я давно чист, занимаюсь честной коммерцией, по-вашему, на языке застоя, - спекуляцией. Впрочем, имею лицензию, справно плачу

налоги, чтоб они провалились в преисподнюю.

- Ладно, помолчим о налогах, Федор Евсеевич, - миролюбиво сказал Фидинеев. - Претензий к тебе нет, ты свое отбухал сполна. Как здоровье, нога?

- К непогоде тянет колено. Старею. Нет-нет да и вспомню, как ты отвел пушку - уже кости бы сгнили, хотя гнить в "крытке" не слаще.

- Зато жив, еще по подругам бродишь...

...Это случилось много лет назад: при задержании тогда еще особо опасного Федьки Штыря молодой оперативник на выстрел преступника открыл сгоряча беспорядочную стрельбу на поражение, но в какой-то момент не менее молодой старший лейтенант Фидинеев отвел роковой выстрел - пуля раздробила лишь коленную чашечку преступника...

- Ладно, "крестник", - прогудел, закашлявшись от дыма, Федор Евсеевич. - По чью душу пришел?

Они уже подкатили к перекрестку с улицы Парижской коммуны, и водитель свернул налево, зная, где живет майор.

- Ищу гастролеров со стороны Смоленска. Красные "Жигули", пролысина на правом переднем протекторе. Высокий, в кожаном пальто, с наколками-перстечками на пальцах. На нем висит тяжкое преступление... Общение с ним может испортить кой-кому из твоих дружков биографию.

- Гастролеров в устойчивом уголовном мире никто не любит... Ладно, подумаю. Завтра брякну по "проволоке".

- Надо сегодня. Хотя бы до утра.

"Трабант" вырулил на Советскую площадь, встал напротив дома Фидинеева. Водитель опять закурил:

- Попробую. Жди звонка. А пацан у тебя подросток, вместе ходите за грибами? Нынче обещают грибное лето.

- Как пойдут грибы - сразу в отпуск, да еще недельку "приболею".

Где-то после полуночи в спальне Фидинеева раздался звонок:

- Меняли тут одни колесо на красной тачке. Сам знаешь где. По описаниям - он! Крутые. Нас хотят прижать. Укатали в Москву, на обратном пути заедут за двигателем. Тут недавно "Ауди" грохнулась в кювет - машина всмятку, а у водилы-монгола даже очки не разбились. Вот он и торганул всю целиком.

Фидинеев кое-что уточнил, напоследок сказал:

- Береги ногу, Федор Евсеевич, надо будет, достану штырь

из нержавеющей стали, будешь прыгать, как козел...

- Какой штырь? Скорее, шарнир с блоком.

- Найдем и шарнир.

БАНДА НАХОДИТ ОТЦА МАРАФОНА

Красные “Жигули”... Попробуй найти такую машину в Москве! И все же поиск объявлен, не считая засады Фидинеева с автоматчиками на автодороге Москва - Беларусь рядом с Вязьмой.

Капитан Шелегеда не выходил из комнаты дежурного по МУРу, отслеживая все сообщения о преступлениях, каким-то образом связанных с наличием красных “Жигулей”. Накануне ему в телефонную трубку долго доказывал майор Фидинеев:

- Поверь, дорогой, неспроста они решили прошвырнуться в Москву и обратно. У меня чутье... Это ребята крутые, просто так кататься не будут. Твоя задача - зацепить след в столице.

- Почему их интересует труп убитого водителя? - переспросил Шелегеда.

- Скорее всего, не труп, а пропавшая видеотехника.

Сообщения поступали... Дерзкий угон “Пежо” прямо у ворот французского посольства, задержание гаишниками вооруженных людей в “Волге”, изнасилование в белых “Жигулях” на Рублевском шоссе, опять угон... Все не то.

В третьем часу ночи поступило сообщение из Реутова, расположенного на границе с Москвой: двое из красных “Жигулей” поднялись на второй этаж, вошли в квартиру одинокого пенсионера-отставника. Соседи, проживавшие этажом выше, услышали шум, грохот, крики... Короче, попытка убийства, старик в тяжелом состоянии увезен в больницу.

Капитан Шелегеда немедленно связался с дежурным отделом милиции, обслуживающим Реутово. Удалось выяснить следующее: крик услышал сосед-пенсионер - он читал при открытом балконе. Стал вызывать милицию и от волнения так кричал, что был услышан внизу преступниками. Те, как оказалось, в то время при помощи полиэтиленового пакета душили старика, что-то пытались у него узнать. Услышав крики: “Милиция!”, бросили жертву, поднялись на третий этаж, дали крест-накрест две автоматные очереди по запертой двери квартиры, откуда звонили в милицию. Затем спешно спустились

вниз, сели в “Жигули” и скрылись на автодороге, ведущей в Москву. Один из преступников был одет в кожаное пальто, в руках держал автомат.

Через несколько минут прибыла милицейская машина и “скорая”.

Шелегеда приехал в клинику, когда подполковник в отставке Воеводин был еще жив, хотя находился в состоянии обширного инфаркта.

Говорил он с большим трудом, прерывисто дышал, терял сознание, но в минуту просветления перед самой кончиной вдруг торопливо проговорил:

- В подвале... картошка... телевизор... подарок сына... хочу умереть чистым. Кириллу передайте... я ни о чем не жалею... Виноват перед ним...

Прямо из клиники Шелегеда помчался в Реутово, предварительно позвонив полковнику Шумкову. Через полчаса в квартире Воеводина собралась довольно большая оперативная группа, началась обычная работа: осмотр, опрос соседей, обыск... Соседи поведали, что с полгода назад умерла жена Воеводина, сын уже много лет сидит за убийства, о чем, кстати, тщательно скрывали отец с матерью. Но разве от соседей скроешь?

В подвальном сарайчике под картошкой был обнаружен совершенно новенький, в заводской упаковке телевизор “Шарп”.

Еще всех крайне удивила убогая обстановка квартиры бывшего подполковника-фронтовика: не оказалось даже телевизора - неизменного атрибута любой квартиры. Нет, он не пил и не копил денег, хотя получал приличную пенсию, одевался предельно скромно, куда уходили деньги - оставалось загадкой.

Телевизор ушел в контору ФСК. Там его с величайшей осторожностью вскрыли и обнаружили внутри совершенно посторонние магнитные штучки неизвестного происхождения. Шумков предложил свой план.

МАЙСТЕР В ВЯЗЬМЕ

Майстер в душе проклинал эту нелегальную поездку в Россию. Представлялась она ему совершенно бесполезной, а главное - небезопасной. Искать по Москве телевизоры с “гнома-

ми” - все равно что иголку в стогу сена. Партия “Шарпов” могла уйти и в сторону Калуги, и в сторону Твери - через Сычевское шоссе. Если рассуждать логично, то банда, захватившая фуру, знала: Москва опасна. Кроме того, после Вязьмы существовал таможенный пост в Гагарине - а это еще один риск. Вряд ли они двинулись и в обратный путь, к Смоленску.

Не нравились Майстеру двое телохранителей: из разговора он понял, что они связаны с изготовлением взрывных устройств. Не хватало еще загреметь по одному делу! Вот почему он отчасти обрадовался одиночной поездке в Вязьму, надеясь через пару-тройку дней вернуться в Москву и тихомирно улететь в солнечную Болгарию. Хватит с него! Он всего лишь электронщик, а не шпион. Если у Османа есть желание и деньги, пусть “перепыхивает” всю Россию, включая Дальний Восток.

Еще в этой неожиданной поездке Майстеру безумно хотелось увидаться с бывшими друзьями, хотелось увидеть Ирину... Но и это было невозможно по тем же соображениям личной безопасности.

В купе с ним оказался разговорчивый толстяк, “челночник”. Он скупал кожу в Вязьме, затем вез ее в Тамбов, там сбывал и возвращался за новой партией. Короче, за бутылкой хорошего коньяка они просидели до самой Вязьмы, всласть наговорились, насмеялись над анекдотами: Майстер за всю командировку впервые расслабился, отвел душу. Он представился, согласно бумагам, сотрудником болгарской фирмы “Арена”, который искал рынок сбыта, хотя какой, к лешему, рынок сбыта - Вязьма? Толстяк тут же назвал ему адрес единственного перекупщика аудио-и видеоаппаратуры, между делом поведал об одной коммерческой телемастерской на дому, работающей без лицензии. “Там можно найти любую новинку и еще кое-что”, - загадочно и красноречиво подмигнул толстяк.

Это “кое-что” по-человечески заинтриговало Майстера, и он подумал, что в этом городке можно слегка и подразвезаться.

Прогуливаясь по Вязьме, Майстер вглядывался в дома и лица прохожих, невольно вздохнул: “Как все убого и одинаково в сравнении с западными средневековыми городками. А люди? На лицах отчуждение, настороженность... Какое счастье, что ему удалось покинуть этот “корабль дураков”.

Майстер глазами пробегал афиши и объявления: “Впер-

вые Константин Райкин...”, “Доктор Драйвер (Израиль) лечит алкоголизм...”, “Колледж-компания “Бритэдас - Вязьма” обучает английскому языку...” Местная газета сообщает о пребывании на Смоленщине какого-то Филатова. “Это еще что за птица?” - подумал Майстер, он слышал только о знаменитом офтальмологе Филатове.

Ни один шаг Майстера не остался незамеченным - здесь постарался сам полковник Шумков, включая сотрудников местного отделения ФСК. В телеателье Майстер сунулся со сломанным диктофоном “Сони”, предварительно слегка изменив его электронную схему. Разговорился, поспрашивал о шарповской технике, пообсуждал погоду и виды на урожай грибов, потом намекнул о бутылочке. Вроде договорился встретиться с одним мастером вечером, но почему-то этот мастер не пришел...

“Да какие тут “гномы”?!” - в сердцах сплюнул Майстер на пол зачуханного номера гостиницы, предварительно взяв в “Эдельвейсе” громадную бутылку вина.

В день отъезда, оставив мысль о развлечениях, он отправился в подпольную телемастерскую на дому. Это оказался большой дом в районе Плетниковки, позвонил...

“ГОСПОДИН МАЙСТЕР, ВЫ АРЕСТОВАНЫ...”

Ему открыл худощавый молодой человек с пышными мопассановскими усами. Приветливо изогнувшись, молодой человек жестом руки пригласил гостя внутрь.

Комната, куда они вошли, представляла собой нечто среднее между небольшой телерадиомастерской и еще более небольшим складом телевизоров разных марок.

- Чем могу быть полезен? - учтиво поинтересовался молодой человек.

- Интересуюсь шарповской аппаратурой...

- О-о! Вижу знатока. С изобретением “вечно острого карандаша” (так переводится слово “шарп”) японцы оседлали мировой рынок.

- Да-да, - машинально согласился Майстер, не скрывая выражения скучающего человека, случайно забредшего в мастерскую: ему-то это не знать!

“Шарп” - это не только видео-, аудиотехника, но и копировальная, электробытовая, военная аппаратура.

Но разговор решил поддержать:

- Я знаком с каталогом "Шарп-94". Если у вас есть средства, можете сделать заказ, и напрямую, скажем, из Дюссельдорфа, вам придут фуры со знаменитыми "вьюками" ("вьюкам" - это три продукта в одном: камкордер, ВКМ и ТВ).

Молодой усач рассмеялся:

- Какие "вьюки"? Какие фуры? Мы помаленьку, ну, скажем, с дюжины штук могли бы начать.

- С дюжины? - удивился Майстер. - Так вы можете знать, что "Шарп" модификации ВЛ-Н400 стоит 1300 долларов?! Там.

Владелец мастерской испуганно замахал руками:

- Полноте, полноте! Нам хотя бы ДВ-5450 за 355 долларов. М-да, значит, вас интересует "Шарп"? Есть тут один, еще "неостывший", прямо с испанского конвейера. На той неделе один делец занес на продажу. Могу устроить, но только за "зеленые".

- Показывайте! - почти приказным тоном произнес Майстер.

Владелец мастерской достал с полки коробку, с благоговейным видом вынул аппарат, заботливо сдул с него несуществующие пылинки:

- Вот он, красавец!

Майстер, скрывая зевоту, привычно развернул телевизор к себе задней стенкой, наклонился и - замер, словно от удара: на нижней планке отчетливо виднелись три вдавленные точки - его метка.

Он поднял враз налившееся кровью лицо, вытер вспотевшую лысину и выдавил:

- Беру. Сейчас. Сколько?

- Что с вами? Что вы там такое увидели? - молодой человек тупо уставился на телевизор.

- Это то, что мне надо. Называйте цену.

- Пятьсот баксов.

- С ума сошли! Впрочем, вот, - Майстер полез во внутренний карман пиджака.

- Куда вы с ним?

- В Москву, у меня уже куплен билет.

- Неужели в Москве нет "Шарпов"?

- Мне нужна именно эта модификация. Она вышла из моды давно...

- Как давно?! Вот дата изготовления, - возмутился владе-

лец мастерской. - И потом, я кое в чем разбираюсь: не могла она выйти из моды, если поступила на российский рынок только в этом году, да и то в небольших количествах.

Майстер достал платок, нервно вытер лысину.

- Короче, беру.

- Я вам могу достать еще и еще. У меня здесь человек, набитый этими "Шарпами".

- Еще и еще? - панически переспросил Майстер, сразу вспоминая о задании Османа. - Так я пришлю покупателя, сразу все закупим. Для торгового дома "Сталкер". Дайте адресок.

- На тарелочке с голубой каемочкой? - язвительно улыбнулся владелец мастерской. - Такими вещами не делятся. Аппаратура идет левым путем, тут без процентов не обойтись. Или вот вам одно условие: я электронщик начинающий, а вы, по всему виду, соображаете... Дайте мне небольшой урок по шарповской технике.

- Что еще?

- У меня есть еще один "Шарп". Вскроем оба, и я кое о чем порасспрошу.

Впервые за всю поездку у Майстера родилось какое-то смутное подозрение.

- Вы предлагаете снять заводские пломбы? - спросил он.

- Ну, это дело техники...

- Некогда мне, плачу баксы - и привет родителям!

- Тогда и у меня есть ответное, деревенское - звиняйте, никаких адресов.

Майстер подвигал в раздумье бровями и, решив, что все равно молодой усатый ничего не поймет, согласился.

Владелец мастерской достал еще один "Шарп", аккуратно снял задние стенки, потом в одном отделил магнитные части "гнома", спросил:

- Что это такое?

Майстер взял в руки знакомые детали дистанционки, подумал и глубокомысленно изрек:

- Это, молодой человек, редкая штучная модификация "Шарпов". Она мне хорошо знакома. Защита от любых помех. Обычно встраивается в военную электронную технику. Вам повезло - опытный экземпляр!

Майстер почувствовал шевеление за спиной, оглянулся, и сердце у него упало - к нему подошел седой человек в отлично сшитом костюме, положил руку на плечо:

- Господин Майстер, вы арестованы. Продолжайте...

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Когда Майстер услышал слова: “Господин Майстер, вы арестованы”, он даже не смог встать, сразу ощутив всем нутром великую апатию ко всему и, как ни странно, внезапное облегчение, будто наконец удалось сбросить с плеч страшный груз. То, что его назвали настоящим именем, говорило лишь об одном: “Это - все!” И пока его обыскивал “владелец мастерской”, Майстер тупо смотрел на детали “гнома”, лежащие возле большой хрустальной пепельницы: как они соответствовали с эстетической точки зрения, когда оказались рядом, - сверкающие грани стекла и полированная обтекаемая поверхность “гномов”... Рядом с ними лежали извлеченные из карманов вещи: почти игрушечный пистолетик с перламутровой ручкой, дорогая зажигалка, портмоне, пачка долларов, фальшивый паспорт, записная книжка, паркеровская авторучка...

- Вы говорите, эта техника вам хороша знакома? - начал допрос полковник Шумков. - Защита от любых помех? Встраивается в военную электронику? Опытный экземпляр телевизора? Видите, сколько вопросов. Поясните, пожалуйста.

- Именно так, именно, - попытался взять себя в руки Майстер. - Я ее конструктор, испытываю на “Шарпах”...

Вошел третий человек, специалист по электронике из ФСК, взял детали “гнома” в руки и голосом учителя пояснил Майстеру:

- Мы проверили микросхему, она рассчитана на предполагаемое приемное устройство - через радиосигнал. О каких помехах, коллега, вы толкуете?

Полковник сел напротив Майстера, сдвинул все предметы, включая пистолет и пепельницу, на край стола:

- Давайте не будем с первой минуты портить наши отношения, Майстер. Над вашей головой повисло сразу несколько статей Уголовного кодекса: незаконный переход государственной границы, фальшивые документы, встречи с Васильчиковым и теми двумя, что имеют отношение к изготовлению взрывных устройств...

- Плюс незаконное ношение пистолета, хотя эту игрушку можно назвать оружием лишь в минуту сильного увлечения, - вставил несколько высокопарно “владелец мастерской”.

- Так вот, Майстер, чувствуете, на сколько лет тянет ваша разведывательная деятельность в пользу иностранного государства? - полковник сделал упор на слове “разведывательная”.

Майстер словно бы очнулся:

- Никакой я не разведчик...

- Тем более в ваших интересах рассказать все. Возможно, мы вам устроим встречу с болгарскими контрразведчиками - они просто жаждут вас видеть.

Лысина и ладони Майстера покрылись холодной испариной, только теперь он испытал настоящий животный страх.

- Хорошо, хорошо, я все расскажу, - сбиваясь, быстро проговорил арестованный. - Отправьте меня в Болгарию - там источник всех зол, я все расскажу, и пусть меня судит болгарский суд - там у меня семья, дети... Мое участие, поверьте, невелико, я всего лишь специалист по компьютерной технике, высокого класса специалист, это меня здесь не могли оценить, а там...

Допрос длился весь остаток дня и большую часть ночи. Все валились от усталости, но нельзя было упускать момента - докопаться до истины.

Утром из ворот вяземского отделения ФСК выехали две "Волги" и один "Мерседес", в средней, на заднем сиденье, бок о бок с сотрудниками ФСК сидел осунувшийся и сразу постаревший Майстер. Еще через два с половиной часа за непрошеным гостем закрылись другие ворота - на Лубянке.

ВЫСТРЕЛЫ НА ПОРАЖЕНИЕ

Меры, предпринятые МУРом по задержанию красных "Жигулей", ничего не дали, по крайней мере в пределах Москвы и ближайшего Подмосковья. Оставались автодороги, главная из них - Москва - Беларусь. Всем постам ГАИ была передана срочная ориентировка, гаишников усилили спецназовцами. Оставалось ждать.

Ждал и Фидинеев, устроившись с операми и двумя автоматчиками неподалеку от Андрейкова, где ожидалось появление преступников, намеревавшихся по дешевке купить двигатель от разбитой "Ауди". И на соседнем посту ГАИ все было приведено в боевую готовность. На его сотрудников возлагалась функция второй заградительной линии - на случай, если красные "Жигули" каким-то образом прорвутся через засаду майора Фидинеева.

Механик, пообещавший двигатель "Ауди" и вынужденный теперь всю ночь коротать в гараже с ментами, не находил себе места:

- Подумай сам, начальник, они объявятся - если объявятся - не раньше восьми, когда я прихожу на работу. Чего им тут ночью делать?

- Эти могут нагрять и ночью...

- Э-эх, выходит, и торг с движком сорвался?

- Загонишь другим, не нервничай, возьми лучше термос, согрейся чайком...

Ночь была теплой, с приходом рассвета заморосил мелкий дождичек и сразу покрыл асфальт автодороги словно тонкой пленкой лака. В небе гасли звезды, потускнели огни телевышки и мелькомбината. Повеяло теплым ветерком. Эх, сейчас бы сидеть в лесу у речки, наблюдать, как догорают угли в костре... Фидинеев смачно зевнул, посмотрел на членов своей группы: два опера дремали, прислонившись к большому сварному сейфу каптерки гаража; спецназовцы, положив короткие автоматы на колени, вполголоса болтали о преимуществах "Линкольна" перед "Мерседесом". Механик спал, опустив голову на стол.

Стало оживленнее на автодороге. Фидинеев вызвал по радиотелефону пост ГАИ - там пока было тоже все спокойно, никаких красных "Жигулей"!

Наручные электронные часы пропикали шесть, почти одновременно с сигналом раздался нарастающий шум легковой машины. Судя по скрипу тормозов, машина подъехала на бешеной скорости. Фидинеев растолкал механика:

- Давай, Ильич, встречай гостей. Веди сразу в гараж, а когда выскочим мы - смывайся, мало ли что...

Автоматчики скрылись в гараже, разбежались по своим местам. Фидинеев осторожно выглянул в окно и сразу увидел высокого человека в кожаном пальто. Да, это был он! Однако, к большому его удивлению, вместо ожидаемых красных "Жигулей" у въезда на территорию гаража стоял белый "каблук". Выходит, сменили тачку?

Механик пожал гостю руку, жестом пригласил в гараж. Фидинеев знал: один из автоматчиков сейчас должен находиться за углом гаража, на случай перехвата машины.

Передернув затворы своих пистолетов, все трое замерли у слегка приоткрытой двери каптерки. Механик подвел гостя к месту, где лежал приготовленный двигатель от "Ауди". Был хорошо слышен их разговор.

- А я думал, как это вы на "Жигулях" повезете движок...

- Взяли "каблук". Ладно, сейчас подгоним к порогу - отмыкай ворота.

Гость повернулся спиной к дверям каптерки, и в этот миг Фидинеев с двумя операми выскочил наружу, заломил руки преступнику. Из темноты угла вышел с автоматом наперевес спецназовец.

- Тихо! - негромко приказал Фидинеев, нащупывая пистолет под левой подмышкой гостя - тот почти вдвое согнулся, замычал от боли. И тут совершенно неожиданно громыхнул под носом выстрел: пуля, выбив искру на металлическом полу, улетела в глубь гаража - там послышался звон разбитого стекла. И тут же за стеной взревела машина...

Фидинеев все понял, схватив лежащий у ног ТТ: пистолет выпал из кармана преступника и самопроизвольно выстрелил. Фидинеев крикнул автоматчику:

- Не спускай глаз!

Втроем они выскочили из гаража, чуть не столкнувшись со вторым автоматчиком. Быстро влезли в свой "Москвич" и через минуту оказались на пустынной автодороге. Было видно, как "каблук" приближается к посту ГАИ. Там, по-видимому, ни о чем не догадываясь, у полотна дороги маячили двое гаишников. Один из них, пораженный скоростью, на которой шел "каблук", выскочил на полотно, махая жезлом. "Каблук", не снижая скорости, его обогнул и устремился дальше. Из будки поста один за другим выскочили трое, побежали к милиционерскому "Москвичу". Фидинеев махнул им в сторону дороги. Началась погоня.

"Каблук" сумел оторваться метров на пятьсот, лихо обогнал какой-то ЗИЛ, чуть не нырнув под встречную фуру. Мелькали километровые столбики, стремительно надвигалась голубая табличка - "Относово". Здесь самое узкое и самое опасное место участка дороги. "Каблук" снова пошел на обгон, правая часть его приподнялась над асфальтом, и он почти впритирку прошел вдоль встречной колонны иномарок - расстояние увеличивалось, вот уже прогромыхало полотно моста, поворот, и снова прямая трасса.

- Дави, майор, дави! - вскричал сзади молодой опер.

- Никуда не денется, а нам свернуть шею никак нельзя, - ответил Фидинеев и до отказа нажал педаль акселератора.

Уходило драгоценное время: "каблук" то приближался, то снова отрывался далеко вперед. И вот он внезапно исчез, резко свернув на боковую дорогу. Это был явный просчет преступника - почти все боковые дороги заканчивались тупиком.

К немалому удивлению майора, “каблук” резко тормознул, Фидинеев видел, как над левой дверцей “каблука” взметнулась какая-то точка - раздался мощный взрыв, осыпав все нутро машины градом выбитого стекла.

- Граната! Бей по колесам! - закричал автоматчику Фидинеев и выхватил свой пистолет.

Раздалась одна очередь, вторая... “Каблучок” вдруг завилял, задымил резиной, проскочил еще метров четырехста, на ходу из него вывалился человек с автоматом. Он прокатился к кювету, успев выпустить очередь по машине Фидинеева. Пули просвистели выше...

- Бей на поражение! - крикнул Фидинеев и резко затормозил. В эту минуту сзади заработал автомат гаишников.

Фидинеев тронул машину на малом ходу, через некоторое время он разглядел темную лужу возле головы лежащего.

Это был рыжий крепыш, пули разнесли ему череп. При нем же оказались гранаты Ф-1.

Смахнув осколки стекла с переднего сиденья, Фидинеев рванул назад - мертвый преступник сейчас его не интересовал...

Допрос по горячим следам начался тут же, в каптерке.

Перед Фидинеевым сидел крупный мужик средних лет с перекошенным от злобы грубым лицом. Сверкнув запавшими глазами, он сразу спросил о своем напарнике.

- Мертв. Хотел нас накрыть гранатой, потом за автомат взялся... Итак, почему вас заинтересовал труп болгарского водителя? - с ходу начал Фидинеев.

- Искали убийцу. Как и вы. Козел один кинул нас всех. Ничего, из-под земли достанем...

- Отца уже достали - он мертв.

Преступник дернулся, сдвинул брови, застонал от бессилия:

- Всю, всю родню изведем до последнего колена.

- Это еще как сказать. Кстати, а где красные “Жигули”?

- И это известно? Друг дал...

- Разберемся...

Допрос продолжился в следственном изоляторе Вяземского ГОВД.

Шарапов (так явствовало из документов арестованного) с явным стремлением во что бы то ни стало “достать” Марафона (пусть и руками ментов) рассказал все, что того касалось, не упустив ни одной подробности, даже поездки в

пермскую зону, где не представляло никакого труда узнать адрес отца Воеводина.

Картина вырисовывалась следующая... После побега с поселения Марафон объявился в Вязьме глубокой осенью и осел у какой-то своей давней подруги... Кстати, ее непрерывно искал чуть ли не весь местный криминальный мир. Тщетно! Марафон не сумел уберечь от расправы отца, но подругу сберег.

Проживая в Вязьме, он вышел на смоленских ребят, а уже те связали его с этим Шараповым из Бреста.

В определенное время из-за границы Шарапову поступила информация о намечаемом переезде через границу фуры с видеоаппаратурой. Здесь-то, на границе, ее уже поджидали. На таможне Добромир Рачев позвонил в торговый дом "Сталкер", записал фамилию охранника, который в тот же день вылетел самолетом в Брест. Его, по словам Шарапова, "вычислили" прямо в аэропорту и, как он утверждает, произошла небольшая подмена - охранника на Марафона.

- Минутку! - в этом месте допроса Фидинеев уточнил: - Как подменили? Ликвидировали?

- Зачем нам лишняя мокруха, начальник?! - возмутился Шарапов. - Газовый баллончик, изъятие документов, затем насильное алкогольное опьянение, канава - и гуляй, рванина, от рубля и выше.

- Документы подделывали?

- На копировальной японской технике можно шлепать и доллары с рублями.

- А баллончик такой? - Фидинеев вынул из стола желтый баллончик, добытый отцом убитого.

- Так вы все же ухватили след?! - удивился Шарапов. - Именно этот...

В итоге проделанных манипуляций в кабине рядом с Добромиром Рачевым оказался "охранник" Марафон, вооруженный пистолетом. В сопровождении красных "Жигулей" они спокойно прошли Беларусь, вместе пообедали в кафе, прониклись друг к другу полным доверием, затем без всяких помех и очень быстро проскочили смоленский "тамбур". Отсюда "Жигули" ушли вперед, чтобы подготовить главную часть операции - перегрузить в условленном месте содержимое фуры на грузовики и... Здесь Шарапов отказался что-либо сообщить. Именно перед Вязьмой Марафон должен был баллончиком вырубить водителя, затем, отъехав в сторонку, пристрелить...

- Что вы собирались делать с Марафоном? - спросил Фидинеев.

- Мы следов не оставляем, - туманно проговорил Шарапов. Майор покачал укоризненно головой и машинально произнес некогда расхожую фразу:

- Так не поступают советские люди...

- Так поступают нынешние люди, - парировал Шарапов. - Но этот козел обвел нас вокруг пальца. Ничего, встретимся в зоне, а зона у нас теперь одна - российская.

Шарапов подробно описал приметы Марафона и на этом умолк. Здесь уместно сказать - навсегда! За прошлые преступления (те, что удалось выявить) ему дали по полной катушке - пятнадцать лет. Потом по новым открывшимся обстоятельствам Шарапову назначат следствие и по совокупности преступлений приговорят к исключительной мере наказания.

Оставалось найти Марафона, то бишь Воеводина Кирилла Дмитриевича.

Было ясно, что Шарапов от отца Марафона добивался хоть каких-то сведений о местонахождении его сына. Московский сыщик капитан Шелегеда без особого труда обнаружил в архивах уголовное дело на этого человека: 1955 года рождения, образование среднее, последнее место работы - водитель грузовой машины автобазы МВД СССР. В нем значилось, что в 1980 году он при содействии своего дружка Кухарчука убил двух мужчин. В первом случае мотивы убийства оказались не до конца ясны, во втором - пытался завладеть машиной. Спустя два года Кухарчук якобы явился с повинной: суд приговорил Воеводина к расстрелу, Кухарчука - к 15 годам лишения свободы. Но благодаря неутомимым ходатайствам отца-фронтовика Марафону смертную казнь заменили 15 годами. Отбыв половину срока, Воеводин вышел на поселение и вскоре совершил побег. Далее - история с болгарским водителем.

Среди долагерного окружения Воеводина в поле зрения Шелегеды попала некая Лидия Канатчикова, которую Марафон перехватил у Кухарчука. Вскоре после суда она срочно обменяла свою московскую квартиру на квартиру в Вязьме.

Шелегеда тут же связался с майором Фидинеевым.

ЛИДА КАНАТЧИКОВА

Грибное лето в Вязьме началось как-то неожиданно и бурно. И сразу с благородных - белых, подберезовиков, подосиновиков. На чернушки уж никто и не смотрел, а такая мелкота, как сыроежки, буквально облепила своими розовыми с просинью шляпками парки и скверы города - вплоть до обочин центральных улиц. Потом обвалью пошли опята, в поисках жизненного пространства они лезли почти до самых верхушек старых деревьев - впору надевать на ноги "кошки". Возле магазинов, что напротив площади Ефремова, нельзя было пройти, чтобы ненароком не задеть многочисленные ведра с коричневыми ноздреватыми шляпками грибов.

Деревенские жители грибной урожай вываливали на продажу вдоль всей автодороги Москва - Минск. Так что вяземскими грибами лакомились и в странах Балтии, Москве, возможно, где-нибудь в Польше или Германии. А возле коровьих ферм хватало и шампиньонов, но это - для гурманов. Проезжающие французы искали именно этот гриб.

Майор Фидинеев от всей этой грибной вакханалии просто шалел, считал дни до отпуска и лишь иногда выкраивал пару предрассветных часов, чтобы смотаться на своем "Запорожце" в ближайший лес.

А тут на голову свалилась Лида Канатчикова. Ее адрес майор без труда нашел, она жила в микрорайоне по улице Полины Осипенко. За Канатчиковой установили круглосуточное наблюдение, что не так просто осуществить в условиях Вязьмы. Кое-кто настаивал на засаде, но это представлялось Фидинееву бессмысленной тратой времени - Марафон мог после угона фуры вообще никогда больше не появиться у своей любовницы. Как ни крути, а предстояло выходить на прямой контакт. Из машины майор не один раз наблюдал за этой внешне привлекательной, модно одетой женщиной. Что-то в ней угадывалось неместное - какой-то еле уловимый московский шарм. Она была коренной москвичкой, выросла в интеллигентной семье, только остается догадываться, какой злой рок свел ее с Кухарчуком, а потом с Воеводиным - Марафоном. Впрочем, и это удалось выяснить: с Кухарчуком она училась в одной школе.

С ней почти всегда находилась девочка семи - восьми лет -

дочка, об отце которой не мог знать даже самый прожженный сыщик... Канатчикова работала в одном акционерном обществе главным бухгалтером, получала хорошие деньги, имела валютный счет в банке. Что еще? Ни с кем не дружила, гостей не принимала, вела предельно замкнутый образ жизни. Но ведь именно у нее некоторое время проживал беглый преступник Марафон...

Как потом выяснилось, так называемая контрразведка подпольного синдиката по производству взрывных устройств выходила на бывшую жену Марафона, на всех его предполагаемых подруг, но до Канатчиковой не добралась. Слава Богу, что и Шаратов не дотянулся до Лидии.

Как бы там ни было, а однажды Фидинеев надел свой лучший костюм, критически оглядел себя в зеркале, попросил у жены каплю французских духов, чем вызвал у нее язвительную реплику: "Господи, в какие это времена ты на свидание с женщиной так тщательно собирался? Молодая? Красивая?" - "Так точно. К тому же одинокая". - "Ну-ну, кому ты нужен со своей деревенской физиономией?" - "Помолчи, почти вся Москва состоит из бывших деревенских".

Заметив, однако, озабоченный вид жены, успокоил: "Ну чего ты? Это же работа. Должен я соответствовать собеседнице или нет?" - "Должен, должен. А вот пистолет твой оттягивает пиджак вкривь. Э-эх, к женщине с пистолетом". - "Это, мать, устав велит, век бы его не видать"...

Слегка волнуясь, майор подождал, когда Канатчикова войдет в свой подъезд, почти одновременно поднялся с ней на третий этаж и возле двери квартиры предъявил свое удостоверение - ему важно было увидеть квартиру женщины в тот момент, когда она вместе с ним входит в нее.

Канатчикова побледнела, прижала к себе дочку, но дверь отперла и пропустила вперед майора: "Прошу".

Он попросил показать квартиру, сославшись на то, что никогда в этом микрорайоне не был. Обстановка была приятная, но стандартная: пара ковров, полированная стенка, полки с книгами, мягкий уголок, пианино, телевизор... Стоп! Телевизор был "шарповской" выделки, точно такой, какой видел Фидинеев в местной службе контрразведки.

- Лида, давайте начнем разговор с обыкновенной отвертки. Наверняка в вашей швейной машинке есть тонкая отвертка. Дайте мне ее, пожалуйста.

Получив отвертку, майор развернул телевизор, вскрыл зад-

нюю стенку, еще некоторое время повозился там и вынул прибор, напоминающий что-то среднее между портсигаром и электробритвой.

- Это приспособление к смертоносным штучкам, - сказал майор, - Воеводин даже не догадывался о них, угоняя фуру.

Разговор сразу вошел в нужное русло. Канатчикова откровенно рассказала обо всем.

“СКЛОНЕН К ПОБЕГУ И НАПАДЕНИЮ”

Лида Канатчикова со школьной скамьи дружила с Кухарчуком. Затем пути их разошлись, они встретились вновь, когда тот уже работал водителем на автобазе МВД СССР. Кухарчук был давно разведен и поселился у нее. Лида вскоре поняла, что жестоко ошиблась: Кухарчук систематически пил, жестоко ее ревновал, грозил даже расправой, если она порвет с ним. Постепенно она сблизилась с другом Кухарчука - с Кириллом Воеводиным, тот показался ей добрым, интеллигентным, начитанным - с ним было интересно. У них росло взаимное чувство.

Однажды в порыве пьяного угара Кухарчук похвастался двумя своими убийствами двухлетней давности, пообещав ей подобный конец. Канатчикова не выдержала и заявила в милицию.

Расклад оказался совершенно неожиданным для нее: Кухарчука принудили к добровольной явке с повинной, пообещав сохранить жизнь, если тот докажет основную вину в убийствах своего дружка Воеводина. Итог: Воеводину - исключительная мера наказания, ему - 15 лет.

Канатчикова пережила тяжелейшую депрессию, сразу после суда обменяла московскую квартиру на квартиру в Вязьме. Из душевного тупика ее смогло окончательно вывести лишь рождение дочери, отцом которой являлся “смертник” Кирилл Воеводин.

И вот спустя восемь лет к ней на улице подходит “с того света” сам Кирилл. Совсем другой Кирилл - постаревший лет на двадцать, худой, болезненный...

Они проговорили всю ночь. Кирилл сознался, что Кухарчук его шантажировал, грозил расправиться с родителями, если тот откажется помогать ему в грабежах. А в тех двух убийствах Кирилл лишь “присутствовал”, боясь от страха что-

либо предпринять. “Крючок” оказался мертвым, и он с тех пор не мог уйти из-под влияния дружка. А спустя два года - арест, суд, тюрьма и так далее.

Фидинееву Канатчикова сказала:

- Кирилл мне признался, что за годы тюрьмы и лагерей стал иным человеком. Да, у него изменилась психология, сместились жизненные ориентиры. Теперь он ни перед чем не остановится, все равно найдет себе место под солнцем. Так сказал. Вы знаете, он разуверился, особенно после перестройки, во всем, только мне по-прежнему доверял. Про дочку я ему ничего не сказала, но он, кажется, что-то понял. Короче, пожив у меня с месяц, Кирилл исчез, а в декабре, к Новому году, привез вот этот телевизор и целый чемодан сладостей. Сказал, что нас не бросит, но вынужден на год исчезнуть, чтобы потом совсем увезти в Крым. Сказал, что у него в руках большие миллионы...

- А вы? - спросил Фидинеев.

- Я ему прямо: мол, догадываюсь о его миллионах, не собираюсь жить под вечным страхом нового ареста. Он согласился, но поклялся обеспечить нас до конца жизни. Слово свое он сдержит, я знаю.

- Все?

- Все. Правда, что он убил болгарского водителя?

- Правда. В тех двух убийствах он не присутствовал, а участвовал. Мы побывали в зоне у Кухарчука... Тот, во всяком случае, так утверждает, так показало и следствие.

- Какой ужас! - Лида сжала виски. - Его сделал таким Кухарчук, я в этом уверена.

Нет, Фидинеев не был до конца удовлетворен этим разговором, что-то уходило в сторону, и он решил сделать двухнедельный перерыв - пусть успокоится, задумается...

Спустя две недели он назначил встречу Лиде Канатчиковой в скверике у памятника адмиралу Нахимову. Лида достала из сумочки “Кент” (“Ого!” - удивился майор. На такие сигареты ему было бы мало двух зарплат), прикурила от дорогой зажигалки.

- Давайте начнем с той минуты, когда Воеводин принес вам телевизор и сладости, - предложил Фидинеев. - Как был одет, на чем приехал, что говорил...

Лида, задумавшись, проговорила:

- Вы поймите меня... Как бы там ни было, но в первый раз все исходило от меня...

- Подождите, - перебил ее жестко майор. В первый раз его посадили в 1978 году - за мошенничество, тогда он еще не был знаком с Кухарчуком. За год до освобождения он совершил первый побег, подделал документы и устроился на автобазу МВД СССР - отец помог. Его личное дело, которое находится в лагере, трижды перечеркнуто красным карандашом. Это значит: "Лжив. Мстителен, склонен к побегу и нападению".

- Вот как?! Я про это ничего не знала. - Канатчикова отбросила сигарету и сразу закурила новую.

- Он погубил своего отца, пусть и косвенно. А именно отец увел его от расстрела, прошел с ним все этапы, нашел ходы в тюрьму и лагерь, чтобы облегчить участь сына. Мать умерла от горя. Отец убитого болгарского водителя распродал все имущество, приехал в Россию, чтобы помочь найти убийцу. У его сына осталась невеста... Вот что такое ваш Кирилл.

- Зачем я родилась на свет? - тихо проговорила Канатчикова.

- Успокойтесь, в человеке пребывает порой несколько личностей. Просто нельзя ставить человека в такие обстоятельства, когда начинают просыпаться звериные инстинкты. Я понимаю так: Кирилл любил своих родителей и ради их жизни шел на поводу у Кухарчука, хотя тот мог и блефовать. Он принес отцу, как и вам, украденный телевизор... В его ситуации это было рискованным предприятием. Я уверен, что он любит вас, но запомните одно: такие люди, каким стал Кирилл, ни перед чем не остановятся, если на пути появится препятствие. Вернемся к моему вопросу?

- Я уже говорила, добавить нечего. Машины не видела, одет обычно. Вот только меня смутил запах, исходящий от него. Запах коровьей фермы или что-то в этом роде. Мы летом бываем на речке Вязьме, там совхоз недалеко, иногда ветер доносит этот противный запах...

ВСЕ МЫ НЕМНОГО ШЕРЛОКИ ХОЛМСЫ

Фидинеев, искуривая одну сигарету за другой, предавался глубокомысленным размышлениям, сам не догадываясь, что, словно прилежный ученик, следует заветам бессмертного Шерлока Холмса с его знаменитым методом дедукции, то есть

способом рассуждения от общих положений к частным - и наоборот. Кстати, майор и сейчас любил на досуге полистать Конан Дойла. Вообще, ко всяким детективам Фидинеев относился крайне иронически. Зачитываясь очередной книжкой, он порою восклицал: "Во загнули! Как в кино!" И все равно читал.

В те дни майору досаждал один литератор с идеей написать детектив на местном материале. "Только этого не хватало!" - улыбнулся майор. - Мы же все здесь знаем друг друга. Майора Пронина из меня не получится, а если получится по книге, то по жизни вызовет у коллег лишь улыбку. Любой детектив построен на несусветном вымысле и полнейшем дилетантстве. Но народ клюет, потому что занимательно..."

...Это были посторонние рассуждения, но подсознание Фидинеева невольно прокручивало оброненную Лидой Канатчиковой фразу про запах, который исходил от Марафона, когда тот принес телевизор. Запах силоса настолько устойчивый, что от него не может до конца избавиться ни один скотник.

А в остальном все просто: Марафон явился к Лиде из деревни, точнее, с фермы, пропитанной этим запахом. Что следует далее? Значит, фуру он под нашим носом загнал в одну из пустующих ферм, каких сейчас по округе не счесть, - можно и самолет спрятать. А сколько версий разрабатывалось: Москва, Калуга, Тверь... В то же самое время из допроса бандита Шарапова следовало, что тот лично объездил на этот предмет все деревни. Но Шарапов не мог делать это открыто, а майор Фидинеев, представляющий интересы государства...

Как все просто! Можно воспользоваться ближайшим совещанием директоров хозяйств или глав сельских администраций, рассказать о фуре, можно запросить соседние районы - а вдруг? Таковую махину, как грузовой "Мерседес" с цельнометаллическим прицепом, все равно скрыть невозможно.

Фидинеев был уверен почти на сто процентов, что платой за стоянку или аренду пустующей фермы могли быть телевизоры "Шарп": когда их много, не жадко один переправить отцу, второй - подарить любимой женщине, третий...

Делясь информацией с руководителями хозяйств, он слегка навел туману: из его слов выходило, что в телевизоры встроены контрабандные взрывные устройства. Спрашивается, кто после этого будет у себя дома держать мину замедленного действия?!

Расчет оказался верным. Один директор вскричал:

- Есть! Есть у меня этот проклятый "Шарп"! Приезжай немедленно с саперами, а я пока эвакуирую семью и шмотки. О Боже! Еще один я купил и отправил сыну в Еламбуй - это на Урале, дыра такая, не приведи Господи! Я сейчас дам срочную телеграмму...

- Какого содержания? - усмехнулся Фидинеев.

- Чтоб покинули дом или аккуратно сбросили телек в колодец и - кранты!

- Кранты будут тебе. После такой телеграммы сын действительно покинет дом только за тем, чтобы приехать срочно сюда и быстренько тебя спровадить в дурдом.

- Тоже верно! Эх, мать-перемать, вот влип...

Фидинеев свернул на семлевскую дорогу и в который раз не мог сдержать хохота, представив, какой сейчас переполох творится в директорском особняке.

Переполох и был. Уже одна машина, груженная мебелью, отошла от крыльца, вторая пятилась задом... В большой пустой гостиной сиротливо поблескивал "Шарп", накрытый кружевной салфеткой. На нем сверкала массивная хрустальная ваза.

- Горшок не жалко? - сочувственно спросил Фидинеев.

- Черт с ним! Слушай, а если сейчас рванет? Где саперы?

- Сам справлюсь, дай отвертку.

- Полоумный! Только подожди чуток, пока мы не отъедем хотя бы на километр.

...Фидинеев показал директору шутовину из телевизора, успокоил, принялся расспрашивать.

Все выходило до обидного просто. В начале декабря объявился некто в очень приличной одежде, назвался представителем латвийской фирмы "Салманис" и вызвался взять в аренду один из пустующих металлических складов с перспективой вывоза его за доллары в виде металла. Склад был из алюминия с какой-то еще более ценной примесью.

Директор сам ухватился мертвой хваткой за свалившегося на голову "арендатора". Если иные хозяйства разбрасываются целыми племенными конефермами, то продажа одного из пустующих "сараяв" - это просто удача!

Директор хозяйства уже мысленно предвкушал, как купит за "зелененькие" бензовоз, выдаст зарплату рабочим... В конце "арендатор" вкрадчиво проговорил:

- После удачной сделки фирма делает вам маленький презент в виде телевизора "Шарп".

- Взятка?! Не пойдет! - отрубил директор. - По дешевке склад я не отдам.

- У нас такой имидж. Мы насильно вам всучим телек. Или оставим на снегу возле дома. Так делается во всем мире.

- Во всем мире? - эхом отозвался директор. - А купить еще один можно - для сына? "Шарп", я слышал, котируется во всем мире. Впрочем, посмотрим на ваши физиономии, когда я назову сумму.

- Сговоримся. До скорого! Да, вы не будете возражать, если я на несколько дней в том складе поставлю грузовую машину?

- Да хоть пять! Склад все равно полупустой, сено вывезу. Вот ключи. Возьмете в аренду, хоть дискотеку там устроят.

...Фидинеев осмотрел место, где когда-то стоял металлический склад. Резкий запах силоса непривычно ударял в нос. Мычали коровы с соседней фермы. (Потом майор узнает, что Марафон несколько ночей спал на этой ферме, присматривая на всякий случай за складом с фурой.)

Директор, узнав всю подноготную с этими телевизорами, схватился за голову.

- Не волнуйся. Телевизоры изымут, а всю документацию о купле-продаже я временно заберу с собой. Твоей вины здесь никакой. Спасибо за помощь. Глядь, еще и именными часами могут наградить, причем, разве только будильником, чтоб не спал и не развешивал уши...

Документация была оформлена по букве закона, оценка склада соответствовала его стоимости, металл ушел в некую фирму "Салманис", адрес такой-то, фамилии такие-то - имя Воеводина-Марафона там не значилось.

Майор загрустил - нити обрывались в другом, малодружественном, государстве, с которым даже не было договора по линии МВД, как с Молдавией, Грузией, Азербайджаном, - да что государства! - на территории России, в той же Чечне, невозможно было "изъять" установленного преступника.

На память пришел вполне конкретный недавний случай. В Хиславичском районе, который отделяет от Белоруссии речка, произошла кража - следы тянулись за приграничную речку. По договоренности между обоими райотделами милиции воришки были задержаны, и дело дошло до суда. Но адвокату стоило лишь слегка пошевелить мизинчиком в том смысле, что на скамье подсудимых сидит подданный сопредельного

государства, иностранец... С испугу “иностранца” сопроводили на родину, а начальнику милиции вклеили выговор.

Фидинеев со своей небольшой колокольни ощущал всей кожей, что там, наверху, сидят люди, которые изошренно делают все, чтобы затруднить работу правоохранительных органов. Все эти новые инструкции, какие-то смехотворные бланки, типа “описи выемки”, дурацкие распоряжения четко рассчитаны на определенный эффект...

А что стоит еще один пример?! Из местного следственного изолятора (точнее сказать, из больницы, куда был помещен под стражей преступник) был совершен побег. Удалось установить, что преступник осел в Молдавии, даже адрес был известен. На запросы молдаване упорно отмалчивались, как бы невольно взяв под свое крыло матерого рецидивиста. И лишь тогда его арестовали, когда тот совершил на их территории тяжкое преступление.

“Бедлам какой-то!” - так в мягкой форме охарактеризовал Фидинеев внутри- и внешнеполитическую ситуацию в сегодняшней России.

Но он был настоящим профессионалом и знал, что будет сквозь этот бедлам продираться до тех пор, пока бьется сердце. Иного пути не было, да и не хотел он знать иных путей: каждый должен добросовестно выполнять свое дело, пусть даже все горит вокруг синим огнем. Общество создается не народом, а каждым человеком в отдельности. Так думал Фидинеев, подъезжая к Москве, так думал, входя в кабинет полковника Федеральной службы контрразведки Шумкова.

Шумков понял майора с полуслова.

- Официальные каналы - а это МИДы, Генеральные прокуратуры, еще с десятков различных бюрократических контор - отпадают сразу, - мрачно сказал он.

- А неофициальные?

Шумков с интересом посмотрел на Фидинеева.

- А вы готовы? Риск.

- Я обязан добыть этого Марафона! - Он подумал об отце убитого болгарского водителя.

- Почему вы уверены, что он там?

- Только дурак не воспользуется такой оказией. Возможно, с самого начала за спиной Марафона стояла фирма “Салманис”. В любом случае для Марафона территория России “заминирована”. Зачем ему рисковать?

- Логично. - Шумков задумался, покручивая в руках зажи-

галку. - Хорошо, частным порядком я добуду для вас информацию. Надо будет, подключим еще одно частное лицо. Если засветитесь, долго вам не придется баловаться грибами.

- Ясно! Спасибо! - воспрял духом Фидинеев. - Как говорится, так на так. Помните, как они выкрали из Тюмени командира наших рижских омовцев?

- Я против таких методов и никогда официально на это не пойду. Но вам, в частном порядке...

"Слишком часто он упирает на это слово", - подумал майор и уже прикидывал, как возьмет отпуск, может, удастся обернуться быстро и еще ухватить кусок грибного лета?

Проходили дни, от полковника ФСК Шумкова не было никаких вестей. Фидинеев нервничал, и в одно из воскресений принялся выпаривать два небольших бочоночка под грибы. Он не признавал никаких банок с крышками, консервированием занималась жена. Впрочем, зимой он ел и то и другое, просто на это ненавистное мытье, еще более ненавистную стерилизацию-пастеризацию у Фидинеева не хватало терпения и тщания в работе.

Еще надо добавить, что у Фидинеева в Андрейкове был небольшой родительский домик. В нем жил престарелый отец - мать умерла много лет назад. Здесь он и занимался всеми грибными делами под нескончаемые стариковские советы.

И вот когда на пороге дома возникла фигура коренастого незнакомца, одетого по-дачному, Фидинеев не сразу узнал в нем полковника Шумкова: в обычное время - весьма элегантного мужчину в безукоризненном костюме, с дорогой старомодной заколкой на ярком галстуке.

- Неужели? Товарищ полковник! - Он подавил радость и перешел, как всегда, на шуточный тон: - Какие люди, и без охраны?!

Шумков приветливо похлопал майора по плечу, поставил на табурет объемистый картонный ящик из-под вина - на столе появилась бутылка какого-то явно очень дорогого, не нашего... К ней - яркие банки, яблоки и даже торт.

- Надо отметить, - сказал полковник.

Отец Фидинеева молча пошел за традиционным салом и остатками жареной курицы, а явился, пыхтя, чуть ли не с полуведерной бутылью самогона собственного строго засекреченного рецепта. Фидинеев мимоходом подумал: "А еще сыщик! Не знал, где и как можно тайно хранить этакую бутыль. Впрочем, оставалось одно место, куда он не додумался заглянуть, - колодец".

После получаса беседы ни о чем Фидинеев сказал отцу:

- Батя, сходил бы ты до Миндилеевны, поговорите за жизнь...

- А может, еще куда подальше пошлешь? - обиделся старик и с тоской посмотрел на початую бутылку.

- Не волнуйся, кроме тебя, эту отраву никто не выдержит. Угости лучше Миндилеевну - шибче беседа пойдет.

Отец поворчал в усы, но засобирался, нацедив пол-литровую бутылку и взяв половину торта.

Из подробного рассказа контрразведчика выходило следующее...

Латвийская фирма "Салманис" закупила на металл совхозный склад под Вязьмой и перепродала его Швеции. Те же люди вместе со складом вывезли всю шарповскую видеотехнику и Марафона. Куда делась сама фура - неизвестно. Телевизоры, начиненные "гномами", открытым путем разошлись по всей Прибалтике, а может быть, и дальше.

Теперь о Воеводине-Марафоне... Он осел под крышей фирмы "Салманис", купил скромный особнячок в Дубултах под Ригой. Но есть очень веские предположения, что он выполняет заказы в качестве киллера, попросту говоря - наемного убийцы. Недавно вернулся из Молдавии, где был в тот же день застрелен в подъезде собственного дома известный депутат-бизнесмен. Сейчас отдыхает, загорает с девицами на пляже, кутит в дорогих ресторанах.

- Вот мы добыли фотографию, - полковник достал из бумажника снимок.

На фотографии был изображен уголок ресторана или бара. Среди сидящих за богатым столом людей выделялось продолговатое лицо, в котором Фидинеев безошибочно узнал Марафона - за это время он столько раз рассматривал снимки, изъятые в квартире его отца, добытые из разных уголовных и личных дел...

- Не раздумал? - вдруг спросил полковник и пристально посмотрел на майора.

- Как можно?! Завтра же ухожу в отпуск...

- Приятно работать с такими людьми. После операции милости прошу в мою контору. Да, в помощь тебе я даю одного человека. Он у нас не работает, но это неважно. Он подсядет к тебе в Минске. На той стороне, сразу за границей, вас будет поджидать местный человек с машиной БМВ и латвийскими номерами. Он - за шофера и проводника. Его подставлять никак нельзя, в захвате он не участвует.

Короче, находите виллу Марафона, кстати, там он носит имя Рудиса. Установите небольшую слежку, покрутитесь на пляже, в кабаках - а там полный экспромт, хотя все технические детали похищения - за минчанином. Он расскажет.

- Оружие? - поинтересовался Фидинев.

- Только не табельное. Я тебе привез чехословацкого производства. Минчанин тоже вооружен - пистолетом-автоматом и еще кое-чем из области химии. Если не выйдет с похищением, придется...

- Уничтожить?

- Так точно. Мы не знаем, сколько еще "заказов" предстоит выполнить Марафону. Я не хотел бы, чтобы он еще раз появился с этим у нас. Теперь пройдемся по карте твоего следования до Минска и далее до границы - это обходной путь. - Шумков достал тонкий листок кальки с топографическими знаками.

Они выпили еще по рюмке, задымили сигаретами.

- А ты знаешь, майор, мне более по душе дедова настоечка, всякие там испанские напитки - для слабонервных девиц.

- Приходилось там бывать? - осторожно спросил Фидинев.

- Молодец, поймал на слове, - рассмеялся полковник. - Приходилось. И даже посидел в тюрьме...

- Что у вас за работа!

- Скажу одно: после такой работы уже ничего не страшно, никакие жизненные ситуации.

- А семья?

- Семья пока там, но скоро приедет. Я ведь работал во внешней разведке нелегалом. Еще с юности. Завел семью, как все молодые испанцы.

- А язык?

- У меня мама преподавала испанский...

- Интересная работа...

- Интересная была в молодости, когда я был экспресс-курьером и мотался по всему миру.

- Что это такое?

- Это когда надо доставить для "поддержки штанов" нашей агентуре, ну, скажем, в Бразилию, один хороший бриллиант. Осечки исключались, я был наделен исключительными правами.

- Приходилось к ним прибегать?

- Приходилось. Однако, майор, я расслабился, давай за дело. Надо подумать о том, если вдруг вы засветитесь с оружием и без документов. Здесь у меня нет никакой легенды, потому что она не поможет. Но вы беженцы из России, беженцы из-под стражи за участие в известных октябрьских событиях в Москве. Выручать будет человек оттуда, а точнее "зеленые". Я тут тебе немного приготовил...

НЕЛЕГАЛЫ

Опустим подробности маршрута Фидинеева до Минска и границы с Латвией. Первая часть не представляла никакого труда, вторая была несколько утомительной из-за сельских объездных дорог. "Запорожец" Фидинеева держался молодцом, но немного раздражал молодого парня, который по договоренности с полковником Шумковым подсел к майору в условленном месте под Минском. У него было миловидное, почти девичье лицо, что никак не вязалось с коренастой атлетической фигурой. Из дорожного разговора Фидинеев догадался, что Костя (так он назвался) имел или имеет отношение к службе безопасности.

На одном из привалов Костя показал все свое снаряжение, научил им пользоваться майора - видимо, это входило в план операции. Сам любитель оружия, Фидинеев с восхищением покрутил чешский пистолет-автомат "скорпион", мельком глянул на газовые баллончики, наручники, бинокль, насадки-глушители... Заинтересовала его электрошоковая дубинка.

По плану выходило: "вырубить" Марафона будет Костя, а Фидинеев должен лишь подстраховывать, что называется, быть на подхвате. Все смертоносное снаряжение предполагалось укрыть в тайнике БМВ. Багажник машины предназначался для Марафона.

В небольшом селении на берегу живописной приграничной речки их уже поджидал седой человек лет пятидесяти. Говорил он с заметным акцентом. Из крайнего кирпичного домика вышел худощавый старик, пригласил войти. На кухне хлопотала хозяйка.

После обеда перенесли все боевое и специальное снаряжение в гараж, где стоял синий БМВ Пауля - так назвался седой, - упрятали в тайник машины. Место ее занял "Запорожец" Фидинеева.

БМВ рванул с места, слегка придавив зазевавшуюся курицу, помчался к лесу. Седой крутил баранку с лихостью мотогонщика, то и дело сворачивая на еле приметную колею. В какой-то момент стремительно съехал вниз, с ходу пересек мелководье речки, выехал на небольшое поле, остановился и с пафосом произнес:

- Я рад вас приветствовать на гостеприимной латвийской земле. Через четверть часа мы въедем на территорию моего имения "Мильда". Это старомодное имя, наподобие вашей Феклы, Дуни, Фроси... Так звали мою бабушку, владелицу имения. Советская власть имение отобрала, а нынешняя - вернула. И еще. - Пауль обернулся к Косте, сидящему на заднем сиденье. - Вы оба изрядно пьяны, если кто будет интересоваться, влезать в разговоры. Короче, до самого места вы все время - в стельку, а запах алкоголя в машине я устрою наилучшим образом, закусывать не надо...

После ужина, к ночи, они выехали в сторону Риги. В самой столице Латвии Фидинеев проснулся и с любопытством вглядывался в европейский город. Пауль куда-то заезжал, исчезал ненадолго.

Часа в три утра, когда уже начало светать, они въехали в небольшой городок, и Пауль тихо сказал:

- Дубулты. Спим в машине. Приятного сна, братья по оружию.

МАРАФОН, ОН ЖЕ РУДИС

Курортный городок Дубулты просыпается рано. Рано открываются всевозможные кафе, закусочные. Пауль припарковал машину у самого железнодорожного перрона, где в пять утра можно подкрепиться.

- Вон в том высотном здании, - пояснил Пауль, - некогда размещался Дом творчества писателей. Рядом дача Косыгина, еще далее - военно-морской госпиталь. Все - бывшее.

Фидинеев вынул листок кальки, на котором полковник Шумков отметил особняк Марафона. Пауль прикинул, показал вдоль железнодорожного полотна.

- Это где-то рядом, - сказал он, - но сейчас еще мало людей на улицах, не будем торопиться, проедемся туда-сюда, посмотримся.

Сразу за центром города начиналась череда разнокалиберных особняков. А вот и нужный: высокий сетчатый забор,

ворота, замкнутые цепью, решетки на окнах. У крыльца крутились два длинноногих черных пса.

- Ризеншнауцеры, - сказал Костя, - эти могут перекусить не только малую берцовую кость, но при желании и большую...

Пауль притормозил возле пожилой женщины с молочным бидончиком, долго о чем-то с ней говорил, показывал на особняки. Своим спутникам потом пояснил:

- Напротив нашего клиента живет главный врач пансионата, он нам не подходит - слишком семья шумная. А вот наискосок проживает престарелая супружеская пара. Придется ее побеспокоить, времени у нас в обрез.

В шесть тридцать утра Пауль подъехал к воротам указанного особнячка. На звонок вышел древний старик в линялом тренировочном костюме. Опять долгий разговор. Пауль показал ему какое-то удостоверение, вынул несколько долларов - лицо старика просияло, он показал рукой на мансарду своего дома. Пауль пояснил своим спутникам:

- Считаю, сняли на сутки мансарду. Я ему затуманил мозги частным сыскным бюро, даже "корочку" показал: мол, отслеживаем любовниц соседа и все такое прочее.

Костя тем временем переложил содержимое тайника БМВ в два кейса, один вручил Фидинееву. Они прошли гостиную, где в кресле дремала невменяемая старуха, поднялись наверх, приоткрыли занавески на небольшом окне - вилла Марафона была как на ладони. Фидинеев пошарил окулярами бинокля по окнам, определяя, где там спальня, туалет, гостиная... Все окна казались слепыми из-за плотных темных штор. В какой-то миг по оживлению псов он понял, что в доме проснулись. Действительно, распахнулась дверь - показался высокий худощавый человек, потянулся, потрепал псов и пошел за угол дома. Это был он - Кирилл Воеводин, Марафон, а теперь еще и Рудис.

Подождали еще с час. Марафон вышел одетый в белый летний костюм, вывел из гаража небольшой сверкающий автомобиль. Фидинеев подумал: "Чтобы вот так жить, этому человеку пришлось пройти через несколько убийств, подставить родного отца, побывать в камере смертников, отсидеть в тюрьме и лагере, совершить два побега и стать профессиональным убийцей-киллером, разъезжающим по разным государствам. Можно ли быть после всего этого счастливым? Впрочем, в человеке столько всего напичкано..." Еще он поду-

мал об отце убитого водителя Рачева, о невесте Георгане из далекого болгарского города Пловдива.

Костя, изучив объект, сказал Фидинееву:

- Он поедет на своем "Ситроене". Но БМВ должна оставаться здесь. "Наружку" будем осуществлять с вами, майор. Работа Пауля на этом этапе завершилась. Отсюда путь - только в центр городка, там мы его перехватим и посмотрим, куда он движет. Если на пляж, то это удача, если в сторону Риги - будем ждать возвращения здесь. Преследование остается незамеченным только в шпионских романах. Можем спугнуть навсегда. Чтобы оставаться самим в тени, необходимо задействовать целый штат сотрудников да еще несколько машин. А мы сами в таком положении, что впору за нами следить.

Затем Костя сказал Паулю:

- Все решится сегодня ночью, если клиент не смоеся на несколько дней. У вас, Пауль, впереди целый день. Не выпускайте старика из дому, притворитесь для соседей его родственником...

Пауль лишь вздохнул и никак не прокомментировал этот приказ.

С разрывом в десять минут, как только "Ситроен" Марафона скрылся за углом, Фидинеев и Костя вышли из дома. Центр городка находился в пятнадцати минутах неторопливой ходьбы. Фидинеев миновал кафе на перроне, занял позицию у выезда из городка, как раз напротив бывшей дачи Косыгина. Справа плавно несла свои воды тихая речка. Здесь он и расположился среди удильщиков. Сейчас не помешало бы переговорное устройство, но полковник Шумков разубедил сразу - нельзя, чужой эфир.

Пролетали мимо машины, "Ситроена" с нужными номерами не было. Да и откуда ему быть, Марафон уехал раньше. Часа через два появился Костя.

- Полный порядок. Клиент отправился на пляж. Судя по рукопожатиям с соседями, занял свое излюбленное место. Можно писать картину "Киллеры на привале". Думаю, все они из одной оперы. Пойдем, майор, закупим для пляжа шашлычков, прохладительных напитков. Кстати, в комке я рассмотрел отличные плавки, иначе мы в своих семейных будем выглядеть "кошельками" - так здесь называют "челноков".

Затоварившись необходимым, они выбрали место повыше, у самой кромки, где кончается пляж и начинается

сосновый лесок. Костя достал бинокль и на недоуменный взгляд майора сказал:

- Здесь многие рассматривают полуголых девиц без лифчиков. Модал! Ловите момент, майор, просвещайтесь...

Да, компания Марафона-Рудиса, по всему, была спаянной. Началась игра в карты. Появились закуска, бутылки. Обнаженные по пояс девицы участия в игре не принимали, налегали на фрукты, сладости, листали яркие журналы, висли на своих партнерах, дурачились...

ЧТО В КЕЙСЕ У МАРАФОНА?

Костя опустил бинокль, сказал, пережевывая шашлык:

- Дело идет к обеду, неужели они так просидят до вечера? А итог таков: компашка вооружена. И знаете, где стволы? В этих кожаных поясных штучках с молниями - как их называют, не знаю. У одного выпал, когда полез за баксами. Может, их мафия для этого придумала и выпустила в ширпотреб? Удобная вещь! Но меня, майор, заинтересовал кейс Марафона. Он его, во-первых, ни разу не раскрыл - тогда зачем брал? Во-вторых, когда он уходит купаться, неизменно пододвигает кейс дружкам. И, в-третьих, все вместе они ни разу не покинули свое насиженное место. А вообще, примитивные голово-резь...

Фидинеев подивился наблюдательности этого крепыща с нежным девичьим лицом.

Костя потянулся, встал:

- Нанесу-ка я визит вежливости...

Он спустился к морю, поплыл в сторону картежников, вышел и пристроился к группе играющих в мяч. Играл долго, шутил с девушками, то приближаясь к картежникам, то отдаляясь.

Фидинеев, не отрывая глаз от бинокля, неожиданно вскочил. А случилось вот что... Костя, принимая мяч, вдруг с силой ударил по нему - мяч пулей влетел в круг картежников; почти с такой же скоростью он побежал за мячом и плашмя растянулся прямо на колоду карт. Там произошла короткая свалка. Костя встал и слегка поклонился, прижав правую руку к сердцу. Поднялся Марафон и быстро вlepил Косте зуботычину. Костя лишь развел руками и понуро отошел. Один из сидящих, с фигурой зажиревшего штан-

гиста, что-то сказал Марафону и примирительно замахал рукой.

Через пять минут появился веселый Костя.

- Визит прошел почти в теплой дружественной обстановке, - сказал он, - я давно понял, что втереться в их круг через "дверь" не получится: компания замкнутая, а я не "Мисс Вселенная" и даже не "Мисс Юрмала." Пришлось лезть через "окно". А ввязываться в драку никак нельзя - опасно. Но я узнал главное: у Марафона, к моей глубокой зависти, есть автомат АКС-74У, замаскированный под обычный кейс. После легкого нажатия на кнопку кейс превращается в грозное оружие. Ко всему кейс еще может быть использован в качестве пуленепробиваемого щитка. Очень хорошая "игрушка", она используется в России только президентской охраной. Мне приходилось видеть...

- Как же он попал к Марафону?

- В дни октябрьских событий в Москве произошла утечка. Марафон лишь перекупил у кого-то.

- Сильно ударил? - спросил Фидинеев.

- Пустяки. Еще не вечер, сочтемся.

- Мы должны доставить клиента целым и невредимым, - зачем-то сказал Фидинеев.

- А вот мне на это, майор, наплевать. Мы еще не знаем, как сложится обстановка... И потом, я неподотчетен никому, как и вы. По крайней мере, в официальной форме. Да и ни в какой!

Фидинеев задумался и неожиданно спросил Костю о его воинском звании, если есть таковое.

- Такое же, как и у вас, - кратко ответил тот.

Фидинеев усмехнулся и подумал: "В таком возрасте майор получил лишь Гагарин. Эх, времена пошли".

Тем временем компания засобиралась.

- А вот это уже плохо, - сказал Костя, - второй раз им попадаться на глаза мне не пристало. Берите, майор, инициативу, я буду все время поблизости. Только не подставляйте физиономию, могут нервы не выдержать - тогда и я не помогу.

С разных сторон они двинулись за компанией. Картежники вышли к скверу возле католического собора, пересекли узкую улочку и скрылись за дверью полуподвального кафе. Спустя некоторое время туда зашел Фидинеев и очутился в красноватом дымном полумраке. Справа полукругом возвышалась стойка бара, слева стояли столики, отде-

ленные друг от друга высокими стенками. Компания выкинула за шиворот сидящего одинокого паренька, сдвинула второй стол, расселась, шумно смеясь и пересыпая речь отечественным матом. Фидинеев сел к ним вполоборота на высокий круглый стульчик, достал доллары, показал на кофейный агрегат и пирожное.

Боковым зрением Фидинеев почувствовал на себе пристальный взгляд Марафона. "Собачье чутье, - подумал Фидинеев, - надо уходить". И тут он увидел, как Марафон встал и направился к нему. Он внутренне сжался, оставалось только ждать.

- Вали отсюда, земляк, - услышал он над ухом. - Закрываемся на "санитарный час".

Фидинеев закивал, пошел к выходу. Встали и молча вышли еще две парочки.

У перекрестка маячила фигура Кости.

- Выпихнули? - сочувственно спросил он. - А жаль, разговор у них мог быть интересным, особенно щебетание этих целомудренных девиц. Но на нет и суда нет. Наша задача усложняется - теперь и вам нельзя попадаться ему на глаза. А пока займем исходные позиции, вы - в собор, я - туда. Если они вернуться к морю, засядем в пляжном пивном баре, если Марафон вдруг соберется домой, сойдемся здесь. Но ни в коем случае преследовать не будем. Основная работа предстоит ночью.

В ЧУЖОМ ДОМЕ

"Санитарный час" в кафе длился три с лишним часа. Компания вывалилась на улицу изрядно захмелевшей, девицы имели весьма потрепанный вид. Трезвым выглядел лишь Марафон. Фидинеев, до этого усердно разглядывавший внутреннюю архитектуру католического собора, увидел, как вся компания вышла на перекресток и, размахивая деньгами, остановила две машины. Они развернулись и помчались в сторону Рижского шоссе.

- Все нормально, - зашел успокоить Костя. - Сейчас я ворвусь в кафе и заполошно поинтересуюсь у бармена, куда делись мои закадычные дружки. Не думаю, что они второй раз за день заглянут в этот подвал.

В кафе Костя пробыл с минуту, ошалело выскочил, засовывая в карман брюк бумажник.

- Нормально, майор! Смылись в Дзинтари - это совсем рядом. В кабак. Ушицы им захотелось из речной рыбы. Я бы и сам не против, особенно из стерляди. Ладно, обойдемся луковым французским супом - вон в той забегаловке.

Они прикинули дальнейший план действий.

- По словам старика-соседа, - сказал Костя, - никаких компаний у нашего клиента никогда не собирается. Сам он пунктуально возвращается к полуночи. Странная пунктуальность для такого головореза... Пойдем к Паулю...

Пауль дремал в машине. Лицо его просияло при виде коллег, еще больший восторг вызвал пухлый пакет с беляшами и парой бутылок молока.

- Что старик? Уходил куда? - спросил Костя.

- Хотел, да я настоял - остался дома.

- За стариком глаз да глаз! Придется вам, Пауль, до конца разделить с ним компанию и беляши. А мы пройдемся по округе и, видимо, появимся с "клиентом" после полуночи. Будьте в машине, но укройтесь вон в том проулке. Когда увидите нас, подъезжайте к воротам. На этом первая часть операции завершится.

Костя и Фидинеев обошли ближние окрестности, присмотрелись, откуда и как лучше проникнуть в дом Марафона.

Когда окончательно стемнело, они появились снова. Костя быстро перемахнул через сетчатую ограду, предусмотрительно взяв с собой электрошоковую складную дубинку. Как ни был он осторожен, шум услышали псы и дружно, еще не понимая ничего, двумя тенями метнулись к пригнувшемуся Косте. Их могучий лай был коротким - раздался тонкий визг, и все стихло. Фидинеев тяжело, с двумя кейсами, перелез через забор; псы пластом лежали возле ног Кости. Они зашли с тыла особняка, где находилась дверь черного хода.

Костя, сосредоточенно сопя, позвякивал отмычками, то и дело напирая плечом на дубовую дверь. Потом устало сел:

- Недооценили мы Марафона, дверь с той стороны заперта на засов. Надо приступать с парадного, но там светло от фонарей. Будем как на освещенной сцене. А окна соседей всегда опасны, если даже в них темно.

- Может быть, возьмем у ворот, когда подъедет? - предложил Фидинеев.

- Полночь в курортном городке - это начало активной жизни. Хорошо, устроим небольшой спектакль. Я разденусь до плавок и похожу по аллее, изображая физкультур-

ника. Психология людей консервативна: если кто и увидит меня, подумает: чокнулся хозяин, вышел принимать лунные ванны. Кто и когда в истории мирового грабежа взламывал двери голышом? Тем более собаки молчат.

- А если...

- Они еще с полчаса будут лежать в отрубке. А потом еще часа три их не будет интересовать внешний мир, хотя бродить они начнут.

Фидинеев видел из-за угла, как Костя вальяжно прошелся по освещенной аллее, сжимая в руке отмычки. Подошел к двери, начал ковыряться в замке. Вдруг послышался шум остановившейся машины, чей-то голос на ломаном русском прокричал:

- Сосед, что случилось?!

- Захлопнулась дверь, проклятая! Сейчас я ее вторым ключом...

- Помочь?

- Пустяки.

Машина отъехала. Бешено колотилось сердце. Наконец Фидинеев почувствовал шевеление внутри дома. Черный ход открылся, и он кинулся в дом вслед за Костей.

По комнатам ходили на ощупь, свет с улицы совсем не проникал сквозь тяжелые шторы. Прикрывая ладонью фонарики, вошли в спальню. На прикроватной тумбочке сверкал ряд пузырьков, лежал лист бумаги.

- Вот и вся загадка его пунктуальности, - сказал Костя, - клиент наш строго по часам принимает какую-то отраву. Вот таблица. И всегда есть в ней цифра 24. Может быть, потому и не пьет, как его дружки. Впрочем, болезнь его меня не интересует, как и содержимое этих пузырьков. Пойдем устраиваться в прихожей. Остался час с четвертью...

Они сели на мягкие скамеечки под вешалкой, вынули из кейсов оружие и прочие спецприспособления.

- Я его накрою, а ты защелкивай "браслеты", - сказал Костя, впервые перейдя на "ты". - Потом я делаю короткое замыкание, чтобы погасить фонари, мы вытягиваем "клиента" на воздух, открываем его ключом ворота, грузим в БМВ - и поминай как звали! Но дело у нас - сугубо творческое. В случае чего палим из двух стволов и смываемся.

- Это нежелательно, - возразил Фидинеев.

- Я не надеюсь на наши суды. Прикончим дома... в случае попытки к бегству.

ВЫСТРЕЛЫ НА ПОРАЖЕНИЕ

Около полуночи снаружи особняка Марафона послышался шум подъехавшей машины. Фидинеев и Костя прильнули к узкому боковому окну прихожей. В конце освещенной дорожки, за решеткой ворот, показалась длинная фигура Марафона. Он позвякал цепью, распахнул ворота и медленно подкатил к самому крыльцу. Сбоку, пошатываясь, появились два пса с опущенными к самой земле мордами. И тут случилось страшное: из "Ситроена" возникла могучая фигура человека в модной майке, за ним выпорхнула девица... Марафон громко позвал собак:

- Мэйд! Чон! Дрыхли, проклятые! Только посмотрите на них, еле ноги волочат. А вы боялись... Сейчас замкну ворота и - байбай! А утром в лучшем виде появимся в аэропорту. Луция сделает нам на прощание ручкой...

Девица, которую назвали Луцией, еле держалась на ногах, немногим лучше был и толстяк - Костя сразу узнал в нем одного из компании картежников.

- Менять декорации поздно. Я займусь Марафоном с его кейсом-автоматом, а ты постарайся одним выстрелом выбить мозги из этого громилы - он вооружен. Девку выпускать нельзя, хоть кровь из носа... Дело творческое.

Щелкнул замок, Марафон, прихватив кейс, пропустил впереди себя громилу с девицей; как только его палец нажал клавишу включателя света, Костя с истошным криком прыгнул на Марафона... Фидинееву показалось, что он услышал хруст сломанной руки, кейс-автомат тяжело ударился о паркет и заскользил в глубь прихожей - Марафон рухнул на колени. Все это произошло в доли секунды, но они отвлекли Фидинеева. И вообще, по старой милицейской осторожности он не отважился сразу палить в живого человека, о котором практически не знал ничего. Этого было достаточно, чтобы громила захватом прижал горло спутницы к себе, вторая рука уже вытягивала из-за пояса пистолет.

И в тот самый момент сбоку коротко и приглушенно защелкал пистолет-автомат Кости: громила и девица, словно подкошенные, обливаясь кровью, рухнули на пол. Рядом катался по паркету, сжимая в локте руку, Марафон: его глаза вылезли из орбит от страха и боли. Костя стволом пистолета разжал ему зубы и впрыснул содержимое баллончика.

- Отрываемся! - крикнул он Фидинееву. - Возьми ключ от

ворот, а я вырубая возле хаты свет. Получилось много шума из ничего...

Еще минута потребовалась, чтобы грузное тело Марафона втиснуть в багажник уже поджидавшей БМВ. Машина пулей рванула с места. Фидинеев, сжимая ручку кейса-автомата, заметил: зажглись окна почти во всех соседних домах.

Пауль молчал, вынося БМВ на освещенную площадь центра городка, потом стал вслух рассуждать:

- В курортных местах у полицейских не принято ходить в форме, чтобы не портить своим видом настроение отдыхающих. Сейчас надо быть очень осторожным, бояться любого... Потом остановимся, приведем свое "хозяйство" в полный ажур.

- А пока гони, гони, гони! - прокричал все еще разгоряченный Костя. - Если успеем до Риги - дело в шляпе, фетровой...

- А вдруг девица бросится к телефону? - спросил Фидинеев.

- Она уже не бросится, - отпарировал Костя, - а вот соседи позвонят обязательно. По-хорошему, нам надо разбежаться и медленно ползти по-пластунски в белых тапочках к великой и горячо любимой родине.

Еще минут через пятнадцать бешеной гонки показались огни пригорода Риги. Какая-то встречная машина неожиданно поморгала фарами - так во всем мире водители предупреждают своих незнакомых коллег об опасности впереди. Пауль сразу тормознул, остановил другую машину, перебросился несколькими фразами с шофером.

Фидинееву и Косте сказал:

- Или мы засветились, или это просто плановая облава. На ближайшем посту дорогу перегородил бронетранспортер с автоматчиками и собаками. Обыскивают поголовно всех. И объездной дороги здесь нет...

- Никакой объездной дороги! - приказным тоном сказал Костя. - Сворачивай тихонько в кювет и без света двигай вон к тем огням.

Пауль повиновался. Вскоре машина уткнулась в деревянный мост через довольно широкую реку или озеро. Костя сказал:

- Аккуратненько собираем все оружие, кейсы, прочие улики и - с середины моста на самое дно. Ничего не забудьте, а я займусь Марафоном.

Уже с моста Фидинеев услышал возле машины характерный приглушенный щелчок - невольно вздрогнул, поразившись жестокости Кости. Или решительности?

Потом они прибрались в машине, достали бутылки, выехали на шоссе.

- Теперь вы беженцы из России, бежали из-под стражи как активные участники октябрьских событий в Москве, националисты или, как там, ура-патриоты, - проговорил Пауль. - Возвращаемся из Дзинтари, где в стельку надрались у случайных... м-м... девушек. Если нас задержат по звонку из Дубултов, вполне могут устроить очную ставку со стариком, у которого останавливались. Этого допустить нельзя. Будем выкручиваться, доставайте всю наличность, желательно в крупных купюрах.

ЕЩЕ ОДНА ЖЕРТВА?

Если перевести все разговоры с латышского языка на русский, то ситуация на полицейском посту складывалась следующим образом...

Офицер предложил всем выйти из машины для производства всестороннего досмотра.

Пауль:

- Эти двое беженцев из России слишком пьяны.

Офицер:

- Документы, адреса.

Пауль:

- Документы остались на квартире, где они временно проживают - улица Ульманиса... Телефон, к сожалению, отключен за неуплату.

Офицер: автоматчиком:

- Выволакивайте их!

Начинается личный досмотр, чуть ли не выворачивается вся одежда, другие автоматчики потрошат машину. .

Офицер из будки с кем-то связывается по телефону, кого-то убеждает, что ничего не найдено. Потом переспрашивает: "Еще тщательнее? Хорошо".

Опять досмотр, опять допрос: откуда, куда, где, зачем...

Пауль особых подозрений не вызывает, но все данные его документов заносятся в записную книжку офицера.

Итог: офицер приказывает сержанту сопроводить беженцев до их квартиры, чтобы удостовериться в правдивости слов, затем решено русских отправить в службу безопасности.

Так в машине оказывается четвертый, вооруженный тупо-

рылым израильским автоматом “Узи”. Пауль намекает на баксы, но получает решительный отказ.

Наконец они въезжают на улице Ульманиса в какой-то двор. Пауль предлагает сержанту подняться на третий этаж за документами, а потом везти русских дальше. Сержант соглашается. Минут через пятнадцать Пауль возвращается один, небрежно бросает на сиденье автомат.

С рассветом они подъезжают к имению “Мильда”, но, миная его, едут в сторону границы. Еще через час Фидинеев и Костя уже трясутся на родном “Запорожце”...

До Минска Костя молчит, но на прощание вдруг обнимает майора:

- Мы больше никогда не увидимся, майор. Таков печальный итог... Надо все забыть, хотя это навсегда останется с нами. Меня будет согревать мысль, когда я буду с нежностью думать о тех, кого не успел прикончить Марафон и его громила. Мы никогда не узнаем имен этих людей, но они есть...

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Грибное лето в Вязьме было в самом разгаре.

Фидинеев целыми днями сидел в отцовском доме, бесцельно бродил по двору, лежал, брался читать, писать письмо в Болгарию отцу убитого водителя... Отец Фидинеева, догадываясь о состоянии сына, не лез с расспросами и разговорами. Лишь раз заикнулся о грибах.

- Какие грибы, батя?! - вздохнул Фидинеев.

Его душа все еще сопротивлялась тому, что произошло: в обход всем законам и нормам, жестоко, вообще не по-человечески... И хотя он понимал, что в той ситуации иного выхода не было, его профессиональный навык милицейского сыщика говорил: мог, мог быть совсем иной выход, но вот какой?

Марафон кончил жизнь почти в такой же ситуации, что и болгарский водитель Рачев: сначала газовый баллончик, затем выстрел в голову... Кто его дружок? Что он унес с собой? Совершенно ни при чем девица Луция... А что стало с сержантом, который намеревался заключить их в камеру? Где телевизоры с “гномами”? Где сама фура? Что он скажет при встрече Лидии Канатчиковой, у которой растет дочка Марафона?

Одни вопросы...

В один из дней жена Фидинеева под села к нему, проговорила:

- Давай на мои зимние каникулы уедем куда-нибудь в лес покататься на лыжах, поживем в избе - среди снегов и тишины.

- Давай! - вдруг согласился Фидинеев. - Если я завтра выйду на работу, у меня в запасе останется еще почти две недели.

Так и сделал. И скоро ритм его жизни вошел в привычную колею, лишь изредка с теплотой вспоминая молодого майора Костю из Минска.

Грибное лето в Вязьме кончилось.

Современный детектив

Владимир Николаевич Першанин

СПРОСИ ПУСТЫНЮ...

Владимир Георгиевич Христофоров

ГРИБНОЕ ЛЕТО В ВЯЗЬМЕ

Сдано в набор 10.06.97 г.
Подписано к печати 04.09.97 г.
Формат бумаги 84x108 ¹/₃₂
Печатных листов 6,0
Усл. печ. л. 10,08
Заказ 424
Цена свободная
Тираж 30000
ТКЗ

Адрес редакции:
127434 г. Москва, ул. Ивановская, 24

Уважаемые читатели.

В "Библиотечке" № 5 журнала "Милиция" читайте новый роман мастера детективного жанра Ивана Козлова "Болевой синдром", посвященный вчерашним спецназовцам, их боевой дружбе, верности, мужеству.

У полковника Олега Макарова погибает жена. Он уверен, что это дело тех, с кем он воевал на Кавказе, и кто неоднократно грозил ему расправой с семьей. К поиску убийцы подключается его друг Евгений Зырянов. Но в результате расследования дело получает совершенно неожиданный оборот.

